

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1912.

№ 7.

АПРѢЛЬ—книжка первая.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛА БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКАГО:

- Слово, въ недѣлю о Томѣ. **Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго** 1—10
- Рѣчь, при освященіи глазной лечебницы имени Л. Л. Гиршмана. **Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго** 11—12
- Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій. (Къ тридцатилѣтію его святительства). (Продолженіе). **Прот. П. Вомина** 13—44
- Общія заключительныя замѣчанія о социализмѣ и общія-же мѣры мирной борьбы съ нимъ. **Проф.-Прот. Н. Стеллецкаго** 45—54
- Слово при погребеніи проф. Л. Н. Загурскаго. **Священ. І. Филевскаго** 55—58
- Явленія женамъ мироносицамъ въ день Воскресенія. (Окончаніе). **Д. Брянцева** 59—68
- Ученіе св. Іоанна Златоуста о боговдохновенности Библіи. (Продолженіе). **Д. Леонардова** 69—93
- Познаніе и его объектъ. (Продолженіе). **И. С. Продана** 94—112
- Культъ римскихъ императоровъ и его значеніе въ борьбѣ язычества съ христіанствомъ. (Продолженіе). **В. А. Мелихова** 113—132

II. ОТДѢЛА ИЗВѢСТІЙ И ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

I. Отношеніе Господина Оберъ-Прокурора Св. Синода на имя Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго. — Отъ Харьковской Духовной Консенсторіи. — Епархіальныя извѣщенія. — Объявленіе. — Отъ Правленія Братства св. Великомученицы Варвары. — II. Слово въ память 300-лѣтія блажен. кончины святѣйшаго патріарха всея Россіи Гермогена. **Свящ. І. Филевскаго**. — Миссіонерскій листокъ. Религіозное броженіе въ слободѣ Муратовой. **Архимандрита Арсенія**. — Епархіальная хроника. — Иноепархіальный отдѣлъ. — Разныя извѣстія и замѣтки. — Объявленія. — (Стр. 133—160).

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья ул., д. № 14.

1912.

ЖУРНАЛЪ

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1) Отдѣла богословско-философскаго и 2) Извѣстій и замѣтокъ по Харьковской епархіи. Сохраняя апологетическое направленіе, журналъ даетъ статьи, прежде всего, церковнаго характера. Съ научно-апологетическою же цѣлію въ этомъ журналѣ помѣщаются изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологій, метафизики и исторіи философіи. Наконецъ въ немъ заключается отдѣлъ подъ названіемъ: „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“. Въ этотъ отдѣлъ входятъ: постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной; статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго характера; свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи; перечень текущихъ важнѣйшихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **ДВА РАЗА** въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., за-границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской духовной семинаріи, въ харьковскихъ отдѣленіяхъ „Новаго Времени“, во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостин. дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ „Новаго Времени“.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полный комплектъ изданія за 1910 г. за **8** руб. съ перес. За другіе годы экземпляры журнала могутъ быть пріобрѣтаемы по особому соглашенію съ Редакціей.

ВЪ РЕДАКЦИИ ПРОДАЕТСЯ:

СОБРАНІЕ СЛОВЪ И РЪЧЕЙ Высокопреосвященнаго Арсенія Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. Цѣна за семь книгъ семь рублей съ пересылкой. Весь чистый доходъ поступаетъ согласно волѣ Его Высокопреосвященства, Архіепископа Арсенія, въ пользу Общества вспоможенія нуждающихся воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СТАТЕЙ

БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКОГО ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“.

==== Т. II. №№ журнала 7—12. ====

За 1912 годъ.

Слово въ недѣлю о Өомѣ. Высокопреосвященнаго Арсенія, стр. 10.

Рѣчь при освященіи глазной лечебницы. Высокопреосвященнаго Арсенія, стр. 11—12.

Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій. Прот. П. Өоминь, стр. 13—44, 161—184.

Общія заключительныя замѣчанія о социализмѣ. Проф.-Прот. Н. Стеллецкаго, стр. 45—54.

Слово при погребеніи проф. Л. Н. Загурскаго. Свящ. І. Филевскаго, стр. 55—58.

Явленіе женамъ мироносицамъ въ день Воскресенія, Д. Брянцева, стр. 59—68.

Ученіе св. Іоанна Златоуста о боговдохновенности Библии. Д. Леонардова, стр. 69—93, 185—205, 319—342, 464—480, 604—626, 737—758.

Позваніе и его объектъ. И. С. Продана, стр. 94—112 *).

Культъ римскихъ императоровъ. В. А. Мелихова. стр. 113—132, 254—259.

Вѣра въ чудеса съ точки зрѣнія современной богословской науки. С. Голощапова, стр. 206—223.

*) См. сл. т..

А. С. Хомяковъ. К. Шебатинскаго, стр. 224—253, 387—402, 496—513.

Факты и воспоминанія изъ жизни герцоговинца. Прот. І. Пичеты, стр. 260—266, 403—414, 528—546, 656—688.

Женщина и религіозная вѣра. Проф. С. Глаголева, стр. 305—318.

Христіанство Руси до Владиміра святого. В. Пархоменко, стр. 343—358, 482—495.

Мысли Вл. С. Соловьева о воскресеніи. В. Суханова, стр. 359—386.

Пребываніе ихъ Императорскихъ Величествъ въ Харьковѣ, 22 мая 1912 года, стр. I—IV.

Богъ въ природѣ. Проф.-Прот. І. Галахова, стр. 449—463, 589—603, 723—736.

Личность графа Толстого и причины его вліянія на общество. Свящ. І. Дмитревскаго, стр. 514—527, 627—639, 759—772.

Слово на освященіе храма Казанскія иконы Божіей Матери. Высокопреосвященнаго Арсенія, стр. I—VI.

Существуютъ ли бессознательные психическіе процессы. А. Покровскаго, стр. 640—655, 773—782 *).

Къ спекулятивному обоснованію религіозной вѣры. П. Нечаева, стр. 783—796 *).

*) См. сл. т.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ,

содержащихся въ „Извѣстіяхъ и Замѣткахъ по Харьковской епархіи“, №№ 7—12, за 1912 годъ.

I.

Официальный отдѣлъ.

Отношеніе господина Оберъ-Прокурора Св. Синода на имя Высокопреосвященнаго Арсенія, стр. 133.

Отъ Харьковской Духовной Консисторіи, стр. 134, 269.

Епархіальныя извѣщенія, стр. 134—136, 269—271, 418—422, 558—561, 689—691, 835—837.

Объявленіе, стр. 136.

Отъ Правленія Братства Св. Великомученицы Варвары, стр. 136.

Приемъ у Высокопреосвященнаго Арсенія, стр. 267.

Объявленіе отъ строительнаго Комитета по сооруженію Епархіальнаго дома.

Отъ предсѣдателя Отдѣла воздушнаго флота, с. 261—268.

Отъ Правленія Сумского Духовнаго Училища, с. 269.

Высочайшій Рескриптъ, данный на имя Архіепископа Арсенія, стр. 415.

Высочайшія награды, стр. 416, 547—548.

О пожертвованіяхъ на возстановленіе Терапонтова Бѣлозерскаго монастыря, стр. 416—417.

Описаніе кредитныхъ билетовъ 500 руб. достоинства, стр. 417—418.

Отъ Харьков. Епархіальн. книжнаго Комитета, стр. 422.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода, стр. 548—550.

Проектъ устава Харьковскаго Епархіальнаго Церковно-Археологическаго Общества и Музея, стр. 550—555.

Выписка изъ журнала № 7, стр. 556.

Отчетъ Миссіонерскаго Общества, стр. 556—558.

Поправка, стр. 561.

О присоединеніи къ православію, стр. 692.

Объявленіе отъ Правленія Ссудо-Сберегательной Кассы, стр. 692—693.

Отъ Совѣта Сват.-Луцкой второкл. учительской школы, стр. 693.

Списокъ лицъ, служащихъ въ Сумскомъ духовномъ училищѣ, стр. 693—696.

Письмо Высокопреосвященнаго Владиміра, с. 797—799.

Программа Всероссійскаго Съѣзда по борьбѣ съ алкоголизмомъ, стр. 799—800.

Инструкція по дѣламъ епархіальныхъ свѣчныхъ заводовъ, стр. 800—805.

Объяснительная записка, стр. 806—811.

Разрядный списокъ воспитанниковъ Харк. Духовной Семинаріи, стр. 812—817.

Росписаніе приѣмныхъ экзаменовъ, стр. 817—818.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи, стр. 818—820, 835.

Разрядный списокъ учен. Харьк. Духовнаго училища, стр. 820—825.

Отъ Правленія Харьк. Дух. учил., стр. 825—826.

Разрядный списокъ воспитан. Сумскаго Дух. училища, стр. 826—829.

Отъ Правленія Сумск. Дух. учил., стр. 829—831.

Списокъ державшихъ экзамень, стр. 831—833.

Отъ Правленія Похоронной Кассы, стр. 833—834.

Отъ Дергачевской второклассной школы, стр. 835.

Отъ Славянской второкл. учит. школы, стр. 835.

II.

Статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго содержанія и другія.

Слово. Свящ. І. Филевскаго, стр. 137—147.

Религіозное броженіе въ сл. Муратовой. Архимандрита Арсенія, стр. 143—148.

Слово. Свящ. І. Артинскаго, стр. 271—277.

Призваніе современныхъ народныхъ пастырей. Свящ. Н. Загоровскаго, стр. 277—283, 427—432.

Непринужденная бесѣда. Свящ. Н. Липскаго, с. 283—291.

Къ вопросу о средствахъ содержанія преобразуемыхъ духовно-учебныхъ заведеній. Свящ. П. Курскаго, с. 422—426.

Коварная сдѣлка сектантовъ. Миссіонера А. Бушева, стр. 432—435.

Чѣмъ объяснить удачную борьбу самозванцевъ съ Борисомъ Годуновымъ и Василиемъ Шуйскимъ? Михаила Невпрягина, стр. 562—570.

Бесѣда. Свящ. В. Григоревича, стр. 696—699 *).

Со скрижалей скорбнаго сердца. Миссіон. Архимандрита Арсенія, стр. 700—702.

Изъ области „Подгорновщины“. Архимандрита Арсенія, стр. 291—295.

Рѣчь. Прот. Т. И. Буткевича, стр. 838—851.

Къ столѣтію юбилея Отечественной войны. К. И—на, стр. 851—857.

III.

Епархіальная хроника.

Наша экскурсія 1911 года, стр. 149—153.

Памяти отца. Свящ. В. Щербинина, стр. 295—297.

Архіерейскія богослуженія. Прот. Г. Виноградова, стр. 435—440.

Паломничество учащихся въ Харьковск. Александро-Невскихъ школахъ. Свящ. А. Сокольскаго, стр. 441—444.

День тридцатилѣтія служенія Высокопреосвященнаго Арсенія, стр. 571—574.

Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Харьковской Духовной Семинаріи, 575,—702—707.

Радостные дни въ Святогорской обители. Архимандрита Арсенія, стр. 707—716.

Донесеніе на имя Высокопреосвященнаго Арсенія, стр. 857—863.

Рапортъ на имя Высокопреосвященнаго Арсенія, стр. 864—865.

Игуменія Херувима. (Некрологъ). Архимандрита Аванація, стр. 865—870.

*) См. сл. т.

IV.

Иноепархіальный отдѣлъ.

- О церковныхъ библіотекахъ, стр. 154—155.
 Епархіальная касса пособій учащимся дѣт., с. 155—156.
 Церковная юбилейная комиссія, стр. 297—298.
 Праздникъ нищихъ дѣтей, стр. 298—299.
 Обращеніе Архіеп. Антонія Волынскаго, стр. 299—300.
 Призывъ на защиту церковныхъ школъ, стр. 300—301.
 Призывъ Архипастыря, стр. 444—446.
 Рѣчь Высокопреосвященнаго Владиміра, Архіепископа
 Донскаго, стр. 575—576.
 Предвыборныя совѣщанія духовенства, стр. 577—580.
 Кружки ревнителей благочестія, стр. 716—717.
 Проектъ правилъ пользованія садами, стр. 717—719.
 О поддержаніи обычая свящ. благословенія, с. 870—871.
 Объ участіи духовенства въ учрежденіяхъ мелкаго кре-
 дита, стр. 871.

V.

Разныя извѣстія и замѣтки.

- Современный романъ, стр. 156—159.
 Укрѣпленіе добрыхъ навыковъ, стр. 301—303.
 На родинѣ Христа, стр. 446—448.
 Страданія въ 1812 году нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ,
 стр. 580—585.
 Библіографія,* стр. 585—588.
 Необыкновенный случай съ однимъ Московскимъ свя-
 щеннослужителемъ, стр. 719—721.
 Грядущее рабство, стр. 871—872.
 Международная петиція, стр. 872—873.
 Важная реформа въ католической церкви, стр. 873—874.

Отдѣльныя приложенія.

- Отчетъ Православнаго Палестинскаго Общества.
 Журналы XXVI очереднаго Съѣзда духовенства.

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1912.

№ 7.

АПРѢЛЬ—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья улица, домъ № 14-й.

1912.

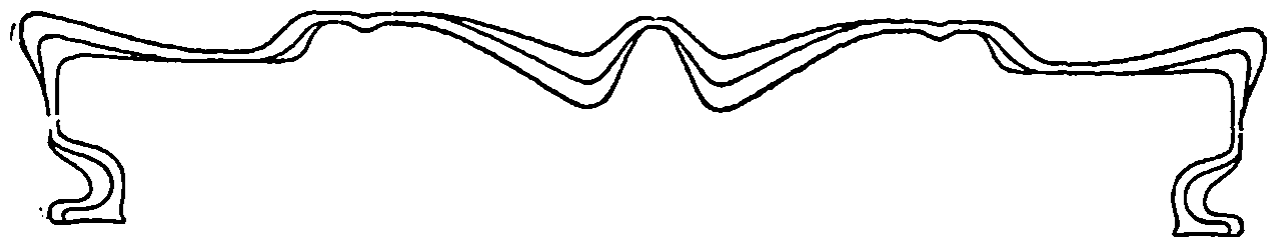
Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Харьковъ. Дозволено цензурою, 15 Апрѣля 1912 года.

Цензоръ Протоіерей Петръ Оомикъ.

СЛОВО

Высокопреосвященнаго Арсенія,
Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго,
въ недѣлю о Ѳомѣ ¹⁾.

Похвальное дѣло сдѣлали и настоятель сего храма и староста онаго, что перенесли престольный свой праздникъ на настоящій день и устроили такое торжественное богослуженіе при двухъ архіереяхъ съ многочисленнымъ сонмомъ священнослужителей, привлекающее столь великую массу молящихся не только прихожанъ, но и пришедшихъ со всѣхъ концовъ города. Я думаю, что такого величественнаго богослуженія еще и не бывало въ этомъ храмѣ... И какъ отраднo, возлюбленные, молиться среди такого множества народа, какъ благодатна, сильна и угодна Всевышнему такая совмѣстная, всенародная истинно-церковная молитва!..

Нынѣ праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы пришелся въ великій день Воскресенія Христа—Св. Пасхи. И въ соединеніи этомъ сугубый праздникъ получаетъ особое наименованіе „Кирию-

¹⁾ Произнесено 1 апрѣля 1912 года въ Харьковской Благовѣщенской церкви въ день празднованія храмоваго торжества.

пасха". Это событіе—весьма рѣдкое, совершающееся въ столѣтіе разъ или два. Кириопасха—слово греческое: оно означаетъ, что въ соединеніи этихъ двухъ величайшихъ христіанскихъ праздниковъ преимуществуетъ Св. Пасха, что изъ двухъ этихъ праздниковъ празднуется главнымъ образомъ, въ особенности Св. Пасха, какъ господственная, истинная, божественная Пасха—Кириопасха. Для православныхъ христіанъ такой рѣдкій праздникъ—величайшее торжество: и насъ Господь сподобилъ праздновать Кириопасху, которую предки наши праздновали только въ началѣ прошлаго столѣтія...

Знаменателенъ и въ высшей степени поучителенъ смыслъ празднованія въ одинъ день Кириопасхи: и Св. Пасхи—Свѣтлаго Христова Воскресенія и Благовѣщенія Пресвятой Богородицы совмѣстно.

Благовѣщеніе Пресв. Богородицы—было возвѣщеніемъ Ей, Пречистой и Преблагословенной Дѣвѣ, о воплощеніи и вочеловѣченіи отъ Нея по наитію Св. Духа Сына Божія—Бога Слова, а это было началомъ и основаніемъ нашего спасенія. Вотъ почему и праздникъ Благовѣщенія есть начало, основаніе, „главизна“ всѣхъ остальныхъ христіанскихъ праздниковъ. Благовѣщеніе открыло—явило міру и челоуѣчеству, сперва въ лицѣ Пресвятыя Богородицы, тайну воплощенія Сына Божія, отъ вѣка предопредѣленную Богомъ и доселѣ сокровенную: какъ вдохновенно это выражается въ торжественной церковной пѣсни „тропарѣ“ Благовѣщенію! *„Днѣсь спасенія нашего главизна, и еже отъ вѣка тайнства явленіе: Сынъ Божій сынъ Дѣвы бываетъ, и Гавріиль благодать благовѣствуетъ. Тѣмже и мы съ нимъ Богородицѣмъ возопіимъ: радуйся, благодатная, Господь съ Тобою“.* Пропоемъ же всѣ, братія возлюбленная, этотъ тропарь...

Преславное и пресвѣтлое Воскресеніе Христово— это побѣда Христова надъ смертію, адомъ, дьяволомъ, это—завершеніе, вѣнецъ искушительнаго подвига Господа нашего Іисуса Христа, это—Пасха,—спасеніе людей отъ грѣха, проклятія и смерти, примиреніе челоувѣчества съ Божественнымъ Правосудіемъ, это—замогъ воскресенія людей, это—дарованіе имъ жизни вѣчной, блаженства райскаго. Свѣтлое Христово Воскресеніе, такимъ образомъ, есть окончаніе нашего спасенія во Христѣ, Искупителѣ и Спасителѣ нашемъ. Какъ воодушевленно Св. Церковь выражаетъ это въ радостной и благодатной пѣсни—тропарѣ пасхальномъ: „Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ!“

Пропоемъ же всеъ эту умиленную пѣснь...

И такъ, оба эти праздника нынѣ соединились вмѣстѣ въ Кпріонасхѣ: въ этомъ соединеніи выразилось то, что начало нашего спасенія было доведено до конца Спасителемъ нашимъ Господомъ Іисусомъ Христомъ, что искупленіе наше совершено воистину, вполне и несомнѣнно. „Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, первенецъ изъ умершихъ. Какъ въ Адамѣ все умираютъ, такъ во Христѣ все оживутъ“ (1 Коринѣ. XV, 20—22). Истина эта должна исполнять насъ чувствомъ величайшей отрады, усугублять нашу праздничную радость и побуждать насъ къ тому, чтобы мы отъ глубины существа нашего во всю жизнь достойно славимъ и благодаримъ Господа, нашего Искупителя и Спасителя... И подлинно, Св. православная Церковь празднуетъ оба эти праздника съ величайшимъ торжествомъ и радостію. Въ радости этихъ праздниковъ принимаетъ участіе вся природа: недаромъ народное вѣрованіе говоритъ, что въ Благовѣщеніи—птица гнѣзда не вьетъ, а въ Пресвѣтлое

Воскресеніе Христово даже солнце играетъ... Святая же Церковь всю силу своей благодатной радости въ Свѣтлое Христово Воскресеніе выражаетъ во вдохновенной пѣсни: *„Нынѣ вся исполнишася свѣта, небо и земля и преисподняя: да празднуетъ вся тварь возстаніе Христово“*...“ Въ этихъ словахъ Св. Церковь возвѣщаетъ, что спасительный—свѣтъ Воскресенія Христова осіяваетъ всю вселенную, весь міръ видимый и невидимый: небо, землю и преисподнюю, и что, поэтому, въ день Воскресенія Христова, все ликуетъ, все радуется, вся тварь прославляетъ Господа...

Въ самый день Свѣтлаго Христова Воскресенія вамъ, прихожане сего храма, приходилось праздновать не только свой храмовой праздникъ, а радоваться еще и торжеству соединенія обоихъ праздниковъ. Но тѣмъ дѣло вы не порѣшили. Взамѣнъ своего храмового праздника вы пожелали устроить въ настоящій день это торжественное и величественное богослуженіе: дѣло похвальное и душеспасительное.

Въ прошедшую свѣтлую седмицу, въ настоящій день и далѣе будетъ продолжаться прославленіе Воскресшаго Господа. Св. Церковь въ своихъ богослуженіяхъ, молитвахъ и пѣснопѣніяхъ во все это время до праздника Вознесенія Господня воспоминаетъ явленія Господа Іисуса Христа по воскресеніи. Многократны они были, необычайны и знаменательны. Въ первый день по воскресеніи Своемъ Господь явился нѣсколько разъ. И какъ вы думаете, возлюбленные, кого перваго Онъ удостоилъ радостной вѣсти о воскресеніи, кому прежде всѣхъ первому явился Онъ, какъ свѣтоносный Живодавецъ, Побѣдитель ада и смерти? Кто болѣе всѣхъ выстрадалъ съ Нимъ Его уничиженіе, поношенія, крестныя муки и ужасъ смерти?

Чье сердце болѣе всѣхъ людей билось любовью къ Распятому и въ тоже время какъ бы оружіемъ раздиралось при видѣ Его страданій? Кто поэтому болѣе всѣхъ людей нуждался и былъ достоинъ получить блаженное утѣшеніе въ воскресеніи Спасителя? Да, вы правильно угадываете: это—Его Пречистая и Препоблагословенная Матерь! И по вѣрованію Св. Церкви Господь прежде всего явился и утѣшилъ Матерь Свою, Пресвятую Богородицу, въ самый же день Своего воскресенія, рано утромъ. Потомъ, прежде всѣхъ Своихъ учениковъ Онъ явился женамъ муриносицамъ, а послѣ нихъ самымъ возлюбленнымъ Своимъ апостоламъ Петру и Іоанну и нѣкоторымъ другимъ ученикамъ, а вечеромъ въ первый день явился двумъ ученикамъ, шедшимъ изъ Іерусалима въ Еммаусъ, и тогда же вечеромъ явился десяти ученикамъ въ домѣ, гдѣ они собрались вечеромъ, кромѣ Апостола Ѳомы. При всѣхъ Своихъ богоявленіяхъ Господь укрѣплялъ въ ученикахъ увѣренность въ Своемъ воскресеніи, возбуждалъ въ нихъ радость и бесѣдовалъ съ ними о тайнахъ Царствія Божія.

А что случилось въ восьмой день по воскресеніи —сегодняшній, и что празднуетъ Св. Церковь нынѣ? Когда въ первый день вечеромъ Господь Іисусъ Христосъ явился десяти ученикамъ, при этомъ не было апостола Ѳомы. Ученики, видѣвшіе Господа, съ величайшею радостію рассказали ему о Спасителѣ, что Онъ воскресъ, явился имъ и бесѣдовалъ съ ними. Ѳома же или по недостатку вѣры, или по сильному желанію самому увидѣть Господа, скорбя, что вмѣстѣ съ другими онъ не удостоился радости видѣть Воскресшаго, отвѣчалъ ученикамъ: *„если не увижу на рукахъ Его ранъ отъ гвоздей, и не вложу перста моего въ раны отъ гвоздей, и не вложу руки моей въ*

ребра Его, не повѣрю“ (Іоан. XX, 25). И вотъ въ восьмой, нынѣшній день, чрезъ затворенныя двери явился Господь всѣмъ ученикамъ, когда и Тوما былъ съ ними. Господь сталъ среди нихъ и сказалъ: „Миръ вамъ!“ Потомъ говоритъ Томѣ: „подай перстъ твой сюда, и посмотри руки Мои; подай руку твою и вложи въ ребра Мои; и не будь невѣрующимъ, но вѣрующимъ“. И вотъ Тома, обуреваемый порывомъ пламенной вѣры, чувствами величайшей радости и раскаянія въ слабовѣріи, воскликнулъ: „Господь мой и Богъ мой!“ Господь же сказалъ ему: „ты повѣрилъ, потому что увидѣлъ Меня; блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе“ (Іоан. XX, 26—29). Такъ, братія, осуждается невѣріе и восхваляется вѣра. Не будемъ же медленны и малодушны въ своей православно-христіанской вѣрѣ. Вѣра въ Воскресшаго Господа—величайшее наше сокровище: она служитъ залогомъ нашего спасенія, источникомъ благодатнаго возрожденія, она даетъ намъ жизненную силу и бодрость, она исполняетъ насъ духовной отрады и утѣшенія среди всѣхъ превратностей земной жизни. Будемъ же мужественны и непоколебимы въ исповѣданіи этой вѣры: чѣмъ ширѣ вокругъ насъ будетъ разливаться злобное невѣріе, тѣмъ крѣпче и пламеннѣе будемъ блюсти и проповѣдывать вѣру и любовь къ Распятому и Воскресшему нашему Господу. Всѣмъ невѣрующимъ людямъ и возбуждающимъ насъ къ невѣрію, мы, подобно увѣровавшему Ап. Томѣ, будемъ отвѣчать и восклицать: „Господь мой и Богъ мой: Ты моя крѣпость, Господи! Ты моя и сила, Ты—мой Богъ, Ты—мое радованіе!“...

Богатство священныхъ воспоминаній въ нынѣшній день всѣмъ вышесказаннымъ не ограничивается. Еще нынѣ воспоминается и прославляется Св. Цер-

ковію Сошествіе Господа нашего Іисуса Христа во адъ. Бывшіе изъ васъ вчера на всенощномъ бдѣніи, конечно, слышали торжественное церковное величаніе Господа: „Величаемъ Тя, Живодавче Христе, насъ ради во адъ спедшаго, и съ Собою вся воскресившаго“. Господь нашъ Іисусъ Христосъ не только ради насъ воспріялъ величайшее уничиженіе, поношенія, скорби, крестныя муки, смерть и погребеніе, не только запечатлѣлъ Свою крестную жертву Преславнымъ Воскресеніемъ изъ мертвыхъ, но и еще насъ ради снизошелъ въ глубину преисподней, въ самое царство сатаны, въ темный, страшный и мрачный адъ. Когда же это было? Когда Спаситель, умершій плотію и погребенный, пребывалъ во гробѣ, какъ это описываетъ церковная пѣснь: „Во гробѣ плотски, во адѣ же съ душею, яко Богъ, въ рай же съ разбойникомъ, и на Престолѣ былъ еси Христе со Отцемъ и Духомъ—вся исполняяй неописанный“. Какое дивное состояніе Божественнаго Мертвеца здѣсь изображается! Находясь мертвою плотію во гробѣ, Господь Іисусъ Христосъ во адъ сошелъ душею яко Богъ, но и въ то же время Онъ былъ въ рай, возсѣвъ на божественномъ престолѣ яко Царь всего міра: неба, земли и побѣдитель преисподней, все наполняя славою Своей побѣды и искупительной жертвы за родъ человѣческой. Какое великое событіе! Умершій Спаситель, яко человѣкъ, но вѣчно живущій яко Богъ, тѣломъ лежалъ въ запечатанномъ гробѣ, душею нисходилъ во адъ какъ Богъ и посѣтилъ рай, введши въ него съ Собою перваго христіанскаго праведника—покаявшагося на крестѣ разбойника, и былъ на престолѣ со Отцемъ и Духомъ, возвѣщая Отцу и Св. Духу о совершеніи Имъ дѣла искупленія и спасенія рода человѣческаго. Но что же совершилъ Спаситель

во адѣ, когда снисшелъ туда? Крѣпко было заключено это страшное царство сатаны, въ безпросвѣтномъ мракѣ скорби содержались тамъ души всѣхъ умершихъ въ ветхозавѣтное время людей. Думается, что врагъ рода человѣческаго, врагъ Царства Божія, діаволъ, предвидя побѣду надъ собою Господа Спасителя, ко времени Его Крестной жертвы еще крѣпче заключилъ и оградилъ свое страшное царство—адъ, какъ бы заперевъ его, по словамъ церковныхъ пѣснопѣній, тройными стѣнами, могучими заклепами, несокрушимыми узами... Но все было напрасно. Въ сіяніи Божественной славы, со властію Всемогущаго Царя Побѣдителя, пѣснословимый безчисленными сонмами св. ангеловъ, съ Животворящимъ Крестомъ, орудіемъ Своей побѣды, Спаситель нашъ Господь сошелъ во адъ, и вся сила адская предъ Нимъ разсѣялась; сокрушились стѣны, расторглись узы, пали врата адскія, уничтоженный, посрамленный и безсильный діаволъ потерялъ власть надъ душами томившимися во адѣ, и Господь возвѣстилъ спасеніе всѣмъ ветхозавѣтнымъ томившимся тамъ праведникамъ, которые съ вѣрою и пламенною надеждою ожидали Его пришествія, и, исполняя ихъ несказанной радости и блаженства, извелъ ихъ въ царство Небесное... Съ того времени двери ада закрылись для всѣхъ праведниковъ, а открылись для нихъ двери рая. Такъ, Своею Крестною смертію Господь побѣдилъ вѣчную смерть, разрушилъ адъ Своимъ Преславнымъ снисшествіемъ въ него, и всѣмъ умершимъ съ вѣрою въ Него даровалъ жизнь вѣчную: „Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ, и сущимъ во гробѣхъ животь даровавъ“. Такъ сокрушились „вѣчные верей“ ада. Кончилось владычество смерти и діавола (Евр. 11, 14). „Искуплены всѣ праведные, которыхъ погло-

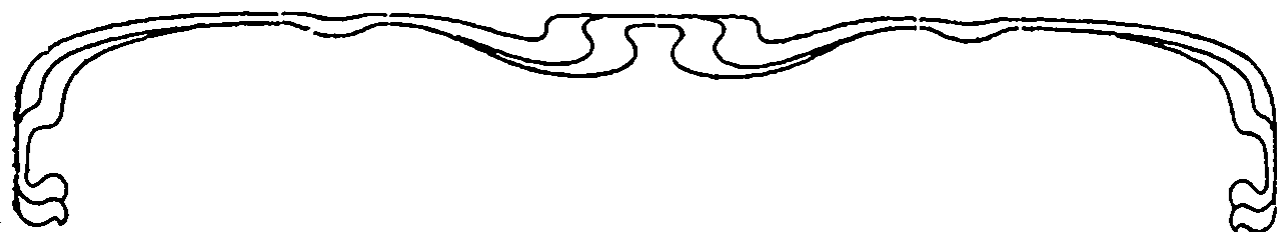
тила смерть и послѣ сего каждый изъ праведниковъ сказалъ: „Смерть! гдѣ твое жало? адъ! гдѣ твоя побѣда? Насъ искупилъ Побѣдодавецъ“ (Св. Кирилль Іерус.). Такъ вторично діаволъ былъ побѣжденъ. Послѣ своего возстанія на Господа въ первый разъ, онъ былъ побѣжденъ еще до сотворенія міра, когда послѣ его возмущенія и противленія вѣрныя Господу ангельскія силы во главѣ съ Архистратигомъ Михаиломъ при благодати Божіей побѣдили сатану и низпровергли его изъ Царства Небеснаго въ преисподнюю со всѣми его слугами—злыми духами, демонами. Но будетъ еще и третья послѣдняя побѣда надъ нимъ, когда онъ окончательно будетъ упраздненъ. Это будетъ во второе страшное пришествіе Господа нашего Іисуса Христа, когда послѣ пораженія и уничтоженія Антихриста и Страшнаго Суда надъ міромъ праведницы просвѣтятся яко солнце, унаслѣдовавъ вѣчное Царство уготованное имъ Отцомъ Небеснымъ отъ сложенія міра, а діаволъ съ своими слугами будетъ низведенъ на дно ада и преданъ на вѣчное мученіе...

Вотъ какойнынѣ многосодержательный—по своимъ воспоминаніямъ и назидательный—по своему характеру праздникъ! Такъ торжественно совершаемый да исполнитъ онъ васъ сугубой духовной радости о Господѣ и да утвердитъ онъ васъ въ пламенной любви и преданности Спасителю нашему Іисусу Христу. Внушаемая нынѣшнимъ торжествомъ мысль о непреложности Воскресенія Господа, многократно являшагося апостоламъ и вѣрующимъ его послѣдователямъ, пусть исполнитъ васъ бодростію и ревностію въ христіански-благочестивомъ прохожденіи жизненнаго пути, ибо Воскресшій нашъ Спаситель воскреситъ и насъ по окончаніи нами земного пути для наслѣдованія

жизни вѣчной. Вѣра же въ побѣду Христа надъ адомъ и діаволомъ да подкрѣпитъ всѣхъ васъ въ борьбѣ при помощи благодати Божіей съ искушеніями, соблазнами и всяческимъ зломъ, отъ діавола исходящими. Сила Крестная, сила Воскресшаго Господа есть непобѣдимое наше орудіе въ борьбѣ съ діаволомъ...

Вразумляйтесь же непрестанно о семъ, братія возлюбленная; съ вѣрою, любовію и благоговѣніемъ призывайте всегда страдавшаго, умершаго, погребеннаго и воскресшаго въ третій день Господа, совершившаго наше спасеніе и даровавшаго намъ животъ вѣчный. Аминь.

Р ъ ч ь

Выекопреосвященнаго Арсеенія,

Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго,

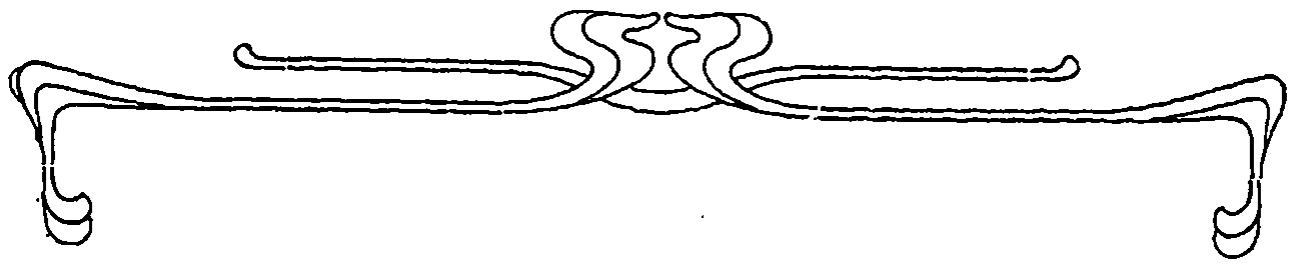
при освященіи глазной лечебницы имени Л. Л. Гиршмана *).

Послѣ богослуженія и призванія благословенія Божія на сей домъ и на богоугодное и благотворительное учрежденіе въ ономъ, я долгомъ своимъ считаю выразить свое привѣтствіе и благожеланіе. Честь и слава общественной благотворительности, на средства которой построено сіе прекрасное зданіе и благоустроено. Радуюсь, привѣтствую гор. Харьковъ и его городское управленіе съ развитіемъ и процвѣтаніемъ научно-просвѣтительной жизни въ городѣ, какъ подобаетъ большому и многолюдному городу. Сравнительно за недавнее время въ семъ городѣ открыты медицинскій женскій институтъ, высшіе женскіе курсы, общество скорой медицинской помощи, и вотъ, въ добавленіе къ многимъ здѣсь существующимъ больницамъ, открыта и оборудована въ лучшемъ видѣ глазная лечебница. Значеніе ея весьма важное, какъ важенъ глазъ въ организмѣ человѣческомъ и какъ великъ даръ Божій—зрѣніе для человѣка. Привѣтствую строительный комитетъ, понесшій *немалые* труды при по-

*) Произнесена 8 апрѣля 1912 г.

стройкѣ сей лечебницы. Привѣтствую медицинскую науку, особенно офталмологію, получившую въ семъ учрежденіи широкое практическое примѣненіе на страждущихъ глазами, слабыхъ зрѣніемъ и нуждающихся въ поддержкѣ онаго. Привѣтствую г.г. профессоровъ медицинскаго факультета Харьковскаго университета и прочихъ врачей, особенно окулистовъ, которые, съ построениемъ и организаціею этой лечебницы, получили новое мѣсто, гдѣ они будутъ примѣнять къ дѣлу свои познанія, развивать оныя и совершенствовать. Особенно привѣтствую достопочтеннаго заслуженнаго профессора Л. Л. Гиршмана, имени котораго посвящена эта лечебница: онъ наше украшеніе и слава; да продлитъ Господь многополезную жизнь его на многіе годы, чтобы онъ могъ приходить сюда оказывать помощь и руководить другими при леченіи глазъ и зрѣнія. Наконецъ привѣтствую жителей гор. Харькова да и многихъ другихъ, которые живутъ далеко отъ него, которые будутъ приходить сюда за помощію. Особенно привѣтствую бѣдный людъ, который будетъ получать здѣсь медицинскую помощь даромъ. Привѣтствую всѣхъ васъ, возл. бр., съ симъ благимъ дѣломъ. Я усердно молилъ и молю Господа да ниспошлетъ Онъ свое благословеніе на домъ сей, служащихъ въ немъ и получающихъ врачебную помощь, и своею всесильною благодатію поможетъ врачующимъ и врачуемымъ здѣсь получать исцѣленіе. Призывая благословеніе Божіе на домъ сей, я благословляю оный, служащихъ въ немъ и врачующихъ—иконою Господа нашего Іисуса Христа. Да будетъ Онъ помощникомъ всѣхъ приходящихъ сюда; Онъ самъ сказалъ: *приидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененные, и Азъ упокою васъ* (Мѡ. XI, 28). Аминь.

ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫЙ АРСЕНІЙ, Архієпископъ Харьковскій и Ахтырскій.

(Нъ тридцатилѣтію его святительства).

(Продолженіе) *).

Назначеніе Высокопреосвященнаго Архієпископа Арсенія на Харьковскую кафедру не было для Харьковской паствы совершенною неожиданностію. Уже ранѣе этого очень многіе изъ Харьковцевъ слышали и читали о замѣчательныхъ трудахъ и пастырской ревности Архієпископа Арсенія. Исторія предшествовавшихъ назначеній Архипастырей въ Харьковъ показывала, что высшая церковная власть считаетъ Харьковскую кафедру очень видною и отвѣтственною и потому назначала сюда святителей съ богатымъ опытомъ, съ рѣдкими способностями и прославленныхъ на прежнихъ кафедрахъ. Послѣ назначенія Харьковскаго Архієпископа Флавіана на кафедру Кіевскаго Митрополита Харьковское духовенство и друзья Церкви изъ мѣстнаго образованнаго общества высказывали свои предположенія о томъ, кто будетъ преемникомъ Высокопреосвященнаго Флавіана, и при этомъ часто упоминали имя Архієпископа Казанскаго Арсенія, какъ святителя въ высшей степени достойнаго и вполне желательнаго для знаменитой Харьковской кафедры. Многіе при этомъ указывали на то, что усиливавшееся въ епархіи сектантское движеніе призывало сюда на борьбу съ нимъ святителя особенно опытнаго въ борьбѣ съ иновѣріемъ и

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 6 за 1912 годъ.

сектантствомъ, извѣстнаго своею стойкою волею, мудростію и церковностію, а таковымъ считался Казанскій Архипастырѣ. Знаменательно, что еще блаженной памяти Архіепископъ Амвросій въ одинъ изъ визитовъ Архіепископа Арсенія изъ Риги въ Харьковъ сказалъ ему при своихъ гостяхъ: „я не пророкъ, но предсказываю Вамъ, что будете моимъ преемникомъ на Харьковской кафедрѣ, и какъ бы я желалъ этого“...

Слова Архіепископа Амвросія оказались пророческими. Понятно, что когда телеграфъ оповѣстилъ о состоявшемся назначеніи въ Харьковъ Высокопреосвященнаго Архіепископа Арсенія, паства Харьковская приняла эту вѣсть съ чувствомъ полного удовлетворенія и живѣйшей радости.. Харьковъ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія новаго святителя и встрѣтилъ его съ необычайною торжественностію и радушіемъ.

Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній прибылъ въ гор. Харьковъ 15 марта 1903 г. въ 9 часовъ 34 минуты утра. Духовныя должностныя лица встрѣтили святителя еще на ст. „Бѣлгородъ“, при чемъ тогда же харьковскимъ благочиннымъ прот. П. Полтавцевымъ были отмѣчены такія черты личнаго характера святителя, которыя естественно побуждали каждаго „сильно подтянуться“ въ служебномъ смыслѣ.

По прибытіи Архіепископа Арсенія въ Харьковъ на вокзалѣ въ парадныхъ комнатахъ его встрѣтили всѣ высшія духовныя лица, губернаторъ, представители города, земства, сословія и разныхъ вѣдомствъ, въ сопровожденіи которыхъ онъ отбылъ въ кафедральный соборъ при колокольномъ звонѣ всѣхъ градскихъ церквей, по улицамъ и площадямъ запруженнымъ толпами народа, желавшаго получить благословеніе новаго своего Архипастыря. Намъ очень памятно прибытіе Архіепископа въ соборъ и встрѣча его здѣсь паствою и духовенствомъ. Рѣдко на долю каждаго изъ насъ выпадаютъ случаи такихъ чрезвычайныхъ и трогательныхъ торжествъ. Соборная площадь была сплошь заполнена народомъ. Былъ ясный, хотя и свѣжій день..., надъ городомъ царилъ гулъ колоколовъ, къ собору быстро подъѣзжали многочисленные экипажи съ высшими чинами..., подъѣхала карета съ Архіепископомъ. Соборъ былъ переполненъ народомъ, посрединѣ въ четыре ряда стояло духовенство въ бѣлыхъ облаченіяхъ во главѣ съ Харьковскимъ викаріемъ

Епископомъ Стефаномъ... Въ соборъ вступилъ Высокопреосвященный Арсеній. Послѣдовалъ чинъ архіерейской встрѣчи, начатый привѣтственной рѣчью Преосвященнаго Стефана.

Архіепископъ Арсеній намъ показался безъ всякихъ слѣдовъ дорожнаго утомленія, сановитымъ и величественнымъ святителемъ, сдержанно-спокойнымъ. Внимательно выслушивалъ онъ рѣчь Еп. Стефана. Въ срединѣ ея онъ быстро обвелъ глазами внутренній видъ собора и выстроившійся рядъ духовенства... Прекрасны были и отвѣчали общему настроенію послѣднія слова привѣтствія Преосвящ. Стефана: „встрѣчаемъ Тебя, возлюбленный богодарованный намъ Архипастыръ нашъ, съ радостію великою... Встрѣчаемъ Тебя также и съ любовію, потому что намъ извѣстны неусыпные труды Твои на пользу духовныхъ чадъ Твоихъ въ прежнихъ мѣстахъ Твоего служенія; намъ вѣдомы подвиги любви Твоей, не жалвующей себя въ служеніи спасенію чадъ своихъ, къ благоустроенію всѣхъ сторонъ церковной жизни. Вѣримъ и надѣемся, что и мы, новыя чада Твои, найдемъ у Тебя такую же заботливость, какую имѣлъ Ты къ прежнимъ чадамъ своимъ, что мы уже восприняты Тобою въ отеческую любовь Твою, и за эту любовь Твою заранѣе встрѣчаемъ Тебя любовію“...

Во время молебнаго пѣнія чина встрѣчи мы видѣли величественно-спокойное и истовое моленіе Архіепископа. Послѣ обычнаго многолѣтія, онъ вышелъ на амвонъ и обратился къ своей новой паствѣ съ первою своею рѣчью. Духовенство и паства ждали ее съ нетерпѣніемъ и теперь слушали ее съ глубочайшимъ вниманіемъ... Преподавши по апостольски миръ и благословеніе своей новой паствѣ, святитель вознесъ къ Богу свою горячую мольбу о преусиженіи въ ней св. вѣры и благочестія, трудолюбія, трезвенности, строгой семейной жизни и всяческаго земнаго благополучія. Вмѣстѣ съ этимъ святитель призывалъ Божіе благословеніе и на свои труды и предстоящіе подвиги на новой кафедрѣ: „Да благословитъ Господь мое вхожденіе къ вамъ содѣйствующею благодатью Своею, да подастъ силы и крѣпость къ благоуспѣшному прохожденію великаго архипастырскаго служенія. Покровъ и благословеніе Пресвятой Богородицы, покрывающей и объемлющей Харьковскую паству чрезъ Ея чудотворныя иконы, да покрыетъ и объемлетъ

и мое слабое существо и содѣлаетъ оное годнымъ и способнымъ къ дѣланію на благо Богодарованной моей паствы и для собственнаго спасенія. Это моленіе мое пусть будетъ воплемъ, выходящимъ изъ глубины души моей, ибо я сознаю немощи свои и слабость силъ моихъ. Я вступаю на Харьковскую кафедру не въ молодости или мужествѣ лѣтъ, а въ періодъ старости, когда настало время оскудѣвать крѣпости моей; вхожу на кафедру Харьковской паствы послѣ 35-лѣтняго служенія на нивѣ Христовой и послѣ 20-лѣтняго служенія въ святительскомъ санѣ тремъ паствамъ. Служеніе мое было не въ скромныхъ, потаенныхъ, или уединенныхъ уголкахъ Россіи, а въ видныхъ, шумныхъ и многлюдныхъ мѣстахъ. Кіевъ и Крымъ, Петербургъ, Рига и Казань видѣли мои труды и подвиги. Вездѣ постоянно приходилось быть въ напряженномъ состояніи, имѣть и мудрость зміную, и кротость голубиную, проводить время въ неослабныхъ трудахъ и подвигахъ, болѣе въ бдѣніи, чѣмъ въ отдыхѣ. Вотъ почему я пришелъ къ вамъ, братіе, уже съ ослабѣвшими силами; а въ послѣдніе годы суровый и коварный Казанскій климатъ разстроилъ мое здоровье. Но я вѣрую, что сила Божія въ немощахъ совершается и что она поддержитъ и укрѣпитъ меня, и я обѣщаю трудиться на благо паствы своей по мѣрѣ силъ своихъ... Да благословитъ же Господь съ нашимъ пришествіемъ начало новой епархіальной жизни въ Харьковской паствѣ, благоуспѣшнаго прохожденія служенія нашего и да благословитъ Онъ отнынѣ наше совмѣстное житіе и служеніе во славу Божию на вѣрность Царскому Престолу и пользу нашего дорогого отечества и мѣстнаго общества. Аминь“.

И теперь, девять лѣтъ спустя, въ нашей памяти живо воскресаетъ особенное впечатлѣніе, какое произвела на всѣхъ эта первая, вступительная рѣчь Высокопреосвященнаго Архіепископа: она была глубокотрогательна въ своей простотѣ и задушевности и прекрасна въ произношеніи. Владыка сказалъ ее съ высокимъ подъемомъ неподдѣльнаго чувства, звучнымъ и мягкимъ голосомъ, сопровождаая плавными и величественными движеніями правой руки... Во второй половинѣ рѣчи голосъ Владыки дрогнулъ, и на его глазахъ блеснули слезы, въ послѣднихъ словахъ зазвучалъ торжественный тонъ глубокой и несокрушимой вѣры его въ со-

дѣйстви архипастырскому служенію Божественной благодати... Мы, слушатели, были тогда тронуты словами Владыки до глубины души. Взаимно дѣлясь потомъ впечатлѣніями, мы, харьковскіе пастыри, не могли не признать въ новомъ своемъ Архипастырѣ опытнѣйшаго церковнаго оратора съ „помазаніемъ“, знающаго, чѣмъ и какъ тронуть до слезъ сердца молящихся...

Преподавши благословеніе духовенству и народу въ соборѣ, Владыка отбылъ въ Покровскій Архіерейскій монастырь, гдѣ на площади предъ Архіерейскимъ Домомъ его опять привѣтствовали густыя толпы народа. Торжественно встрѣченный всею братією монастыря въ Озерянской церкви, Владыка поклонялся величайшей Харьковской святынь, Озерянскому чудотворному образу Божіей Матери, и послѣ молебнаго пѣнія, принявъ въ молитвенное воспоминаніе отъ братіи св. икону, онъ обратился къ монашествующимъ съ своимъ словомъ, въ которомъ указалъ имъ на отвѣтственное ихъ служеніе въ большомъ городѣ и на обязанность ихъ поддерживать въ обители строжайшую уставность, благолѣпіе богослуженій и внутренній порядокъ... На слѣдующій день, 16 марта, Высокопреосвященный Архіепископъ совершилъ первую Божественную литургію въ кафедральномъ соборѣ при торжественной обстановкѣ въ присутствіи многочисленнаго народа и высокихъ представителей всѣхъ вѣдомствъ, и здѣсь онъ произнесъ первое свое литургійное слово о нравственномъ значеніи для каждаго изъ насъ церковнаго поста.

17-го же марта въ покояхъ Архіерейскаго Дома Владыкѣ представлялись все городское монашествующее и приходское духовенство и всѣ должностныя лица епархіальнаго и духовно-учебнаго вѣдомства, изъ которыхъ каждаго въ отдѣльности представлялъ ему Преосвященный Епископъ Стефанъ, отмѣчая при этомъ заслуги и способности многихъ изъ нихъ. Это первое личное взаимное знакомство Архіепископа Арсенія и Харьковскаго духовнаго міра было весьма знаменательно: уже въ этотъ моментъ для всѣхъ выяснились руководящія идеи предстоящей архипастырской дѣятельности, а вмѣстѣ съ этимъ и личныя черты творческаго и кипучаго характера Архіепископа Арсенія. И для самого Архипастыря въ этотъ моментъ было чрезвычайно важно

лично видѣть подвѣдомственное ему духовенство и ближайшихъ своихъ сотрудниковъ, въ коихъ его зоркій и искушенный жизнью взоръ почти безошибочно угадывалъ тѣ способности, коими онъ могъ воспользоваться въ своихъ дальнѣйшихъ трудахъ по управленію епархіей. Не смотря на официальность этого момента, Высокопреосвященный Арсеній умѣлъ сразу сообщить ему тонъ отеческой бесѣды и между обычными докладами представлявшихся ему лицъ высказать свои взгляды на разныя стороны церковно-епархіальной жизни, а съ другой стороны расположилъ и представлявшихся ему лицъ обрисовать въ надлежащемъ свѣтѣ жизнь паствы. Въ своемъ общемъ обращеніи къ собранію Архіепископъ особенно призывалъ къ утвержденію въ паствѣ и въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ духа церковности; жаловался на оскудѣніе церковности даже въ самомъ духовенствѣ, а между тѣмъ на народъ могутъ вліять только священнослужители истовые, любящіе свое служеніе, умѣющіе богослуженіе поставить во всей его строгой и несравненной красотѣ и благолѣшіи... При этомъ какъ удивительно мѣткі и точны были отдѣльныя указанія Архіепископа! „Архіерей, говорилъ онъ, долженъ опираться въ своихъ трудахъ на вѣрныхъ и преданныхъ ему помощниковъ, напр., благочинныхъ. Вотъ Вы, о. Протоіерей, сказали онъ обращаясь къ градскому благочинному Прот. П. Полтавцеву, отвѣтите: что такое благочинный? Вы затрудняетесь отвѣтить? А я Вамъ скажу: это—око архіерея, проводникъ въ духовенствѣ взглядовъ и цѣлей Архіерея. А между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, какъ нерѣдко благочинные не только не понимаютъ своего Владыку, а даже идутъ въ разрѣзъ съ его намѣреніями..“ Ласково отнесся Архіепископъ къ Харьковскому градскому духовенству. Но съ особенною и трогательною любовію онъ привѣтствовалъ въ средѣ его маститаго старца Протоіерея І. Л. Чижевскаго, которому воздалъ дань похвалы и уваженія за его многочисленные и всѣмъ извѣстные церковно-каноническіе труды и руководства. Архіепископъ и потомъ до самой смерти о. Чижевскаго относился къ нему съ неизмѣннымъ и глубокимъ уваженіемъ и покровительствомъ, отмѣчая его всюду какъ истинное украшеніе и гордость Харьковскаго духовенства...

Таковы были первые дни вступленія Архіепископа Арсенія на Харьковскую кафедру.

Въ ближайшіе затѣмъ дни онъ почти непрерывно посѣщалъ съ цѣлью ознакомленія всѣ Харьковскія духовно-учебныя заведенія, при чемъ первое свое знакомство съ каждымъ изъ нихъ онъ освѣщаль своими торжественными богослуженіями и сопровождалъ ихъ своими прекрасными и душевными словами къ учащимся. Воспитанникамъ Духовной Семинаріи онъ при этомъ настойчиво внушалъ любовь къ храму, богослуженію, пастырству, указывая, что за церковныя конѣйки, на которыя они воспитываются, они обязаны отблагодарить свою епархію усердной, честной и благородной приходской службой въ качествѣ священнослужителей и церковно-школьных дѣятелей. Это—его любимая тема, которую онъ всегда затрагивалъ въ своихъ рѣчахъ къ духовному юношеству. Какъ часто въ такихъ случаяхъ онъ со слезами вспоминалъ своихъ родителей, которые, несмотря на удручающую бѣдность, направили его въ духовную школу, гдѣ онъ былъ матерински вскормленъ, вспоенъ и обученъ, а теперь онъ отдаетъ всю свою жизнь на служеніе той Церкви, которая его такъ любвеобильно воспитала...

Въ первую же очередь Архипастырской его дѣятельности въ Харьковѣ было поставлено ознакомленіе съ градскими храмами и съ дѣятельностью градскаго духовенства на мѣстахъ. Для посѣщенія храмовъ г. Харькова онъ избиралъ великіе или храмовые праздники. Въ такіе дни онъ то въ одной, то въ другой церкви совершалъ богослуженія какъ можно торжественнѣе, привлекая этимъ сюда великое множество народа со всего города, пріучая его любить храмы, богослуженія и церковныя торжества. Высокопреосвященный Арсеній всегда заботился приближать къ себѣ народъ, чтобы дать ему возможность видѣть богослуженіе во всемъ его величїи и красотѣ. Не смотря на массовое скопленіе людей при его богослуженіяхъ никогда не происходило никакихъ замѣшательствъ. Очень часто Владыка просилъ полицію не оттѣснять отъ него людей, а ставить ихъ возлѣ и кругомъ него. Какъ-то такъ всегда выходило, что при его богослуженіяхъ самъ народъ поддерживалъ строгій и благочинный порядокъ. Вотъ, напр., въ Д-ской градской церкви Владыка

замѣтилъ, что возлѣ его амвона двѣочки-ученицы церковно-приходскихъ школъ и пріюта заслонены нарядомъ полиціи, онъ приказываетъ ихъ выдвинуть впередъ, и онѣ выстраиваются красивою лентою въ скромненькихъ платьицахъ съ бѣлыми передничками отъ амвона къ алтарю. Въ В—ской градской церкви предъ своимъ словомъ Владыка приказываетъ многочисленной массѣ учениковъ мѣстной церковно-приходской школы подойти къ солеѣ, и они окружаютъ его съ счастливыми и благоговѣйными лицами, а онъ начинаетъ свое прекрасное слово о любви къ Богу и ближнему, ласково полагая свою десницу на юныя головы то одного, то другого ученика: какая трогательная картина Архипастыря бесѣдующаго съ своими зрѣлыми и юными духовными чадами..! Въ рѣдкихъ случаяхъ малѣйшія попытки нарушенія народомъ богослужебнаго порядка Высокопреосвященный Архіепископъ умѣлъ съ необычайною находчивостью ихъ устранять или сглаживать. Такъ, напр., во время совершенія Архіепископомъ храмоваго богослуженія въ Харьковской Дмитріевской церкви въ обычное время вышелъ на солею произносить слово маститый настоятель церкви Протоіерей І. Чижевскій: говорилъ онъ долго, тихо и по мѣстамъ невнятно. Вдругъ изъ народа выступилъ неизвѣстный и сталъ во всеуслышаніе рѣзко и грубо выражать свое неудовольствіе на то, что о. Чижевскій такъ долго и невнятно произноситъ слово, что это—издѣвательство надъ народомъ и что такихъ старцевъ надобно увольнять заштатъ.¹ Дерзкаго обличителя немедленно удалили изъ храма, но смущеніе въ народѣ было глубокое. И вотъ въ концѣ служенія по отпустѣ Владыка обратился къ народу съ своимъ словомъ по поводу происшедшаго, выражая свою скорбь объ обидѣ старцу о. Чижевскому. Напомнивъ объ его глубокой старости, удивительномъ усердіи къ службѣ и заслугахъ для прихода, какъ строителя этой церкви, Владыка сказалъ: „Вамъ не слышно было, что онъ говорилъ, но вамъ должно бы было быть отрадно видѣть лице вашего такого почтеннаго, усерднаго и заслуженнаго духовника, который собирая свои послѣднія старческія силы, все же несетъ вамъ евангельское благовѣстіе... Это-ли не трогательно? Не правда-ли, какъ прискорбно, что нашелся человѣкъ вздумавшій обидѣть въ эти священныя минуты маститаго о. Іоанна, но я вѣрю, что онъ былъ

только одинъ, что онъ среди васъ былъ, но не изъ васъ...“ Эти слова Святителя вызвали глубокое волненіе слушателей, и слезы были у нихъ на глазахъ, слезы сожалѣнія о прошедшемъ и любви къ о. Іоанну...

Во время каждаго такого богослуженія Высокопреосвященный Арсеній всегда произносилъ живое слово къ народу, исполненное такого чувства, богатства содержанія и ясности изложенія, что народъ проникался глубочайшимъ умиленіемъ и всегда на трогательныя мѣста такого слова отвѣчалъ искренними слезами, а потомъ въ самыхъ трогательныхъ и неожиданныхъ формахъ выражалъ ему свою глубочайшую признательность и любовь. Неудивительно, что потомъ самъ собою въ паствѣ сложился взглядъ на Высокопреосвященнаго Архіепископа Арсенія, что онъ—народный святитель, и народъ говоритъ о немъ, что онъ „нашъ архіерей, говоритъ по нашему, намъ понятно и къ сердцу близко...“

Обозрѣвая храмы города Харькова и служа въ нихъ, Владыка Арсеній умѣлъ со свойственною ему одному находчивостію дать понять, кому слѣдуетъ, что нужно сдѣлать въ этихъ храмахъ, что почистить, перестроить, отремонтировать, возобновить... Онъ умѣлъ это указать и въ настойчивой и въ незамѣтной формѣ. Такъ, послѣ перваго своего богослуженія въ храмовой день М—ской градской церкви онъ въ присутствіи многихъ духовныхъ должностныхъ лицъ, среди которыхъ былъ и настоятель этой церкви, замѣтилъ: „а вотъ я торжественно служилъ въ храмовой день въ здѣшней церкви, и какъ много тамъ народа было, сколько усердія и вѣры у прихожанъ... А между тѣмъ я былъ крайне смущенъ тѣмъ, въ сельской ли я церкви служу или въ градской, такъ бѣдна эта церковь, полутемна, мрачный иконостасъ!...“ И чтоже? Черезъ годъ церковь стала неузнаваема: откуда-то взялись средства, и церковь была капитально отремонтирована внутри и снаружи... Служилъ Владыка въ храмовой день въ О—ской пригородней церкви, и послѣ богослуженія, выражая свое удовольствіе по поводу множества молящихся и порядка богослуженія, онъ всеже замѣтилъ въ присутствіи окружавшихъ его лицъ: „жаль только, что главная масса народа помѣщалась въ оградѣ, церковь ваша больно ужъ тѣсна, а вѣдь вы знаете, что по самому

плану она рассчитана на расширение, пристройки будутъ стоить не дорого. А что староста—такъ я говорю?“—„Да, Владыко святыи, и я первый даю на это свою лепту“... отвѣчалъ староста. И чрезъ два года церковь была расширена въ видѣ пристройки къ ней двухъ боковыхъ придѣловъ и превратилась въ одну изъ помѣстительнѣйшихъ церквей города. Большею частію бесѣдовалъ Владыка о нуждахъ градскихъ церквей въ храмовые дни сейчасъ же послѣ богослуженія въ собраніи прихожанъ въ домѣ старосты или настоятеля. Владыка крайне заинтересовался градскою Христо-Рождественскою церковію, одною изъ старинныхъ и оригинальнаго архитектурнаго типа (малороссійскаго XVIII в.), но крайне нуждающейся въ перестройкѣ. И вотъ послѣ перваго же богослуженія здѣсь онъ въ домѣ старосты († Монакова) указываетъ, какъ необходимо поскорѣе озаботиться этимъ, и здѣсь же рѣшаетъ вопросъ не о перестройкѣ ея, а о возведеніи новаго, на что благословляетъ собирать средства, составить планъ и смѣту. Благое начинаніе оказалось плодотворнымъ: нынѣ уже на это дѣло собраны большія средства, и дѣло близится къ закладкѣ новаго храма. Такимъ образомъ первыя посѣщенія Владыки градскихъ церквей сопровождались потомъ ихъ ремонтомъ, расширеніемъ,—и это происходило отъ вліянія Владыки, и какъ-то естественнымъ путемъ, безъ начальственныхъ предписаній и прещеній...

Высокопреосвященный Арсеній всегда и всюду ревновалъ о достойномъ прославленіи чтимыхъ народомъ святынь. Такъ, уже съ первыхъ дней онъ обратилъ вниманіе въ Харьковскомъ Каѳедральномъ Соборѣ на чудотворный Елецкій образъ Божіей Матери. Онъ сталъ постоянно напоминать объ историческомъ и народномъ значеніи этого образа и о необходимости обставить почитаніе его возможно болѣе торжественными богослуженіями, и принялъ всѣ мѣры къ этому: распорядился издать и распространить въ народѣ популярное описаніе этого св. образа, установилъ торжественное архіерейское служеніе по субботамъ акаѳистовъ предъ нимъ, ежегодное торжественное празднованіе въ Соборѣ 6-го февраля—дня явленія сей чудотворной иконы,—и самъ предъ началомъ cadaго своего богослуженія, предъ облаченіемъ, установилъ непремѣнное поклоненіе этой святыни... И при посѣщеніи всѣхъ другихъ градскихъ церквей Высокопрео-

священный Арсеній особое вниманіе удѣлялъ святымъ иконамъ особо чтимымъ въ каждомъ приходѣ, внушая озабочиваться возможно болѣе богатымъ украшеніемъ ихъ и совершеніемъ предъ ними неопустительно торжественныхъ аканістовъ и празднованіемъ особыхъ посвященныхъ имъ дней.

При первомъ же знакомствѣ съ градскими храмами Владыка чрезвычайно былъ пораженъ малымъ ихъ количествомъ сравнительно съ огромнымъ православнымъ населеніемъ города: здѣсь при 300.000 ч. православныхъ имѣется всего 21 приходскій храмъ, при чемъ на приходъ каждаго изъ нихъ приходится почти около 15.000 чел. обою пола. Владыка особенно сталъ болѣзновать объ этомъ недостаткѣ храмовъ для города. Въ кругу своихъ ближайшихъ сотрудниковъ и въ свѣтскомъ обществѣ онъ постоянно указывалъ, какъ печально отражается это обстоятельство на религіозно-нравственной жизни народа. Въ огромныхъ по численности приходсахъ причты не въ состояніи удовлетворять всѣ церковно-приходскія нужды прихожанъ, отсюда происходятъ между ними недоразумѣнія, взаимное недовольство и жалобы; духовенство, не въ состояніи справиться съ такимъ множествомъ прихожанъ, отдаляется отъ нихъ, взаимная связь между ними порывается, и вотъ—почва для пропаганды всякихъ сектъ; прихожане, отдаляемые отъ Церкви и духовенства, лишены добрыхъ вліяній Церкви и нравственно опускаются... Явленіе это глубоко печалило Владыку. И вотъ въ удовлетвореніе этой нужды онъ настаиваетъ на увеличеніи числа приходскихъ священниковъ при церквяхъ: Преображенской, Воскресенской, Дмитріевской, Благовѣщенской, Св.-Духовской и Мироносицкой и вторыхъ священниковъ при Озерянской и Александро-Невской. Прибавленные священники, необходимые для приходоу, оказались крайне необходимыми и для несенія законоучительскихъ должностей во множествѣ городскихъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній. Но главная забота Высокопреосвященнаго Владыки была направлена на открытіе въ городѣ новыхъ приходоу и устройство для нихъ новыхъ церквей. Это было близко сердцу Владыки на всѣхъ прежнихъ мѣстахъ его святительской дѣятельности. Мы уже видѣли, какъ въ этомъ отношеніи имъ было сдѣлано много и въ Ригѣ и въ Казани,

и какъ много пришлось ему претерпѣть въ этомъ дѣлѣ тягостей и скорбей, но за то сколько было достигнуто и счастливыхъ результатовъ. И здѣсь, въ Харьковѣ, въ самомъ городѣ, онъ съ особенною настойчивостію начинаеть хлопотать объ этомъ же. Онъ самъ съ удачною предусмотрительностію намѣчаетъ тѣ районы, въ коихъ по его мнѣнію наиболѣе необходимо устройство новыхъ храмовъ, а именно: на Петинской улицѣ (на мѣстѣ упраздненнаго кладбища), на предмѣстьи Харькова—Павловкѣ (въ Пантелеймоновскомъ приходѣ), на Лысой горѣ, на Заиковской улицѣ (въ Воскресенскомъ приходѣ) и на Новоселовкѣ (въ Основянскомъ приходѣ). Знаменательно, что намѣченные пункты совершенно совпадали съ горячими желаніями населенія означенныхъ мѣстностей. Такъ, уже послѣ опредѣленія Его Высокопреосвященствомъ этихъ пунктовъ, жители района Заиковской улицы ходатайствовали коллективно предъ Его Высокопреосвященствомъ о скорѣйшемъ устройствѣ у нихъ храма какъ орудія борьбы съ баптистами и старообрядцами, устроившими здѣсь свои молельни и совращавшими въ особенности молодое поколѣніе. Хотя, къ сожалѣнію, городское Управленіе отказало въ просьбѣ Владыки отвести даровыя мѣста подъ предполагаемые храмы въ означенныхъ мѣстностяхъ г. Харькова, однако нашлись жертвователи и дѣятели, которые помогли Архипастырю въ этомъ дѣлѣ обойтись и безъ городского Управленія. Какъ счастливъ былъ Владыка, узнавъ, что подъ новые храмы были пожертвованы мѣста: на Заиковской улицѣ г. Гольбергомъ, на Павловкѣ—г.г. Мигринымъ и Пономаревой, на Лысой Горѣ—Уткинымъ и на Новоселовкѣ—Квиткою. Владыка принялъ живѣйшее участіе въ организаціи въ этихъ мѣстахъ строительнаго дѣла, были избраны и утверждены имъ строительные комитеты для первыхъ трехъ мѣстъ, и онъ потомъ имѣлъ радость съ особымъ торжествомъ и съ полной надеждой на будущее совершить закладку церквей: Трехсвятительской на Заиковкѣ, Серафимовской на Лысой Горѣ и Николаевской на Павловкѣ. Изъ нихъ двѣ первыя уже почти совершенно окончены и представляютъ собою по архитектурѣ и внутренней отдѣлкѣ красивѣйшіе храмы города: первая—копія храма Кіевского подворья въ С.-Петербургѣ, вторая въ строгомъ византійскомъ стилѣ. Третья же выведена постройкой на половину.

Горячо къ сердцу принялъ Владыка также и заботу о судьбѣ начатаго и недостроеннаго Единовѣрческаго храма въ г. Харьковѣ. При исключительныхъ и трудныхъ условіяхъ было заложено основаніе этого храма, еще при Архіепископѣ Амвросіи. Долгіе годы тянулось устройство его съ большими перерывами, затрудненіями, при крайнемъ истощеніи средствъ. Смѣнялись строительные комитеты, а храмъ на долгіе сроки оставался недостроеннымъ, своимъ печальнымъ видомъ глубоко волнуя сердце каждаго, кто видѣлъ его. Высокопреосвященный Арсеній во время обзорѣнія Харьковскихъ церквей пожелалъ увидѣть и этотъ недостроенный и, какъ будто брошенный, храмъ. Стоялъ Владыка у входа въ храмъ предъ зіявшими внутри его впадинами и грудями мусора, слушалъ печальную повѣсть о построеніи его, обводилъ своимъ скорбнымъ взоромъ печальныя стѣны храма, а потомъ, тяжело вздохнувъ, со слезами сказалъ: „онъ не долженъ быть въ такомъ видѣ, вѣрю и надѣюсь, что скоро въ немъ вознесутся молитвы и гимны во славу Пресвятыя Троицы“!.. Судьба и видъ этого храма овладѣли сердцемъ Архипастыря, онъ уже не могъ нигдѣ забыть его и дума объ его участи всюду сопровождала его. И вотъ ему пришла счастливая мысль о врученіи дѣла достройки его мѣстному православному Преображенскому приходу. Эта мысль его нашла исполнителей, возбудила горячую ревность и любовь къ доведенію дѣла до конца. Преображенскій приходъ испросилъ себѣ у единовѣрцевъ этотъ храмъ, уплативъ имъ 5000 р. на ремонтъ ихъ старой деревянной церкви, а самъ организовалъ новый строительный комитетъ, который привлекъ щедраго жертвователя въ лицѣ И. А. Соколова и достроилъ этотъ храмъ въ самомъ благолѣпномъ видѣ, на что было истрачено до 50.000 р. 24 іюля 1911 года Высокопреосвященный Арсеній къ величайшей своей радости совершилъ торжественное освященіе этого храма во имя Пресв. Троицы при чрезвычайномъ стеченіи народа. Онъ образовалъ при немъ отдѣльный приходъ и назначилъ къ нему причтъ.

Оказывалъ Владыка самое дѣятельное сочувствіе и всѣмъ заботамъ о благоустройствѣ въ Харьковѣ домовыхъ церквей. Напр., благодаря его личному вліянію на земскихъ дѣятелей при губернской земской больницѣ на Сабуровой дачѣ

была устроена новая, богатая и обширная церковь во имя Св. бл. кн. Александра-Невскаго въ видѣ отдѣльнаго храма въ строго выдержанномъ стилѣ московскихъ церквей XVII в. Высокопреосвященный Владыка былъ радъ устройству этого храма вдвойнѣ, такъ какъ въ немъ не только могли помѣщаться всѣ многочисленные больные изъ больницы, но и съ удобствомъ могутъ его посѣщать жители всей этой окраины города, очень отдаленной отъ своей приходской Св.-Духовской церкви. Въ 1907 году онъ совершилъ торжественное освященіе этого храма, сказавъ при этомъ свое превосходное и задушевное слово о значеніи храма для болящихъ и объ обязанностяхъ врачей поддерживать въ больныхъ духъ вѣры и христіанскихъ упованій.

Самымъ широкимъ средствомъ ознакомленія Высокопреосвященнаго Владыки съ епархіей были его постоянные объѣзды епархіи съ перваго же года его служенія на Харьковской кафедрѣ. Этимъ объѣздамъ самъ Владыка придавалъ самое важное значеніе, и по результатамъ своимъ они оказывались чрезвычайно плодотворными. Въ совершеніи этихъ объѣздовъ Владыка былъ положительно неутомимъ, нисколько не щадя себя. Каждый годъ по нѣскольку разъ онъ отправлялся въ поѣздку по епархіи длившіяся недѣлями. Поѣздки въ монастыри онъ пріурочивалъ къ храмовымъ или другимъ важнымъ въ нихъ празднествамъ, а остальные поѣздки назначалъ онъ періодически весной, лѣтомъ и осенью, причемъ заранѣе намѣченную программу поѣздокъ онъ заботился выполнять въ совершенной точности и полнотѣ. Достаточно сказать, что за всѣ истекшіе 9½ лѣтъ своего святительства въ епархіи онъ совершилъ 42 программныхъ поѣздки въ монастыри, уѣздные города и села и 58 поѣздокъ въ отдѣльные пункты епархіи то для освященія храмовъ, церковно-приходскихъ школъ, то для осмотра духовно-учебныхъ заведеній и епархіальныхъ благотворительныхъ учреждений, то для выбора настоятелей и настоятельницъ монастырей, то для совершенія мѣстныхъ церковныхъ ходовъ и другихъ церковныхъ торжествъ. Спутники его во время этихъ путешествій изумлялись энергіи, быстротѣ и неутомимости Святителя, его ревности и усердію въ совершеніи длиннѣйшихъ богослуженій и церковныхъ торжествъ. Часто онъ говаривалъ: „я привыкъ..., въ Ригѣ я постоянно ѣздили,

меня называли непосѣдливымъ..., но теперь я уже не тотъ"... Кажется, въ епархіи не осталось уголка, куда бы не забѣжалъ Владыка: всюду хотѣлось ему видѣть, какіе гдѣ храмы, причты, какое настроеніе въ народѣ, что можно и должно сдѣлать для поднятія въ немъ вѣры и благочестія. Часто ему приходилось видѣть при посѣщеніи захоластныхъ селъ въ епархіи неописуемый, безпредѣльный восторгъ и слезы глубокихъ старцевъ говорившихъ ему, что за свой долгій вѣкъ они впервые видятъ архіерея и благословляютъ за это Господа... Искренняя радость и энтузіазмъ народа, всюду привѣтствовавшаго Владыку, поддерживали его бодрость и служили лучшей ему наградой за неусыпные и самоотверженные труды. Относясь всѣ торжества встрѣчи не къ себѣ лично, а къ своему высокому сану Святителя, онъ не препятствовалъ народу дѣтски искренно и въ самыхъ непосредственныхъ формахъ выражать свою любовь и благоговѣніе къ Архіерею. И, дѣйствительно, путешествія Владыки по епархіи были необычайны по красотѣ, величію и торжественности обстановки и надолго останутся въ памяти народа и духовенства. И причты и прихожане соревновали въ усердіи получить лучше встрѣтить рѣдкаго и столь высокаго гостя. Уже на границахъ города или прихода, гдѣ либо на полянѣ лѣса или среди полей на встрѣчу его выходили и выѣзжали въ экипажахъ и верхомъ представители приходовъ, съ хлѣбомъ-солью, привѣтствовали его своими безыскусственными и сердечными рѣчами и, окруживъ его тѣснымъ кольцомъ, иногда ночью съ факелами и фонарями многочисленнымъ и оживленнымъ поѣздомъ сопровождали до вѣзда въ городъ или село, а по пути въ поселкахъ и хуторахъ, даже не взирая иногда на дождь и вѣтеръ, народъ стоялъ возлѣ своихъ „хатъ“ у столовъ съ иконами, горящими свѣчами и хлѣбомъ-солью, кланяясь въ землю, хотя издали получая святительское благословеніе на свои семьи и жилища... А тамъ, у самого села или города высились арки, украшенныя зеленью и полотенцами, стояло духовенство собранное со всего округа съ хоругвями и народными хорами, а за ними виднѣлись сплошныя массы народа, раздавался торжественный трезвонъ колоколовъ. Здѣсь Владыка выходилъ изъ экипажа, начиная чинъ вступленія въ приходъ и приходскій храмъ: староста, попечители, сельскія власти подносили Архипастырю

хлѣбъ-соль, трогательно благодаря за посѣщеніе и прося его молитвъ, а учащіяся дѣти, нерѣдко при этомъ окружая Владыку, предшествовали ему, усыпая путь зеленью и цвѣтами. При торжественномъ пѣніи хора народа и причтовъ Владыка вступалъ въ храмъ, начиная молебное пѣніе, а послѣ него производя осмотръ храма. Нужно быть участникомъ такихъ случаевъ, чтобы видѣть, сколько восторга и умиленія выражалось народомъ при встрѣчѣ Владыки: ему цѣловали руки, плакали, кланялись въ землю, восклицали слова благодарности и любви, огнемъ горѣла радость на всѣхъ лицахъ старыхъ людей и дѣтей. Величественный чинъ встрѣчи совершался при вступленіи Владыки въ монастырь, когда на встрѣчу ему выходила вся братія монастыря въ мантияхъ съ хоругвями и со свѣчами и провожали его въ храмъ съ „великою славою“: это становилось умилительною и великолѣпною картиной... Столь же прекрасныя встрѣчи устраивались Владыкѣ въ учебныхъ и благотворительныхъ учрежденіяхъ: начиная отъ параднаго входа и вдоль по лѣстницамъ вверхъ становились живою лентою учащіяся, посыпая путь ему цвѣтами, привѣтствовали его иногда самыя младшія дѣти въ трогательныхъ и милыхъ выраженіяхъ, и затѣмъ предшествовали ему съ пѣніемъ тропарей и другихъ церковныхъ пѣсней иногда всѣмъ общимъ хоромъ.

При своихъ посѣщеніяхъ приходскихъ храмовъ и монастырей Владыка всегда заботился доставить народу религиозное утѣшеніе торжественными и великолѣпными своими богослуженіями. О нихъ заранѣе оповѣщался народъ окружной мѣстности. Собиралось духовенство сосѣднихъ приходо-во главъ съ благочиннымъ, и въ назначенные дни Владыка совершалъ съ многочисленнымъ сонмомъ священнослужителей при большихъ хорахъ и съ общенароднымъ пѣніемъ божественныя литургіи, молебны, панихиды и крестные ходы. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ Владыка всегда съ чрезвычайною находчивостію указывалъ, чтѣ именно и какъ служить. Вотъ, напр., 13 апрѣля въ г. Сумахъ Владыка изъ кадетскаго корпуса прослѣдовалъ для обозрѣнія въ кладбищенскую Покровскую церковь. Къ приѣзду Владыки храмъ былъ переполненъ народомъ. Вступивъ въ церковь, Владыка вмѣсто архіерейской встрѣчи велѣлъ причту совершить литію по усопшимъ. Настало время пѣнія „Со

Святыми упокой"... Вдругъ Архипастырь сказалъ: „пойте всѣ“, и молящіеся вмѣстѣ съ хоромъ всѣмъ народомъ стали пѣть эту трогательную священную пѣснь. Это общее пѣніе, эта общая молитва здѣсь, среди могилъ, произвели глубочайшее впечатлѣніе... Обставляя величественною торжественностію свои богослуженія, Владыка призывалъ и духовенство и народъ пріучаться во время богослуженія къ общенародному пѣнію. Въ немъ онъ видѣлъ могущественное средство для доставленія народу религіознаго утѣшенія, для пріохочиванія его къ богослуженію и для противодѣйствія сектантству. На опытахъ, производимыхъ Владыкою, открывалось, что любовь къ этому пѣнію и умѣнье пѣть есть въ народѣ, нуженъ только твердый организаторъ этого пѣнія. Во время своихъ богослуженій Владыка приказывалъ присутствующимъ ученикамъ школъ всѣмъ пѣть, а за ними и всему народу: для храма и прихода это было нѣчто необычайное, но начиналось это пѣніе, втягивался въ него весь народъ, и вдругъ вся церковь наполнялась дивнымъ и величественнымъ общенароднымъ пѣніемъ. Бывало, что въ самой захолустной деревнѣ въ церкви по приказанію Владыки и подъ его управленіемъ крестьяне начинали пѣть сперва нестройно, а потомъ удивительно-согласно главнѣйшія молитвы. Въ с. Ковягахъ поздно вечеромъ, окончивъ обзоръ старой, убогой и бѣдной церкви, Владыка сталъ испытывать гласовое пѣніе престарѣлаго и дряхлаго псаломщика, а потомъ вдругъ обратился къ народу: „умѣете пѣть „Царю небесный?“— „умѣемъ“ отвѣчалъ народъ, а „вѣрую“, а „подъ Твою милость?.. „Будемъ же пѣть!“; началъ псаломщикъ, присоединилась свита архіерейская, потомъ народъ, и убогая полутемная церковь какъ бы ожила и озарилась отъ этого могучаго и необычайнаго хора... Это былъ поразительный моментъ!... Владыка потомъ говорилъ: „видите сколько здѣсь, въ Ковягахъ, непочатаго золота вѣры и усердія! нужны работники..., а между тѣмъ здѣсь гнѣздо штунды..., нужно подумать объ этомъ“...

Высокопреосвященный Арсеній всегда придавалъ глубокое воспитательное значеніе своимъ общенароднымъ богослуженіямъ, и никто лучше его не умѣлъ ихъ устроить и обставить во всей красотѣ и величіи. О значеніи такихъ богослуженій онъ говорилъ: „Въ великомъ сонмѣ пастырей,

совершающихъ богослуженія,—сила и могущество молитвы, служащей обильнымъ источникомъ благодати Божіей. Когда есть возможность представить это величіе и красоту богослуженія и торжество Церкви,—отчего же этого не сдѣлать?.. Великое значеніе имѣетъ торжественное богослуженіе въ религіозномъ отношеніи: возьмемъ, напр., наши крестные ходы, когда они совершаются великимъ сонмомъ духовенства во главѣ съ Архипастырями и при участіи множества народа. Какой бываетъ великій подъемъ религіознаго чувства! Такая общественная молитва отверзаетъ небо и низводитъ оттуда особенное дѣйствіе благодати Божіей. Я вѣрую въ великую силу нашей молитвы при такомъ богослуженіи“...

При обзорѣни церквей, монастырей и приходовъ Владыка неопустительно вездѣ преподавалъ свои святительскія наставленія то въ видѣ богослужебныхъ словъ и поученій, то въ формѣ простыхъ и душевныхъ бесѣдъ. И какъ они были всегда разнообразны по содержанію, принаровлены къ мѣсту и времени, живы и краснорѣчивы! Какъ они памятны слушателямъ! Владыка своими словами положительно покорялъ себѣ народъ, умиляя его простотою и удобопонятностію своего слова, назидательностію и глубиною чувства. Неустомимость его и въ этомъ отношеніи не знала границъ. Часто приходилось ему совершать богослуженія и говорить пространныя слова назиданія непосредственно послѣ утомительной дороги, въ нѣсколькихъ храмахъ подрядъ, быстро перѣзжая изъ одного въ другой, въ храмахъ переполненныхъ народомъ, въ тяжелой духотѣ, при холодной, вѣтряной и дождливой погодѣ, даже ночью послѣ изнурительныхъ перевозовъ... Въ послѣ-богослужебныхъ бесѣдахъ съ народомъ Архіепископъ узнавалъ его религіозно-нравственное настроеніе, отношеніе къ причтѣ, его духовныя нужды; здѣсь иногда выступали наружу тѣ или иныя столкновенія причта съ приходомъ или отдѣльными личностями, и Владыка всегда мудрыми своими словами разрѣшалъ эти недоразумѣнія, иногда съ находчивостію и силою обличалъ неправыхъ, пристыжая нерѣдко до слезъ даже весь приходъ за обиды чинимыя имъ причтѣ, въ иныхъ же случаяхъ давалъ подобнымъ дѣламъ ходъ, уже составивши себѣ надлежащее представленіе здѣсь на мѣстѣ... Разставаясь съ народомъ и давъ ему послѣднія наставленія, Владыка на прощаніе благослов-

лялъ всѣхъ, одаряя ихъ крестиками, образками, брошюрами и листками.

По обзорѣннѣ церквей Владыка переходилъ къ обзору церковно-приходскихъ школъ и къ испытанію знаній по Закону Божию учащихся. Нерѣдко опъ этихъ послѣднихъ изъ всѣхъ школъ земскихъ и церковныхъ собиралъ въ одно мѣсто—въ храмъ или же въ другое просторное мѣсто, и тамъ бесѣдовалъ съ ними. Владыка любилъ быть съ дѣтьми, иногда даже забывалъ про время, наслаждаясь занятіемъ съ ними и въ особенности умиляясь ихъ хорошимъ пѣніемъ. Вотъ, напр., при его посѣщеніи въ 1903 году въ апрѣлѣ мѣсяцѣ г. Лебедина, учащіеся всѣхъ городскихъ, начальныхъ и церковныхъ школъ въ числѣ до 1000 человекъ были собраны въ залѣ Народнаго Дома, куда изъ Собора и прибылъ Владыка въ сопровожденіи предводителя дворянства, председателя Земской Управы, инспектора народныхъ училищъ, представителей администраціи, законоучителей, учителей и учительницъ всѣхъ школъ. По желанію Владыки дѣти пропѣли „Христосъ воскресъ!“, послѣ чего Владыка провѣрялъ знанія дѣтей по Закону Божию. Около двухъ часовъ Архипастыръ провелъ съ дѣтьми въ оживленной бесѣдѣ, которая раза два—три смѣнялась общимъ пѣніемъ церковныхъ пѣснопѣній. Въ заключеніе Владыка предложилъ всѣмъ пропѣть гимнъ „Боже, Царя Храни“. Владыка обратился затѣмъ съ краткою рѣчью къ учащимъ: „Вы слышите эту мощь, говорилъ онъ, вы видите, какая сила въ вашихъ рукахъ. Не дай Богъ кому либо изъ васъ вести эту силу не по надлежащему пути, внѣ единенія со св. Церковію и ея ученіемъ, а особенно храни васъ Богъ даже отъ мысли сѣять на этой нивѣ дурныя сѣмена. Ваша дѣятельность есть поистинѣ высокой подвигъ, это вашъ жизненный крестъ, поэтому я и благословляю васъ знаменіемъ креста“... Послѣ этихъ словъ Владыка раздалъ учащимъ крестики, крестики же для раздачи учащимся передалъ отцу наблюдателю и учителю инспектору 4-хъ классаго городского училища.

При обзорѣннѣ церквей и монастырей Владыка постоянно на мѣстахъ давалъ распоряженія о тѣхъ или другихъ мѣрахъ къ благоустройству ихъ. Церковь ли тѣсная, нуждается въ капитальномъ ремонтѣ, школа ли ютится въ сторожкѣ, кладбище ли въ раззореніи, причтовыхъ ли домовъ

не имѣется,—Владыка прямо народу скажетъ объ этомъ, внушая ему позаботиться обо всемъ этомъ, или же въ отдѣльномъ собраніи обратить вниманіе на это старосты и представители прихожанъ. Такъ, напр., въ 1903 году въ г. Лебединѣ Владыка, вступивъ въ Соборъ, въ первомъ же своемъ словѣ, обратившись къ народу, указалъ на бѣдность соборнаго храма и на необходимость привести его въ достойный видъ, что составляетъ обязанность не однихъ только прихожанъ, но и жителей всѣхъ другихъ городскихъ приходоу, для которыхъ соборъ долженъ быть главной святыней... Чрезъ три года соборъ уже былъ не только отремонтированъ, но и перестроенъ. Въ томъ же году Архипастыръ пораженъ былъ убожествомъ храма села Шубина, который при ветхости своей едва держался. Владыка сказалъ благочинному, священнику и прихожанамъ, что онъ вынужденъ будетъ закрыть храмъ, если они въ самомъ ближайшемъ времени не позаботятся о построеніи новаго храма. Прихожане дали обѣщаніе начать построеніе храма съ будущей весны, на что у нихъ имѣется уже 10.000 рублей. И нынѣ новый храмъ здѣсь уже оконченъ...

Характерною чертою Святителя, обнаружившеюся во время обзоренія епархіи, была его всегдашняя забота поддержать въ глазахъ народа авторитетъ и значеніе духовенства, защитить его отъ несправедливыхъ нападковъ и обидъ, укрѣпить въ самомъ духовенствѣ духъ взаимнаго братскаго мира и благожелательства. Участливо и сердечно относился Владыка къ личнымъ и семейнымъ нуждамъ духовенства. Онъ непремѣнно посѣщалъ квартиру настоятеля церкви, благословлялъ всѣхъ членовъ его семьи, принималъ здѣсь трапезы и нерѣдко устраивалъ здѣсь собранія окружнаго духовенства, какъ бы „малые соборы“, гдѣ съ участіемъ миссіонеровъ велъ бесѣду о мѣрахъ къ развитію пастырской дѣятельности по приходамъ, о миссіонерской борьбѣ съ сектантами, о приходской благотворительности. Всегда и глубоко сочувствовалъ Владыка матеріальнымъ нуждамъ духовенства, и прихожанамъ внушалъ матеріально поддерживать свои причты и не тяготиться своими даяніями за требы. Когда нужно было, Владыка не останавливался предъ ходатайствомъ въ высшія свѣтскія учрежденія объ улучшеніи матеріальнаго положенія причта. Изъ многочисленныхъ при-

мѣровъ этого укажемъ на его заботу о причтѣ Харьковской Александро-Невской церкви при Губернской больницѣ. Губернское Земское Собрание постановило уравнивать матеріальное положеніе псаломщика сей церкви съ положеніемъ священника той же церкви. Находя такое уравненіе непорочнымъ, Высокопреосвященный Архіепископъ обратился въ Харьковское Губернское Земство съ ходатайствомъ: „Крайне тяжелое матеріальное положеніе причта Александро-Невской церкви при Губернской больницѣ неоднократно побуждало его обращаться въ Губернское Собрание объ увеличеніи оклада жалованья ему. И въ настоящее время причтомъ подано было прошеніе о своей вопіющей нуждѣ, но какъ видно изъ печатнаго постановленія Губернскаго Собранія, это ходатайство причта удовлетворено не полностью—псаломщику добавлено 200 р., священнику же, несшему гораздо большій трудъ, отказано. По повому постановленію Собрание матеріальное положеніе псаломщика уравнило съ положеніемъ священника, что не только не нормально, но даже оскорбительно, такъ какъ этимъ постановленіемъ положеніе священника кромѣ того что не улучшено, но еще ухудшено въ нравственномъ отношеніи, вызвавъ естественныя толки по адресу его, тогда какъ ревность въ исполненіи пастьрскаго долга и поведеніе его вполне заслуживаютъ лучшей оцѣнки. Входя въ крайне тяжелое моральное и матеріальное положеніе священника, имѣю честь ходатайствовать предъ Губернскимъ Собраніемъ объ увеличеніи жалованья и священнику...“

Дабы не вводить духовенство въ непосильные расходы по приему Владыка совершалъ объѣзды съ крайне ограниченнымъ числомъ своихъ спутниковъ, запрещалъ и строго слѣдилъ, чтобы никто изъ нихъ не просилъ и не требовалъ даяній за трудъ, а духовенству заблаговременно внушалъ при приемѣ архіерея не тратиться излишне, а пропитывать своего архіерея и его спутниковъ тѣмъ, чѣмъ сами питаются. Со всегдашнею ласкою Владыка относился при этомъ къ низшимъ членамъ причта: діаконамъ и псаломщикамъ, требовалъ, чтобы священники ихъ не обижали и братски заботились объ ихъ благополучіи. Онъ глубоко возмущался въ случаяхъ притѣсненія старшими младшихъ, и обидчиковъ каралъ примѣрно... Нерѣдко онъ говорилъ духовенству со

слезами на глазахъ о томъ, что онъ самъ, дьячковскій сынъ, знаетъ, какъ горько и въ какой нуждѣ приходится жить псаломщикамъ и діаконамъ, и потому внушалъ священникамъ жалѣть ихъ и отечески заботиться о нихъ...

Со свойственною ему прямою Владыка во время объѣздовъ высказывалъ духовенству, видя на мѣстахъ, какъ живетъ оно, объ утратѣ въ немъ прежней старинной простоты и церковности, какъ вмѣстѣ съ мишурной внѣшнею нарядностію жизни въ немъ укрѣпляется несвойственный его служенію духъ свѣтскости и легкомыслія, какъ дѣти духовенства во время домашней сельской жизни мало посѣщаютъ свои храмы, не поютъ и не читаютъ на клиросѣ, не помогаютъ при богослуженіи, что они съ такой закваской вступаютъ и въ духовныя школы и тамъ насаждаютъ подобный же духъ нецерковной свѣтскости... Но за то какъ онъ искренно радовался, когда находилъ въ епархіи пастырей церковныхъ, ревностныхъ, истовыхъ, дѣятельныхъ, а церкви и приходы у нихъ благоустроенными! Глубоко запоминалъ ихъ Архипастырѣ, и потомъ возлагалъ на нихъ видныя и авторитетныя должности и давалъ порученія отвѣтственныя...

Счастливыми и необычайными для Харькова церковными торжествами за время Святительствованія Архіепископа Арсенія были дни 29—30 мая 1904 года, когда происходило нареченіе и хиротонія во Епископа Сумскаго Викарія Харьковской епархіи ректора Литовской Духовной Семинаріи Архимандрита Алексія и 26—27 ноября 1905 г.— нареченіе и хиротонія во Епископа Сумскаго—ректора Владимірской Духовной Семинаріи Архимандрита Евгенія. Эти торжества Высокопреосвященный Арсеній совершалъ съ цѣлымъ соборомъ приглашенныхъ сосѣднихъ Архипастырей. Такъ, въ хиротоніи Епископа Алексія участвовали преосвященные: Николай Епископъ Таврической и Симферопольскій, Симеонъ Епископъ Екатеринославскій и Таганрогскій, Іоаннъ Епископъ Полтавскій и Переяславскій и Несторъ Епископъ Новгородъ-Сѣверскій, а въ хиротоніи Епископа Евгенія— Іоаннъ Епископъ Полтавскій и Переяславскій, Алексій Епископъ Таврической и Симферопольскій и Гаврииль Епископъ Прилуцкій. Эти торжества привлекли великое множество народа, и совершены были Высокопреосвященнымъ Арсеніемъ съ рѣдкимъ великолѣпіемъ, уставностію и съ чрезвычайной

назидательностию для народа. Непосредственное значеніе этихъ церковныхъ торжествъ для Харьковской епархіи заключалось въ томъ, что хиротонисались отъ архіепископа съ соборомъ святителей—викаріи Харьковскіе, первые и ближайшіе сотрудники Харьковскаго Архипастыря. Понятно, съ какимъ глубокимъ чувствомъ надежды и отеческой любви Высокопреосвященный Арсеніи въ заключеніе чина хиротоніи вручалъ епископскій жезлъ новому своему викарію, сопровождая это чрезвычайно трогательными словами съ отеческою просьбою подкрѣплять его старость жезломъ епископской ревности и сыновней преданности...

Высокопреосвященному Арсенію пришлось святительствовать на Харьковской кафедрѣ въ годы тяжелыхъ народныхъ испытаній и государственнаго потрясенія Россіи.

Русско-японская война отражалась и на Харьковской жизни всѣмъ ходомъ своихъ событій. Наборъ и отправка войскъ на театръ военныхъ дѣйствій, многочисленныя богослуженія печальныя и радостныя по поводу военныхъ событій, непрестанный сборъ пожертвованій на военныя нужды, организація и отправка на войну лазаретовъ отъ разныхъ учрежденій, встрѣчи и проводы раненныхъ героевъ войны,— все это приводило въ движеніе общественную и церковную жизнь Харькова, во всемъ этомъ должно было принимать непосредственное участіе и духовенство во главѣ съ своимъ Архипастыремъ. Высокопреосвященный Владыка глубоко въ своемъ сердцѣ переживалъ всю трагедію этой войны съ врагомъ язычникомъ. Всю силу своей любви къ родинѣ и страданія о ней онъ прежде всего выражалъ въ архипастырскихъ своихъ молитвахъ и богослуженіяхъ и въ цѣломъ рядѣ молебновъ для разныхъ собраній, сословій и учрежденій о дарованіи побѣды Россійскому воинству. Къ этимъ моленіямъ онъ привлекалъ даже учащихя дѣтей, какъ напр. 4 марта 1904 года въ Харьковской Благовѣщенской церкви, куда были собраны на молебенъ о дарованіи побѣды 2000 ч. учащихя городскихъ церковныхъ школъ. И во всѣхъ этихъ случаяхъ Владыка произносилъ глубокотрогательныя патріотическія слова съ призывомъ усилить теперь свои молитвы за Царя, Христолюбивое воинство и родину о дарованіи успѣха въ этой войнѣ съ язычникомъ, ибо съ нами Богъ и съ нами правда, призывая въ то же время обновиться ду-

хомъ своимъ въ чувствѣ покаянія и сокрушенія о грѣхахъ своихъ и облегчатъ страданія раненныхъ воиновъ и бѣдствія осиротѣвшихъ семействъ убитыхъ воиновъ своими усиленными жертвами. Чрезвычайное усердіе и истинно-патріотическое воодушевленіе проявилъ Святитель при встрѣчѣ и проводахъ 12 апрѣля 1904 года слѣдовавшихъ чрезъ г. Харьковъ героевъ моряковъ погибшихъ кораблей „Варяга“ и „Корейца“, которыхъ по встрѣчѣ на вокзалѣ онъ потомъ пѣшкомъ при восторженныхъ народныхъ оваціяхъ сопровождалъ въ зданіе Пушкинскаго училища, гдѣ привѣтствовалъ ихъ со слезами задушевнымъ и прекраснымъ словомъ, благословивъ ихъ св. иконами Божіей Матери—Озерянской и Ахтырской.

Торжественнымъ напутственнымъ молебствіемъ въ каѳедральномъ соборѣ чествовалъ Святитель адмирала Скрыдлова, отправлявшагося на Дальній Востокъ командовать флотомъ, благословивъ его Озерянской иконой Божіей Матери и своимъ келейнымъ молитвенникомъ. Глубокій моментъ всенароднаго горя пережилъ Архипастырь по поводу паденія русокой крѣпости Портъ-Артура. Онъ съ облитымъ кровью сердцемъ отозвался на это ужасное испытаніе служеніемъ 24 декабря 1904 года торжественной панихиды въ каѳедральномъ соборѣ по воинахъ погибшихъ при защитѣ этой твердыни. Панихиду онъ предварилъ словомъ—необычайнымъ по силѣ скорбнаго чувства и по пророческому предвѣдѣнію грядущихъ благъ этой войны: „Святая кровь нашихъ самоотверженныхъ воиновъ, положившихъ жизнь свою за вѣру, Царя и отечество; удобрить языческую землю, и, вѣруемъ, возсіяетъ тамъ св. вѣра Христова... Окончится война, возвысятся тамъ холмы, имѣющіе покрыть прахъ нашихъ воиновъ, украсятся эти холмы дорогими для насъ памятниками съ св. крестами, возсіяютъ тамъ храмы Божіи, и будутъ настоящіе враги наши единими устами и единымъ сердцемъ съ нами прославлять истиннаго Бога. Пути Промысла Божія неисповѣдимы...“, такъ говорилъ Святитель словами надежды послѣ словъ горя и скорби. Это было чудное слово, какъ лучъ благодатнаго свѣта пронизавшій тьму безпросвѣтной и гнетущей народной скорби... Мы были очевидцами того глубочайшаго впечатлѣнія, какое произвело на всѣхъ молившихся необычайное слово Владыки: хотѣлось плакать, а отрада успокаивала сердце...

2 мая 1904 года Высокопреосвященный участвовалъ въ отпращиваніи изъ Харькова войсковыхъ частей.

Для собравшагося войска на площади противъ Кирилло-Меодіевскаго кладбища Владыка въ сослуженіи духовенства совершилъ торжественное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ и провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору съ Царствующимъ Домомъ, а также „всероссійскому Христолюбивому побѣдоносному воинству“. Когда діаконъ провозгласилъ о преклоненіи колѣнь для великой молитвы, всѣ офицеры, нижніе чины—эти идущіе на смерть за Царя и родину,—и всѣ присутствовавшіе опустились на колѣни, а Высокопреосвященный Владыка громкимъ и волнующимся голосомъ со слезами произнесъ молитву о дарованіи побѣды надъ врагомъ... Слова молитвы, величіе этого момента отзывались въ сердцахъ каждаго глубокимъ волненіемъ и возбужденіемъ вѣры и упованій къ Всевышнему... У многихъ на глазахъ были видны слезы. Картина была грандіозно умиленная и навсегда сохранится въ памяти пережившихъ эти торжественныя минуты. По окончаніи молебствія Архипастырь благословилъ отъ лица города войска иконами Озерянской Божіей Матери, сказавъ при этомъ къ воинамъ простыя за сердце трогавшія слова напутствія и благожеланій и обошелъ ряды нижнихъ чиновъ, окропляя св. водою.

Несомнѣнно, что самымъ великимъ событіемъ въ жизни города, епархіи и въ личной жизни Архипастыря—былъ день 4 мая 1904 г.—день прибытія въ городъ Державнаго Вождя Русской земли—Государя Императора Николая II въ сопровожденіи Государя Наслѣдника Михаила Александровича и Великаго Князя Николая Николаевича для благословенія войскъ отправлявшихся на войну. Войска и все населеніе города были исполнены чрезвычайнаго подъема патріотическаго чувства и воодушевленія, встрѣчая и провожая Государя и Ихъ Высочества по пути Ихъ слѣдованія несмолкаемыми кликами „ура!“. Высокопреосвященный Владыка, Викарій Епископъ Стефанъ и все духовенство города въ облаченіяхъ изъ бѣлой парчи встрѣчали Монарха съ Его Высокими спутниками въ кафедральномъ соборѣ. Здѣсь совершено было торжественное молебное пѣніе по особенному чину „бываемому въ церквахъ находящихся на пути Высочайшаго шествія“. Послѣ возглашенія многолѣтія Архипастырь поднесъ Государю Императору икону Св. Николая Чудо-

творца, Государю Наслѣднику Елецкой Божіей Матери, а Великому Князю Николаю Николаевичу икону Озерянскія Божія Матери, сказавъ при этомъ нѣсколько словъ о происхожденіи этихъ мѣстнотимыхъ святынь. Приложившись къ св. иконѣ, Государь Императоръ изволилъ разспрашивать Владыку о знаменахъ, находящихся въ соборѣ возлѣ клиросовъ, и Владыка доложилъ, что послѣ Крымской войны въ 1856 году Указомъ Св. Синода было предписано соборянамъ хранить въ Харьковскомъ кафедральномъ соборѣ знамена дружинъ Харьковскаго подвижнаго государственнаго ополченія въ количествѣ 11-ти по числу уѣздовъ, тогда же эти знамена были утверждены при клиросахъ, гдѣ они находятся и теперь. При этомъ Владыка доложилъ, что въ память чудеснаго спасенія Императорской Семьи 17-го октября 1888 года при крушеніи поѣзда въ „Боркахъ“ на соборной колокольнѣ сооруженъ серебряный колоколъ, звонъ въ который ежедневно производится въ 1 часъ дня, когда послѣдовало чудесное спасеніе Царской Семьи отъ гибели.

Осѣненные крестомъ Государь съ Наслѣдникомъ и Великимъ Княземъ отбылъ изъ собора, восторженно привѣтствуемый народомъ, а Высокопреосвященный Владыка совершилъ молебенъ о благополучномъ дальнѣйшемъ путешествіи Ихъ въ Полтаву...

И въ послѣдующіе годы Владыка удостоивался неоднократно чести привѣтствовать Государя Императора съ Августѣйшей Семейю на мѣстѣ событія 17 октября 1888 г. близъ ст. „Борки“, совершая для нихъ торжественныя молебствія здѣсь въ величественномъ храмѣ Христа Спасителя во время слѣдованія Ихъ въ Крымъ и обратно...

Самые тяжелые дни за все время святительства въ Харьковѣ Высокопреосвященный Арсеній пережилъ вмѣстѣ съ духовенствомъ и паствою своею въ концѣ 1905 и въ 1906 годахъ, когда разразилось въ Харьковѣ, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ Россіи, широкое противоправительственное движеніе, подготовлявшееся гораздо раньше, но въ это время вспыхнувшее въ видѣ мятежа. Съ начала сентября 1905 г. начались въ Харьковѣ беспорядки въ университетѣ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, перекинувшись затѣмъ въ среду рабочихъ заводовъ, фабрикъ, железнодорожныхъ мастерскихъ и частныхъ заведеній. Сходки, уличныя скопища, тайныя собранія, общественная агитація

въ газетахъ и въ массѣ брошюръ и листовъ возмутительнаго содержанія разожгли общественныя страсти; послѣдовали сперва отдѣльные насильственные акты, нападенія, грабежи и убійства, а затѣмъ и массовые разгромы оружейныхъ магазиновъ и братоубійственныя столкновенія матежниковъ съ вѣрнопопданными Царю защитниками порядка. Именно въ это время происходилъ въ Харьковѣ очередной Епархіальный Съѣздъ, дѣйствія котораго все болѣе стѣснялись удручающимъ общественнымъ настроеніемъ. Духъ смущенія и страха всеялся и въ городское духовенство, духъ воамущенія и протеста начиналъ заражать и нѣкоторые неустойчивые элементы и въ этой средѣ... Преувеличенные слухи, распускаемые злонамѣренными лицами, вносили еще большую смуту въ общественную жизнь. Мятежники цѣлыми скопищами съ наглостію уже начали требовать отъ духовенства панихидъ по преступникамъ... Видя въ духовенствѣ господствующій духъ стойкости и преданности Царю, Церкви и Отечеству, мятежники начинаютъ рядъ дерзкихъ выходокъ противъ него и кощунственныхъ издѣвательствъ надъ Церковью и святынями..., распространяя цензурные листки, воззванія объ отводѣ церквей подъ революціонныя митинги и собранія. Выборы церковныхъ старостъ начинаютъ крайне затрудняться попытками мятежниковъ использовать ихъ въ своихъ цѣляхъ... Наконецъ съ 10-го октября вспыхиваетъ всеобщая забастовка и подымается бунтъ и возстаніе революціонеровъ, учащихся и рабочихъ противъ существующаго порядка, кровавыя столкновенія съ войсками, движеніе мятежниковъ къ университету и кафедральному собору...

Въ тотъ моментъ, когда члены Епархіальнаго Съѣзда, закрывъ свои засѣданія, направлялись къ Высокопреосвященному Владыкѣ, раздался необычный набатъ съ соборной колокольни... Революціонеры, овладѣвъ университетомъ и зданіемъ присутственныхъ мѣстъ, ринулись къ соборной колокольнѣ. Подъ ударами топоровъ свалились двери церковной ограды собора. Пробивъ двери колокольни, они заняли всѣ ея этажи, ударили въ набатъ, а рядомъ съ крестомъ взвились красные флаги, такіе же флаги взвились на крестѣ Университетской церкви и на зданіи присутственныхъ мѣстъ... На другой день былъ кѣмъ-то пущенъ ложный слухъ, что въ придѣлѣ, находящемся во второмъ этажѣ

колокольни, гдѣ помѣщается чтимая всѣмъ населеніемъ чудотворная икона Св. Николая, произведено ужасное поруганіе... Это были тяжелые, черные дни. Забастовочныя вспышки и столкновения происходили въ концѣ этого и въ слѣдующемъ годахъ, хотя въ общемъ страсти начали улегаться¹⁾...

Въ такое трагическое время счастлива была Харьковская церковь, что во главѣ ея стоялъ Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній—человѣкъ несокрушимой вѣрности долгу, Св. Церкви, Самодержавному Царю и Отечеству, до глубины души русской, искушенный жизнью, съ широкимъ жизненнымъ опытомъ и пониманіемъ людей. Испытанный Архіепископъ твердою рукою повелъ корабль своей паствы среди подводныхъ камней и бурь этого времени. Онъ могъ и съумѣлъ среди общей смуты создать въ лицѣ харьковскаго духовенства и своего вѣдомства крѣпкій оплотъ вѣрно-подданничества, порядка и единенія съ Архипастыремъ. Онъ самъ глубоко вѣровалъ въ непоколебимость и необходимость государственнаго самодержавнаго строя, убѣжденъ былъ въ совершенной и безумной нелѣпости всыхнувшего движенія,—и эту вѣру и убѣжденіе онъ передавалъ подвѣдомственному ему духовенству. Подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ скорби о пережитыхъ 10—11 октября событіяхъ онъ говорилъ членамъ Епархіальнаго Съѣзда въ напутственномъ своемъ словѣ: „Вы окончили свои сложные и отвѣтственные занятія на Съѣздѣ. Но при какихъ ужасныхъ общественныхъ обстоятельствахъ вамъ пришлось работать въ эти послѣдніе дни!.. Тягостныя впечатлѣнія отъ страшной смуты, охватившей нашъ городъ, повергли и васъ въ уныніе и страхъ и не давали возможности обсудить свои дѣла спокойно и не спѣшно... Вы хотѣли даже прервать свои занятія, спѣшили поскорѣе уѣхать домой... Прекращеніе желѣзнодорожнаго сообщенія принудило, однако, васъ остаться здѣсь. Я такъ хотѣлъ подробно побесѣдовать съ вами о дѣлахъ церковныхъ и пастырскихъ, но не буду васъ задерживать... Скажу только: гдѣ и въ чемъ найти себѣ утѣшеніе въ эти минуты? Подкрѣпляйтесь, отцы и братія, вѣрою въ Промыслъ Божій. Это Господь попустилъ произойти случившемуся въ наказаніе намъ за грѣхи наши, для нашего вразумленія, исправленія и обновленія. Но Господь не попу-

¹⁾ Князь Михаилъ Шаховской. „Смутное время въ Харьковѣ“, Харьковъ, 1907 г., стр. 65.

ститъ злу восторжествовать... Будемъ молиться и просить Господа, чтобы улеглось волненіе, успокоилась наша страна. И не такія скорби и несчастія выпадали на долю нашей много-страдальной родины, и не такіе ужасы переносила земля наша,—все проходило, и Русская земля, обновленная, окрѣпшая восходила къ еще большому благополучію и славѣ...“

Чрезвычайно важнымъ дѣйствіемъ Высокопреосвященнаго Архіепископа въ это смутное время было укрѣпленіе духовенства въ правильномъ отношеніи къ своему пастырскому долгу и къ возникшимъ общественно-политическимъ партіямъ. Въ 1906 году во время очередного Епархіального Съѣзда, въ сентябрь мѣсяцѣ, Владыка сталъ вести частныя вечернія собесѣдованія съ участниками Съѣзда и представителями городского духовенства о подъемѣ церковно-приходской дѣятельности и религіозно-нравственной стороны пасомыхъ. Здѣсь подъ руководствомъ Владыки были обсуждаемы и вопросъ объ отношеніи духовенства къ общественно-политическимъ партіямъ, при чемъ участники собесѣдованій охотно высказывали свои мнѣнія. Указывая духовенству на безуміе, нелѣпость и преступность крайнихъ политическихъ партій, революціонныхъ, антигосударственныхъ, Владыка съ твердостію и непоколебимою прямою предостерегалъ духовенство вообще отъ увлеченія духомъ партійности: „Духовенству, говорилъ Владыка, всего болѣе приличествуетъ безпартійность въ томъ смыслѣ, что оно не должно преслѣдовать исключительно какихъ либо партійныхъ цѣлей; его цѣли должны быть общехристіанскими, общегосударственными. Программа духовенства? Вотъ наша программа: за вѣру, Царя и отечество; православіе, самодержавіе и народность. Это не партія, это—сущность нашего служенія, это долгъ пастырства, нашего сана. Служеніе этимъ завѣтамъ скорѣе послужитъ вѣрнымъ залогомъ успѣха на полѣ общественной дѣятельности. За эти начала своего служенія мы умирать должны...“ Сдѣланныя Владыкою указанія съ рѣшительностію были всегда внушаемы всему епархіальному духовенству, создавая для послѣдняго прочный и безповоротный фундаментъ дѣятельности.

Другой важной стороной дѣятельности Владыки за это время было отношеніе его къ возбуждаемымъ предъ нимъ ходатайствамъ о преобразованіяхъ по духовно-епархіальному вѣдомству. Такъ, Епархіальный Съѣздъ 1906 года представилъ

ему докладъ съ изложеніемъ желательныхъ мѣръ, которыя по убѣжденію Съѣзда могутъ содѣйствовать оживленію дѣятельности духовенства и церковно-приходской жизни, въ числѣ коихъ намѣчены слѣдующія: возстановленіе въ духовенствѣ выборнаго начала, расширеніе правъ Благочинническаго Совѣта и учрежденіе товарищескаго суда въ цѣляхъ поднятія престижа духовенства, предоставленіе правъ причтамъ вѣнчать лично имъ извѣстныхъ лицъ имѣющихъ законную правоспособность на вступленіе въ бракъ, но не имѣющихъ на то формальныхъ документовъ, разрѣшеніе священникамъ печатать свои проповѣди съ дозволенія окружнаго цензора и, наконецъ, разрѣшеніе родительскихъ собраний въ цѣляхъ выясненія учебно-воспитательныхъ вопросовъ во всѣхъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ епархіи и право участія депутатовъ сихъ собраний въ Педагогическихъ Совѣтахъ. Было обращено къ Его Высокопреосвященству ходатайство о расширеніи правъ и преимуществъ и отъ діаконовъ г. Харькова. Высокопреосвященный Владыка отнесся къ этимъ ходатайствамъ сочувственно, но осторожно, и распорядился по нимъ сдѣлать все, что возможно въ границахъ компетенціи епархіальной власти на основаніи каноновъ и законовъ, но не выходя изъ границъ ихъ. „Что по закону можно сдѣлать, сдѣлаемъ, но измѣнить или нарушить законъ я не могу и не долженъ. Это не въ моей власти...“, говорилъ Владыка. Удовлетвореніе въ нѣкоторыхъ пунктахъ этихъ ходатайствъ въ границахъ законовъ успокоило ходатайствовавшихъ и убѣдило ихъ въ законности дѣйствій мудраго Архипастыря...

Въ это тревожное время вѣрный своему Архипастырскому и вѣрноподданническому долгу Владыка рѣшительными и спокойными мѣрами подавлялъ всякія вольномысленныя поползновенія и неразумныя политическія выступленія лицъ изъ среды духовенства.

Рядомъ съ такими дѣйствіями, направленными на духовенство, Архипастырь въ цѣломъ рядѣ своихъ проповѣдей и бесѣдъ со всей силою убѣжденія вразумлялъ народъ, научая его вѣрности Церкви, Царю и Правительству, предупреждая его отъ злонамѣренныхъ агитаторовъ и отъ злоупотребленія правами свободы и призывая къ миру и спокойствію. Такъ, въ словѣ 30 ноября 1905 года въ Харьковской Озерянской церкви онъ говорилъ: „Мы потеряли вѣру

и благочестіе, а съ ними утратили и любовь къ ближнимъ, любовь къ труду и порядку, уваженіе къ личности другого и чужой собственности: раздоры, убійства, кражи, грабежи и пожары стали у насъ обычны. Въ древнія времена при такомъ упадкѣ вѣры и нравственности, при такомъ общемъ бѣдствіи налагались общественное покаяніе и постъ. Нужно и нынѣ повсюду приглашать людей, чтобы обратились къ покаянію и исправленію. Ибо что мы видимъ теперь? Погромы. Во многихъ мѣстахъ,—въ городахъ и селеніяхъ,—православные русскіе люди, ослѣпленные враждою и злобою, грабятъ и уничтожаютъ чужое имущество и избиваютъ людей,—и евреевъ и своихъ... Какое ужасное озлобленіе! Какое помраченіе и забвеніе заповѣдей Божіихъ! Спаситель нашъ заповѣдалъ любить ближнихъ, какъ самихъ себя, любить даже враговъ нашихъ, благословлять проклинающихъ насъ, благотворить ненавидящимъ насъ и молиться за обижавшихъ и гонящихъ насъ; а люди грабятъ и истребляютъ чужое имущество и, какъ звѣри, терзаютъ и убиваютъ другъ друга... Это великое горе, это бѣдствіе побудило всѣхъ архипастырей русской церкви обратиться къ своимъ паствамъ съ воззваніемъ объ умиротвореніи всѣхъ. И я обратился къ подвѣдомственнымъ мнѣ пастырямъ и просилъ ихъ, чтобы они проповѣдывали русскому народу слово любви в міра, покаянія и молитвы. Черезъ нихъ я всѣхъ призываю къ молитвѣ о всемъ народѣ русскомъ, о возлюбленномъ нашемъ Государѣ и Его правительствѣ, чтобы умиротворился взволнованный народъ, и установился въ государствѣ миръ и порядокъ, чтобы мы могли свободно и безъ боязни заниматься каждый своимъ дѣломъ на пользу себѣ и общую—государственную...“ Замѣчательно также его слово, сказанное 21 ноября 1906 года о воспитаніи дѣтей, въ которомъ онъ съ горячимъ пыломъ обличенія обрушивается на извращеніе добраго воспитанія дѣтей въ духѣ ложно понимаемой свободы...

При встрѣчахъ и бесѣдахъ съ народомъ внѣ храма онъ съ смѣлой прямою вразумлялъ народъ. Такъ, крестьянъ сл. Богородичной, Изюм. у., 15 августа 1906 года онъ спрашивалъ: „Все ли у васъ спокойно и хорошо?“ Крестьяне отвѣчали: „теперь пока спокойно, но приходятъ разные люди со стороны и подговариваютъ къ волненіямъ и беспоряд-

камъ“. Владыка сказалъ имъ: „не слушайте этихъ смутьяновъ. По ихъ винѣ теперь много появилось зла на св. Руси. Посмотрите, какіе теперь пошли грабежи и убійства; теперь спалить стогъ сѣна, даже домъ ничего не стоитъ. А все это происходитъ отъ того, что люди потеряли страхъ Божій. Въ прежнее время люди боялись Бога, а потому считали грѣхомъ погубить даже и насѣкомое. А теперь, желая убить человѣка, не считаютъ грѣхомъ губить даже невинныхъ дѣтей. Но я вѣрую, что Господь обратитъ свой гнѣвъ на милость и пошлетъ миръ странѣ нашей. Будемъ просить Бога о помилованіи, молитесь Богу и вы, братія, и Онъ сохранитъ васъ. Примите отъ меня благословеніе на все доброе...“

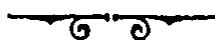
Сердечныя и авторитетныя слова Владыки произвели на народъ самое доброе и глубокое впечатлѣніе.

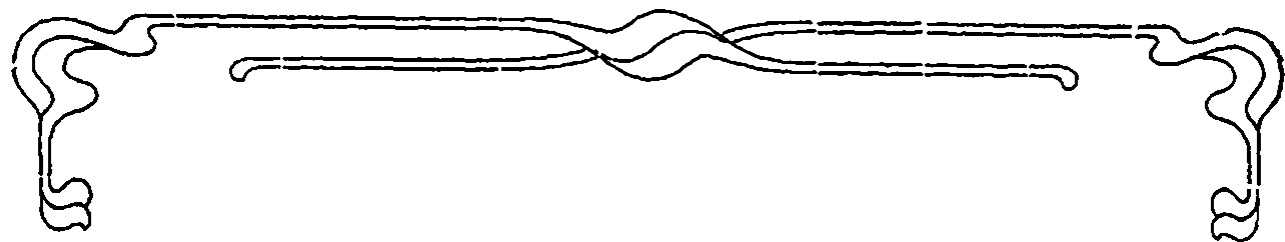
Наконецъ, Высокопреосвященный Архіепископъ прямо призывалъ всѣхъ ревнителей св. вѣры и блага родины объединяться въ укрѣпленіе общаго порядка и для общественнаго умиротворенія. Такъ, въ своемъ словѣ 26 ноября 1906 г. предъ молебномъ въ Дворянскомъ Собраніи онъ съ воодушевленіемъ говорилъ: „Св. православная вѣра, самодержавіе Русскаго Царя и русская народность да будутъ господствующими въ православномъ Русскомъ государствѣ и торжествующими среди всѣхъ инородныхъ и инославныхъ притязаній на цѣлость его. Соединяйся же русскій православный народъ подъ осѣненіемъ этой хоругви—знамени русскаго народа, да будетъ она крѣпкимъ оплотомъ могущества и силы нашего отечества. А молитвы Церкви, молитвы наши всегда будутъ за православную церковь, самодержавнаго Русскаго царя, за русскій народъ и за русское царство...“

Вразумляя духовенство и паству своимъ мужественнымъ словомъ, оказывая молитвенную поддержку и полное сочувствіе мѣстнымъ патріотическимъ организаціямъ, совершая съ ними торжественныя богослуженія и крестные ходы, онъ, несомнѣнно, чрезвычайно содѣйствовалъ успокоенію и отрезвленію своей паствы, такъ глубоко потрясенной мятежнымъ движеніемъ 1905 г.

Прот. П. Фоминъ.

(Окончаніе будетъ).

Общія заключительныя замѣчанія о социализмѣ и общія-же мѣры мирной борьбы съ нимъ.

Въ видѣ *заключенія* ко всему сказанному, въ опроверженіе новѣйшаго социализма, позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній объ этой *новой* атеистически-материалистической *религии*, а также намѣтимъ общаго-же характера мѣры мирной борьбы съ этимъ социаль-экономическимъ и политическимъ зломъ.

Социализмъ во всѣхъ извѣстныхъ его проявленіяхъ преподноситъ людямъ въ оболочкѣ *правды* завернутую *великую ложь*. О людяхъ, исповѣдующихъ социалистическое ученіе, можно сказать тоже, что ап. Павелъ сказалъ вообще о язычникахъ, а именно—что они „подавляютъ истину неправдою“ (Рим. 1, 18). Что есть рѣзкое различіе въ материальномъ положеніи людей, что существуютъ препятствія къ ровному и спокойному теченію жизни общественной, которыя слѣдовало бы какъ-нибудь устранить, этого, къ прискорбію, отвергать нельзя. Не будемъ отрицать и того, что нѣкоторые изъ социалистовъ, можетъ быть, одушевлялись добрыми чувствами любви и жалости къ трудящимся и обремененнымъ. Безъ сомнѣнія, нынѣшняя социаль-демократія привлекаетъ къ себѣ сердца многихъ своимъ сочувствіемъ бѣдности, нищетѣ, желаніемъ сдѣлать существованіе всѣхъ людей болѣе или менѣе своснымъ ¹⁾. Нельзя, наконецъ, отрицать того, что, благодаря, быть можетъ, отчасти и рѣчамъ социаль-демократовъ, вѣрнѣе сказать, по поводу ихъ рѣчей, кое-что уже

¹⁾ Д. Боголюбовъ. „Христіанство и социаль-демократія“. „Церковный Голосъ“. 1906 г., № 5, стр. 146—147.

придуманно и сдѣлано во многихъ странахъ Европы для поднятiя благосостоянiя бѣднаго, рабочаго класса. Основная идея социализма, понимаемаго какъ совокупность социально-экономическихъ реформъ—идея общественнаго блага—можетъ безспорно сближать его съ христіанствомъ. Происхожденіе этой социалистической идеи психологически вполнѣ естественно и понятно. „Общество, въ которомъ всѣ люди братья,—по словамъ Г. Спенсера,—мечта настолько заманчива, и существующій порядокъ, при которомъ царить борьба и конкуренція, порождаетъ столько бѣдствій, что попытки уйти отъ послѣдняго и перейти къ первому, совершенно естественны, даже неизбежны. Подстрекаемые зрѣлищемъ прискорбнаго неравенства положеній вокругъ, тѣ, кто страдаетъ и тѣ, кто сочувствуетъ ихъ страданіямъ, стараются найти то, что они считаютъ справедливымъ социальнымъ строемъ“¹⁾. „Эти-то страданія бѣдствующаго человѣчества,—говоритъ Штейнъ,—и породили въ древности республику Платона, а въ XVI—XVII вѣкахъ солнечное государство Кампанеллы, словомъ—социализмъ“²⁾. Вотъ тѣ истины, которыя содержатся въ социализмѣ, и которыми онъ самъ держится. Не было и нѣтъ ни одного самага пагубнаго заблужденія, въ которомъ бы не заключалось какой-либо истины, иначе оно и дня не продержалось отъ своей собственной лжи. Но эти зерна истины въ социализмѣ со всѣхъ сторонъ, такъ сказать, облѣплены примѣсью недоразумѣній, ошибокъ, явныхъ обмановъ всякой лести. „Ибо,—по словамъ С. Булгакова,—социализмъ въ наши дни выступаетъ не только какъ нейтральная область социальной политики, но, обычно, и какъ религія, основанная на атеизмѣ и человѣкобожіи, на самообожествленіи человѣка и человѣческаго труда и на признаніи стихійныхъ силъ природы и социальной жизни единственнымъ зиждущимъ началомъ исторіи. Въ этомъ смыслѣ между христіанствомъ и социализмомъ существуетъ полная и враждебная противоположность“³⁾ и общая

¹⁾ Спенсеръ. „Основанія социологіи“, стр. 689.

²⁾ Штейнъ. „Социализмъ и коммунизмъ нынѣшней Франціи“, стр. 193.—О социальномъ романѣ Томы Кампанеллы—„Civitas Solis“ (1620 г.) см. нашу книгу: „Социализмъ—его исторія и критическая оцѣнка съ христіанской точки зрѣнiя“. Кіевъ, 1905 г., стр. 14—15.

³⁾ „Два града“, стр. 36--37.

идея социализма—идея общественнаго блага—сама по себѣ, какъ сказано выше, вполне естественная и даже христіанская—въ своемъ примѣненіи къ жизни до такой степени подвергается искаженію, что сдѣлалась для здоровыхъ членовъ общества какимъ-то пугаломъ; девизомъ всякихъ противообщественныхъ идей. Подъ видомъ блага общественнаго социалистами нерѣдко преслѣдуются такія цѣли, которыя не имѣютъ ничего общаго съ христіанскою любовью къ ближнимъ.

И въ самомъ дѣлѣ, какое благо можетъ обѣщать социализмъ тому обществу, которое онъ хочетъ облагодѣтельствовать? Предположимъ, что всѣ социалистическія требованія осуществлены въ общественной жизни: частная собственность исчезла, семьи не стало, государство уничтожено, религія отвергнута. Равенство водворилось полное и безусловное. Всѣ живутъ сыто, наслаждаются вдоволь. Что оставалось бы дѣлать? Работать, но что и надъ чѣмъ? Вся задача разсудка сводится къ тому, чтобы сообразовать намѣченныя цѣли съ имѣющимися въ распоряженіи средствами. Но тогда эта задача уже будетъ рѣшена. Задаваться высшими цѣлями никто не можетъ, не нарушая гармоніи всей общественной организаціи. Въ организованной, такимъ образомъ, социалистической общинѣ все взвѣшено, размѣрено и расчислено, все идетъ въ извѣстныхъ строго опредѣленныхъ рамкахъ, и всякій выходъ за предначертанныя предѣлы считается преступленіемъ. Разсудку остается только почить на лаврахъ и заснуть непробуднымъ сномъ. Но что тогда станется съ творчествомъ человѣческаго генія? Гдѣ можетъ найти себѣ убѣжище несчастная человѣческая мысль, родившаяся въ геніальномъ умѣ, мысль свѣтлая и глубокая, но несоотвѣтствующая принятымъ понятіямъ объ общемъ благѣ? Не лучшая доля готовится и для человѣческой воли, одушевленной самыми высшими побужденіями и направленной къ истинному благу человечества, но не по тому масштабу, который разъ навсегда предуказанъ для человѣческой дѣятельности. Въ погонѣ за осуществленіемъ личнаго безусловнаго равенства социалисты забыли о свободѣ. Всѣ, безъ всякаго исключенія, должны одинаковое число часовъ ежедневно провести въ

трудъ, причемъ выборъ труда будетъ зависѣть только отъ власти, надзирающей за общественными работами, такъ какъ предоставленіе свободы выбора отдѣльнымъ лицамъ повлекло бы за собою анархію въ производствѣ. А куда дѣвалась бы при этомъ столь цѣнимая людьми свобода *передвиженія*? Для своевременнаго удовлетворенія повсюду общественныхъ потребностей властямъ пришлось бы передвигать рабочія силы изъ одного мѣста въ другое, не считаясь съ ихъ желаніями. Соціализмъ, лишая, такимъ образомъ, человѣка свободнаго выбора дѣйствій, чтобы сдѣлать его рабомъ общества, колесомъ въ огромной фабрикѣ общественнаго производства ¹⁾,— вмѣстѣ съ тѣмъ отнимаетъ у него ту область дѣятельности, въ которой онъ всегда долженъ быть свободенъ, область его личной жизни. „Соціализмъ,—говоритъ С. Булгаковъ,—обезличиваетъ человѣка, поскольку онъ обращается не къ душѣ индивидуума, а къ ея соціальной кожѣ, сводя наличное содержаніе личности всецѣло къ соціальнымъ рефлексамъ“ ²⁾. Такимъ образомъ, соціализмъ дѣйствительно обезличиваетъ человѣка, приковываетъ его къ бездушной природѣ наравнѣ съ окружающими его предметами, и общество людей обращаетъ въ стадо животныхъ, подчиненныхъ неизмѣннымъ механическимъ законамъ инстинкта. Свобода человѣческой личности, очевидно, приносится здѣсь въ жертву матеріальному благосостоянію. А безъ свободы, какъ извѣстно, не можетъ быть никакого разумнаго порядка въ общественной жизни. Гдѣ нѣтъ свободы, тамъ не можетъ быть рѣчи ни о какой вмѣняемости дѣйствій; а гдѣ нѣтъ вмѣняемости, тамъ нѣтъ мѣста закону, нѣтъ основанія ни для правъ, ни для обязанностей, нельзя различать ни заслугъ, ни преступленій, не должно быть потому ни наградъ, ни наказаній, безъ чего, однакожъ, человѣческое общество немыслимо. Вотъ какое благо обѣщаютъ соціалисты человѣческимъ обществамъ! Человѣкъ теряетъ при этомъ то высокое преимущество, которое въ словѣ Божіемъ именуется „образомъ и подобіемъ Божіимъ“ (Быт. 1, 26. Ср. Ефес. 4, 24), а въ наукѣ индивидуальною личностію. „Личность, даже самая низкая и самая незначительная,—говоритъ Винз,—обладаетъ преимуществомъ существовать для Бога, имѣетъ

¹⁾ Катрейнъ. „Соціализмъ“, стр. 365.

²⁾ „Два града“. Москва, 1911 г., стр. 30.

способность для достиженія вѣчнаго счастья или вѣчной гибели. Не общество, но личность ожидаетъ будущей жизни, безсмертія за гробомъ" ¹⁾. Разсуждая о значеніи человѣческой личности въ исторіи, проф. Карѣевъ говоритъ: „ничто есть человѣческая личность, ибо все въ исторіи существуетъ чрезъ нее, въ ней и для ней; все виды соціальной жизни суть только разныя системы отношеній между личностями; все явленія жизни духовной суть только различныя состоянія личностей; какое бы учрежденіе мы ни взяли, оно въ концѣ концовъ создается, поддерживается, измѣняется совокупною дѣятельностію личностей; индивидуумъ—единственное реальное существо, съ какимъ имѣетъ дѣло наука исторіи“ ²⁾. И социализмъ, отрицая человѣческую индивидуальность, поступаетъ будто бы во имя любви къ страждущему и бѣдствующему человѣчеству! Но кто же можетъ назвать любовью это правственное закланіе человѣческаго рода, это безпощадное, такъ сказать, нивелированіе человѣчества? Нѣтъ, истинная любовь не подавляетъ, а, наоборотъ, возвышаетъ человѣческую личность. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, стоитъ только пристально всмотрѣться въ исторію христіанства, которое, полагая въ основу общественныхъ союзовъ евангельскую любовь, тѣмъ самымъ всегда давало необходимый просторъ человѣческой личности. А социализмъ хотѣлъ бы возвратитъ человѣчество къ тѣмъ темнымъ временамъ язычества, когда личность человѣка поглощалась обществомъ или государствомъ и утопала въ общей массѣ другихъ подавленныхъ личностей. По словамъ Спенсера, „личность въ социализмѣ не принадлежитъ болѣе себѣ и не имѣетъ права извлекать выгоду изъ своихъ способностей; она принадлежитъ государству; государство ее содержитъ, но за то и руководитъ ея трудомъ“ ³⁾.

Послѣ сказаннаго трудно признать сродство между такъ называемымъ социализмомъ и христіанскою любовью къ ближнимъ. Въ сущности, социализмъ есть не что иное, какъ самый грубый эгоизмъ, едва возвышающійся надъ интере-

¹⁾ См. Мартензень. „Христіанское ученіе о нравственности“, т. I, стр. 218.

²⁾ Карѣевъ. „Основные вопросы философіи исторіи“, ч. I, изд. 2. Спб. 1887 г., стр. 250.

³⁾ Спенсеръ. „Основанія социологіи“, стр. 694.

сами брюшной полости. Желая поднять рабочаго и предоставляя ему удовлетвореніе однихъ физическихъ потребностей, социализмъ, по своимъ воззрѣніямъ, совпадаетъ съ тѣмъ самымъ буржуазнымъ или „мѣщанскимъ“ строемъ жизни, который онъ презираетъ. „Соціалисты и ихъ видимые противники—представители плутократіи,—говоритъ Вл. Соловьевъ,—безсознательно подаютъ другъ-другу руку въ самомъ существенномъ: для плутократа значеніе человѣка зависитъ отъ обладанія вещественнымъ богатствомъ, а для социалиста не то же ли самое? Только въ представителѣ плутократіи сидитъ собственникъ или пріобрѣтатель, а въ послѣдовательномъ социалистѣ—производитель и потребитель; сущность же взгляда на человѣка одна: оба смотрятъ на человѣка только съ тѣлесной стороны, оба думаютъ, что общество человѣческое есть только экономическій союзъ, союзъ рабочихъ-хозяевъ“¹⁾. Но вѣрно слово Евангелія: „не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, но о всякомъ глаголѣ, исходящемъ изъ устъ Божіихъ“ (Мѡ. 4, 4). Вѣчна истина: „плоть и кровь царства Божія не наследуютъ; царство Божіе не въ пищѣ и питіи“ (1 Кор. 4, 20). Христіанство,—говоритъ С. Булгаковъ,—потому уже не можетъ раздѣлять... идеала гедонистическаго социализма, что онъ совсѣмъ для него не идеаль, а лишь одинъ изъ вариантовъ первоначальнаго искушенія—соблазнъ поклониться тому, кто камни превратитъ въ хлѣбы... Атеистическій социализмъ, взятый со стороны своего человѣко-божескаго идеала содержитъ въ себѣ начало безусловно-антихристіанское..., обманчивой личиной вводитъ въ искушеніе, лукаво предлагая поклониться за хлѣбы“²⁾. Въ социализмѣ исполняется первое искушеніе великаго Инквизитора Достоевскаго: въ лицѣ социализма діаволь опять предлагаетъ Христу поклониться ему: „Ты не хотѣлъ лишить свободы человѣка, ибо какая свобода, разсудилъ ты, если послушаніе куплено хлѣбами“ (Братья Карамазовы).

Что касается до того родства съ христіанскою любовью, на которое напрашивается социализмъ, то, по нашему мнѣнію, это не болѣе, какъ пропагандическая хитрость. Многіе изъ социалистовъ при этомъ стараются стать какъ бы подъ особое покровительство божественнаго авторитета вѣры Хри-

¹⁾ Собраніе сочиненій Вл. Соловьева, т. VII, стр. 347—378.

²⁾ Булгаковъ. „Неотложная задача“, стр. 353—354.

стовой, ссылаясь на тѣ или другія мѣста Свящ. Писанія, какъ на опору для своихъ мнѣній; но они дѣлаютъ это все не потому, чтобы на самомъ дѣлѣ благоговѣли предъ христіанствомъ или сочувствовали ему, а потому, что подѣ кровомъ христіанскаго ученія имъ удобнѣе привлечь къ себѣ простодушныхъ и неопытныхъ людей. Такъ всегда поступали разные лжеучители, старавшіеся распространять ложныя идеи подѣ видомъ христіанскаго ученія.

Кто имѣлъ терпѣніе прочесть нашу книгу до конца, тотъ, полагаемъ, придетъ къ выводу, что социализмъ не больше, какъ несбыточная *утопія*. И всѣ доселѣ бывшія попытки переустройства общества на социалистическихъ началахъ оказались неудачными ¹⁾. Тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что увлеченіе социализмомъ въ настоящее время огромное и есть явленіе модное. Оно питается болѣе чувствомъ, нежели знаніемъ. Въ виду сильнаго роста социалистическаго движенія надлежитъ намъ вступить въ *мирную борьбу* съ этимъ общественнымъ зломъ. Успѣхи революціоннаго социализма уже вызвали рѣшительный протестъ со стороны различныхъ политическихъ партій, дорожащихъ благами мира, въ Германіи и Англіи ²⁾. Намъ необходимо послѣдовать ихъ примѣру, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Есть еще надежда избѣжать грозной опасности, если теперь же серьезно взятыся за дѣло *соціальныхъ реформъ*.

Соціальные агитаторы, какъ напр., Бебель и др. стараются среди рабочихъ распространить мнѣніе, будто бы христіане хотятъ положеніе различныхъ классовъ общества оставить такъ, какъ оно было доселѣ, и рабочихъ утѣшаютъ лишь надеждой на лучшую будущность за гробомъ. Въ этомъ, къ прискорбію, есть доля правды. Если обвиненіе, выдвинутое социализмомъ противъ христіанства, въ томъ, будто бы оно „не выполнило своего обѣщанія всемірнаго искупленія отъ нужды и заботъ существованія“, оказывается чистѣйшей клеветой, то остается въ силѣ заслуженный упрекъ въ дѣлающемся и понынѣ неустройствѣ нашей жизни въ духъ истиннаго христіанства. Неправда, корысть, всякаго

¹⁾ Frederic Millar. „Socialism, its fallacies and dangers“. London, 1907, стр. 43.

²⁾ В. К. Саблеръ. „О мирной борьбѣ съ социализмомъ“, томъ II, стр. 32—37.

рода зло, между прочимъ и то, объ устраненіи чего хлопотеть социализмъ,—на лицо! И не потому, что мы еще не социаль-демократы, а потому, что мы, въ огромномъ большинствѣ, еще не христіане! Безъ сомнѣнія, мы много виноваты въ томъ, что любимъ только утѣшать бѣдныхъ, любимъ рекомендовать имъ христіанское смиреніе и терпѣніе, и мало обращаемъ свое увѣщательное слово къ богатымъ, которые обязаны, ввѣреннымъ имъ отъ Бога имуществомъ служить ближнимъ тѣмъ или другимъ способомъ. Грустною проіеіей звучать наши рѣчи, когда, предаваясь нерѣдко сами безумной роскоши и расточительности, мы въ то же время проповѣдуемъ, съ покойною совѣстію, другимъ воздержаніе и довольство своимъ жребіемъ и затворяемъ отъ нихъ свое сердце (1 Іоан. 3, 17). Справедливо говоритъ покойный о. протопресвитеръ Е. П. Аквилоновъ, что „если... вопреки естественному и божественному законамъ, богатые забываютъ о своемъ долгѣ по отношенію къ бѣднымъ и дрожать надъ своимъ имуществомъ, боясь, какъ бы послѣдніе не пожелали „насытиться, хотя крупицами, падающими отъ трапезы господь своихъ“ (Мѡ. 15, 27),—то вотъ вамъ, хотя и не оправдываемое нравственно, однако понятное психологически, происхожденіе *соціальной ереси*“¹⁾. И намъ, поэтому, должна быть страшна не столько эта „соціальная ересь“, сколько соблазнъ, нашею жизнію подаваемый, тѣмъ, у кого возникаетъ чрезъ это сомнѣніе относительно силы и дѣйственности самого христіанства.

Въ дѣйствительности же христіанство, не вторгаясь прямо въ соціальныя отношенія людей, чрезъ посредство личности, духовно возрождаетъ и преобразуетъ эти отношенія. Христіанская любовь проводитъ и поддерживаетъ всякія разумныя мѣры къ улучшенію и возвышенію человѣческой жизни, къ уменьшенію жестокой борьбы за существованіе. Христіанство не исключаетъ, а, наоборотъ, предполагаетъ организацію христіанской любви, выражающуюся въ разныхъ рациональныхъ способахъ помощи трудящимся, бѣднымъ. Оно не возстаетъ противъ науки, изыскующей подобныя способы (политической экономіи), а всѣми благословеніями освящаетъ ее въ благомъ стремленіи сдѣлать соціальное положеніе

1) „Христіанство и социаль-демократія въ отношеніи къ современнымъ событіямъ“. „Христ. Чит.“ 1906 г., кн. I, стр. 58.

піе челоуѣка, по возможности, свободѣе отъ гнета нищеты. Отсюда мы, христіане, должны проникаться сознаніемъ великой отвѣтственности за вышеуказанный соблазнъ и устраненіе его поставлять своимъ долгомъ, „долгомъ любви общедательной“, видящей все спасеніе въ совокупномъ успѣхѣ возмѣстить зло добромъ. Мы должны желать самой рѣшительной соціальной реформы, въ противоположность соціал-демократамъ, всегда недовольнымъ и протестующимъ противъ всякихъ разумныхъ поновведеній въ цѣляхъ улучшенія челоуѣческой жизни. Соціальная реформа, какой необходимо добиваться намъ, должна обезпечить самому несчастному рабочему естественныя права на семейное счастье. Жены рабочихъ не должны, во вредныхъ условіяхъ фабричной жизни, терять обликъ матери семейства, дочери должны быть спасены отъ проституціи, а сыновья отъ хулиганства. Желательно при этомъ, чтобы самъ рабочій не только получалъ достаточный заработокъ, но также, чтобы обращалось должное вниманіе на его жизнь и здоровье и чтобы не обременяли его непосильной работой. Имущіе должны обращаться съ нимъ не только справедливо, но и оказывать ему вниманіе и уваженіе. Наконецъ, рабочій долженъ быть увѣренъ, что въ случаѣ старости, болѣзни или другого какого-либо несчастья, онъ не будетъ выброшенъ на улицу.

Примѣръ культурныхъ народовъ Запада въ этомъ случаѣ весьма поучителенъ для насъ. На христіанскихъ основахъ возникли тамъ различныя *кооперативныя* учрежденія, сплотившія разрозненныя силы рабочихъ и крестьянъ въ союзы, товарищества и синдкаты. Учрежденія эти безспорно способствовали соціально-экономическому и нравственному возрожденію рабочаго класса и во многихъ государствахъ Европы оградили его отъ соціалистическихъ ученій. Залогомъ успѣха всѣхъ названныхъ учрежденій является вѣрность ихъ исключительно профессиональнымъ идеямъ. Они прочны и живучи, поскольку далеки отъ политики и релігіозныхъ распрей. Построенныя, какъ сказано, на чисто христіанскихъ началахъ, учрежденія эти вносятъ миръ и согласіе въ рабочую среду. Съ плодотворною дѣятельностію ихъ можно ознакомиться по прекрасной книгѣ В. К. Саблера: „О мирной борьбѣ съ социализмомъ“, т. II. Спб. 1908 года, стр. 53—350.

Такъ какъ въ дѣлѣ соціальной реформы частная инициатива самихъ трудящихся, разумѣется, далеко не всего можетъ достигнуть, то мы въ правѣ ожидать отъ правительства необходимыхъ законодательныхъ мѣропріятій. Успѣхъ социализма въ значительной степени слѣдуетъ приписать несовершенству соціального законодательства. Указывая на тяжелыя условія жизни рабочихъ, на крайнюю скудость вознагражденія за трудъ, на безсердечную эксплуатацію рабочихъ богатыми капиталистами, социалисты легко привлекаютъ къ себѣ довѣрчивыя и впечатлительныя сердца людей простодушныхъ. Только когда фабричное дѣло урегулируется изданіемъ законовъ, нормирующихъ трудъ рабочаго и предохраняющихъ его отъ всякой эксплуатаціи и т. д., тогда лишь можно будетъ ожидать, что острые соціальные контрасты значительно сгладятся и станетъ возможной болѣе или менѣе мирная жизнь общества.

Само собою разумѣется, что самое важное и неотложное въ соціальной реформѣ есть возрожденіе и обновленіе въ христіанскихъ обществахъ евангельскаго духа и евангельскихъ понятій, столь ненавистныхъ социалистамъ. Одними, хотя бы и разумными, законодательными мѣропріятіями еще нельзя совершенно успокоить обездоленную и обозленную рабочую массу. Эти мѣропріятія могутъ создать лишь внѣшнія условія новыхъ лучшихъ порядковъ, а внутренній оживляющій духъ можетъ привнести сюда только евангеліе или христіанство. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, можно требовать отъ рабочаго люда, чтобы онъ терпѣливо переносилъ труды и разныя невзгоды, неизбѣжныя въ его положеніи, когда ему привили убѣжденіе, что одни лишь глупцы могутъ бояться вѣчныхъ наказаній, а равно ожидать себѣ наградъ за гробомъ, что съ этой земной жизнію все кончается? Только христіанство, открывающее намъ лазурное небо вѣчнаго блаженства въ обителяхъ Отца Небеснаго, можетъ, разогнать мрачныя тучи его скорбей, отереть его слезы и успокоить его сердце свѣтлою надеждою на будущее.

Проф.-прот. Николай Стеллецкій.

С Л О В О

при погребеніи профессора Императорскаго Харьковскаго университета Л. Н. Загурскаго ¹⁾.

(† 13 марта 1912 года).

„Жива будетъ душа моя, и восхвалитъ Тя, и судьбы Твои помогутъ мнѣ“ (Пс. 118, 175).

Когда земные звуки затихаютъ для души человѣка, и мы вступаемъ въ „смертныя сѣни“, тогда безмолвные уста мертвеца говорятъ намъ болѣе убѣдительно, чѣмъ сама жизнь и слово. Рѣчь—орудіе живыхъ, молчаніе—краснорѣчіе мертвыхъ, часто побѣждающее тамъ, гдѣ слова безсильны, разглагольствія ничтожны.

И этотъ немилостивый гробъ, котораго никто изъ насъ не ожидалъ видѣть съ этими бранными останками дорогаго профессора, Леонтія Николаевича, въ этомъ храмѣ сегодня, какъ онъ много говоритъ намъ въ свѣтлыхъ лучахъ вѣры Христовой.

Прежде всего онъ говоритъ намъ о бренности и суетности всего земнаго. Онъ какъ бы спрашиваетъ каждаго изъ насъ: смотри, куда идешь? Что дальше? Остановись! Смотри: ты, въ путяхъ твоей жизни и въ дѣлахъ злободневныхъ, въ текущихъ занятіяхъ и житейскихъ интересахъ твоихъ, всегда прикасаешься къ тлѣнію. Этотъ міръ—это прахъ, облако, вѣтеръ, пепель. Все, на подобіе воздуха, течетъ быстро, невсвратимо ²⁾. Человѣкъ, какъ цвѣтъ на травѣ. Восходитъ солнце, настаетъ зной и зноемъ иссушаетъ траву, цвѣтъ ея отпадаетъ, исчезаетъ красота вида ея (Іак. 1, 10—11). Вотъ

¹⁾ Сказано во время послѣдованія къ погребенію въ университетской церкви Святого Антонія Великаго, послѣ „Надгробнаго рыданія“, 15 марта 1912 года.

²⁾ Св. Григорій Богословъ, Творенія, ч. V, стр. 300 (изд. 3-е).

онъ предъ нами этотъ человѣкъ, „перстный Адамъ“ (I Кор. 15, 45—48), безвидный и безславный, опять возвращающійся въ „мать-сырую землю“, изъ которой и взятъ былъ рукою Создавшаго его (Быт. 2, 7), безсмертнаго Бога.

Но такъ говорить этотъ жадный и ненасытный гробъ только тѣмъ, кто пресмыкается долгу, кто ищетъ одного скоропреходящаго и ни на что больше не обращаетъ вниманія! А живущимъ разумно и достойно той доли, которая въ каждомъ изъ насъ отъ Бога и которая хотя и срастворена съ бренностію нашей человѣческой природы, по обнята и свѣтомъ вѣчности, гробъ этотъ навѣваетъ и другія мысли, будитъ и другія чувства, болѣе свѣтлыя, радостныя, сіяющія.

Онъ какъ бы такъ говорить каждому изъ насъ: Богомудрый христіанинъ! Убѣгай случайныхъ миражей „міра сего“. Не будь рабомъ тлѣнія и разрушенія. Будь свободнымъ сыномъ Божьимъ на этой землѣ, на этомъ „небесномъ тѣлѣ“, несущемъ тебя, въ надеждѣ воскресенія, въ океанъ безсмертія, имѣющаго открыться для тебя при кончинѣ этой жизни. Лелѣй добро, люби истину, цвѣти разумомъ. Міръ сей уловляетъ тебя, уловляетъ скоропреходящими образами и „горькимъ сластолюбіемъ“¹⁾. Это твой большой врагъ. Это „ровъ преисподній, мракъ и бездна“ (Ис. 87, 7). Оставь его въ покоѣ. Забудь его. Стань выше его. Приступи опять къ древу вѣчно-пребывающей жизни, воздѣлывай его, любуйся имъ. Приступи къ идеальному въ жизни, чистому и святому. Отъ него бери плоды, ими питайся и насыщай другихъ!

Такъ скажетъ этотъ гробъ всякому, если онъ мудръ, если онъ озабоченъ здоровьемъ и спасеніемъ души своей. А кто не услышитъ этихъ рѣчей, этого „великаго поученія“ отъ гроба, тотъ напрасно провелъ бы жизнь свою. О, если еще только напрасно, а не въ величайшемъ злѣ и глубокой тѣмѣ, въ яростныхъ волнахъ и обманахъ суетной жизни, какъ бѣдный и нищій бездомникъ, безъ цѣли, безъ смысла, съ неразрѣшимымъ вопросомъ о жизни и концѣ ея, съ злой трагедіей растраченныхъ даромъ силъ, „горькихъ сожалѣній“, разочарованій, неумирающаго тлѣнія и забвенія!

У гроба cadaго человѣка, когда мы идемъ отсюда (Іоан. 14, 81), два пути сходятся: путь пройденной уже жизни и

1) Св. Григорій Богословъ, ч. V, стр. 28. (Изд. 1861 г.)

новой, невѣдомой, невиданной. Первый путь уже оконченъ, начинается новый. У гроба и въ гробѣ уже зрѣтъ новое рожденіе, рожденіе въ безсмертіе, восходъ въ міръ вѣчнаго, безконечнаго, неумирающаго бытія и жизни, въ единеніе съ небеснымъ. И мы присутствуемъ при этой чудной тайнѣ рожденія въ вѣчность Леонтія Николаевича. Мы—скорбные воспріемники и молящіеся свидѣтели его смерти и новой жизни для него и для насъ.

Онъ уже не жилецъ этого міра; но онъ сталъ для насъ несравненно ближе, дороже, роднѣе, чѣмъ былъ при жизни. Его свѣтлый духовный образъ уже неувядаемъ, нерушимъ. Смерть надъ нимъ никогда уже не возобладаетъ (Апок. 20, 6). „Смерть! гдѣ твое жало? Адъ! гдѣ твоя побѣда“ (1 Кор. 15, 55; Осія 13, 14)? Тѣло разрушено въ смерти, а тайная, невидимая, безплотная душа человѣка по-прежнему жива и еще болѣе жизненна за этимъ гробомъ, еще яснѣе говоритъ намъ о себѣ въ своемъ загробномъ служеніи Богу, міру и людямъ.

Духъ не ограниченъ воплощеніемъ. Черезъ смерть все очищается, преображается и воскресаетъ. Особенно же воскресаетъ въ безсмертіе жизнь, крестомъ и любовію выстрадавшая въ соединеніе съ Богомъ и людьми. Рушится все низкое, ничтожное, мимолетное, тлѣнное, что связано съ ужаснымъ фактомъ смерти, съ самой идеей ея и вновь ощущается неумирающая сила всего великаго и вѣчнаго. Умираетъ только смертное, то, что не составляетъ жизни въ человѣкѣ, а вѣчно цвѣтетъ все жизненное и живое въ насъ. Не истощается въ насъ образъ Божій. „Праведникъ цвѣтетъ, какъ пальма, возвышается, подобно кедру на Ливанѣ. Насажденные въ домъ Господнемъ, они цвѣтутъ во дворахъ Бога нашего“ (Пс. 91, 13—14). Душа великаго человѣка въ состояніи собрать вокругъ себя космическую свѣтлость и какъ бы зажечь „новое солнце“ безсмертія и исторической славы. И „праведники возсіяютъ, какъ солнце, въ царствѣ Отца ихъ“ (Матѣ. 13, 43). „Радуйтесь тому,—говоритъ Христосъ,— что имена ваши написаны на небесахъ“ (Лук. 10, 20).

И почившій профессоръ весь въ цвѣту безсмертія, въ небесномъ сіяніи загробной славы. И у этого гроба уже цвѣтутъ благоуханные цвѣты неувядаемой жизни.

И сколько ихъ насадилъ почившій профессоръ, ученый

педагогъ, истинный другъ учащейся молодежи,—насадилъ своею душой, вѣрою, умомъ, волей, трудомъ и великимъ терпѣніемъ. И онъ могъ бы молитвенно сказать о себѣ съ пророкомъ Давидомъ: „жива будетъ душа моя, и восхвалитъ Тя, и судьбы Твои помогутъ мнѣ“.

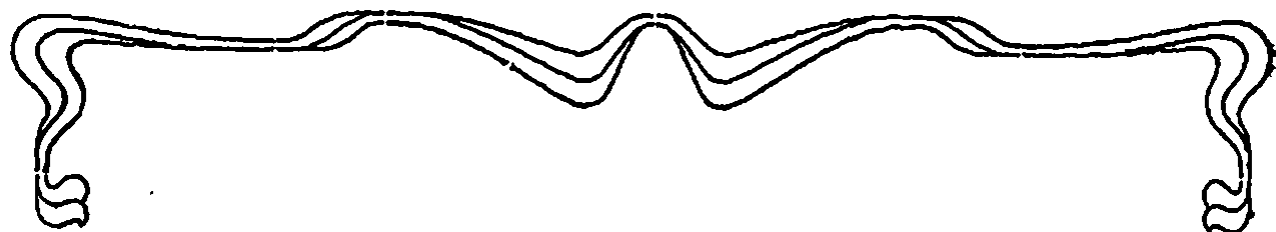
Леонтій Николаевичъ оставилъ намъ послѣ себя дивный образъ прекраснаго человѣка, беззавѣтнаго труженика чистой науки, идеалиста, честнаго дѣятеля на нивѣ жизни. Онъ далъ намъ лучший подарокъ отъ себя—свои научные труды, эти бессмертные символы его огромнаго ума и благородной души, вписанные въ исторію человѣческаго творчества и научной мысли. Онъ воспиталъ цѣлый рядъ поколѣній въ истинномъ уваженіи къ наукѣ, въ любви къ ея радостямъ и свѣту, нетлѣннымъ благамъ и идеаламъ познанія. Онъ всею своею жизнію сказалъ намъ, что лучший путь въ жизни—это самоуваженіе и любовь къ добру, правдѣ и истинѣ.

И все это внесено имъ въ сокровищницу жизни тихо, разумно, праведно, религіозно. Внесено, какъ даръ его духовной личности, какъ зрѣлый плодъ его жизненнаго подвига и креста. Все это не умираетъ. Все это идетъ въ вѣчность. Смерть—только одна изъ самыхъ таинственныхъ переменъ, а въ переменѣхъ для сердца нѣтъ измѣнъ. Все это насъ радуетъ и спасаетъ. „Близъ смерти, близъ Бога“. „Живъ Богъ, жива и душа человека“ (4 Царст. 3, 4).

И этотъ гробъ не слезы одни и безмѣрную горестъ вызываетъ, но и ободряетъ насъ. И мы окружили его, потому что онъ дорогъ намъ, какъ святыня нашей вѣры и упованій, какъ послѣдняя „ветхая скинія“ того человѣка, который сказалъ намъ много истинно-добраго и вѣчнаго о жизни и правдѣ ея.

Вѣчная же тебѣ память, „старый профессоръ“, за твою добрую науку и за весь твой пройденный „путь жизни“. Мы сохранимъ нравственно-прекрасный, духовный ликъ твой въ своихъ молитвахъ и идеалахъ жизни, какъ дорогую святыню и свѣтлый символъ. Живи же въ вѣчности, у Бога милосердія и всепрощенія и оттуда свѣти намъ своею любовью, правдою и твоимъ добромъ.

Приватъ-доцентъ Императорскаго Харьковского Университета,
Священникъ Іоаннъ Филевскій.

Явленія женамъ мироносицамъ въ день Воскресенія.

(Мѣ. XXVIII, 1—10; Маркъ XVI, 1—11, Луки XXIV, 1—11; Иоанна XX, 1—18).

(Окончаніе *).

Противъ мысли о различныхъ событіяхъ явленій Іисуса Христа можетъ быть приведено одно на первый взглядъ сильное возраженіе. Какъ можно говорить, что у евангелистовъ говорится о различныхъ событіяхъ, если всѣ они говорятъ одинаково о Маріи Магдалинѣ, т. е. въ общемъ объ однѣхъ и тѣхъ же лицахъ. Несомнѣнно, что это въ значительной степени является причиной того, что на явленія женамъ мироносицамъ смотрятъ какъ на одно событіе.— Мы уже видѣли, что именно неодинаковое число женщинъ было одной изъ причинъ для возраженій Штрауса. Что всѣ евангелисты одинаково говорятъ о Маріи Магдалинѣ, а первые три и о другой Маріи, то для этого необходимо искать другихъ объясненій и ниже мы укажемъ на это. Теперь же перейдемъ къ вопросу о томъ, о сколькихъ же событіяхъ рассказываютъ евангелисты.

Для опредѣленія числа событій, случившихся въ день воскресенія, правильнѣе всего принять во вниманіе внутреннія данныя, каковыми въ этомъ случаѣ являются съ одной стороны *лица*, явившіяся женамъ, и съ другой, что они сказали имъ. Что же касается указаній на число женщинъ, то оно не можетъ служить несомнѣннымъ свидѣтельствомъ въ данномъ вопросѣ, потому что не всѣ евангелисты одинаково

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 6 за 1912 годъ.

точно говорятъ объ этомъ. Да къ тому же этотъ вопросъ теряетъ свое центральное положеніе, если въ евангеліяхъ говорится не объ одномъ, а о нѣсколькихъ событіяхъ. Итакъ, какія же событія можно различать въ евангельскихъ повѣствованіяхъ?

1) Среди евангельскихъ повѣствованій ев. Іоанна о явленіи Маріи Магдалинѣ сначала ангеловъ, а потомъ и Самого Господа, это занимаетъ первое мѣсто. Ев. Іоаннъ объ этомъ рассказываетъ такъ: Марія Магдалина пришла ко гробу одна и при томъ тогда, когда еще было совершенно темно. Здѣсь въ открытомъ гробѣ она встрѣчаетъ двухъ ангеловъ, а потомъ у гроба Самого Господа. Явившись ей, Господь запрещаетъ прикасаться къ Нему, потому что Онъ идетъ къ Богу и Отцу; она же должна идти и извѣстить братьевъ объ этомъ.—Всѣ эти особенности повѣствованія ев. Іоанна настолько характерны, что рассказъ объ этомъ нѣтъ возможности смѣшивать съ рассказами другихъ евангелистовъ о событіяхъ этого утра. Поэтому явленіе ангеловъ и Господа одной Маріи Магдалинѣ необходимо считать какъ совершенно самостоятельное. Да и ев. Маркъ подтверждаетъ то же самое. Въ послѣдней главѣ своего Евангелія онъ рассказываетъ: „Воскресши рано въ первый день недѣли, (Христосъ) явился сперва Маріи Магдалинѣ, изъ которой изгналъ семь бѣсовъ“ (XVI, 9). Характерно въ этомъ случаѣ замѣчаніе ев. Марка, что Господь явился Маріи Магдалинѣ и при томъ рано утромъ. Этими словами онъ ясно свидѣтельствуешь, что это явленіе было первымъ и что за нимъ послѣдовали и другія и между прочимъ апостолу Петру. Итакъ, явленіе Маріи Магдалинѣ рано утромъ нужно считать какъ совершенно отдѣльное, и повѣствованіе о немъ какъ совершенно самостоятельное.

2) Вторымъ событіемъ этого утра необходимо считать явленіе ангеловъ одного у гроба на камнѣ, а другого во гробѣ, когда Марія Магдалина возвратилась ко гробу съ другой Маріей (Маріей Іаковлевой) и Соломіей; о чемъ рассказываютъ евангелисты Матеей и Маркъ. (Мт. XXVIII, 1—3, 5—8; Маркъ XVI, 1—8). Повѣствованія этихъ евангелистовъ необходимо считать однородными и взаимно дополняющими другъ друга. Ев. Матеей рассказываетъ о томъ, что сказалъ женамъ ангелъ, сидѣвшій на камнѣ у гроба; а

ев. Маркъ говорить о явленіи и словахъ ангела во гробѣ. Самыя же слова ангеловъ по мыслямъ совершенно тождественны, да и по выраженіямъ весьма близки. И тотъ, и другой ангелы одинаково ободряютъ женщины: одинаково говорятъ, что Іисусъ воскресъ, что Его нѣтъ здѣсь; и одинаково передаютъ повелѣніе, чтобы ученики шли въ Галилею, и тамъ они увидятъ Его. Различаются они тѣмъ, что ев. Матѳей говоритъ объ ангелѣ, сидѣвшемъ на камнѣ у гроба. Этотъ ангелъ приглашаетъ женщины войти во гробъ и посмотреть мѣсто, гдѣ лежалъ Господь. Правда, ев. Матѳей не передаетъ, что женщины, дѣйствительно, входили и осматривали гробъ. Но онъ передаетъ немного ниже, что женщины вышли изъ гроба и поспѣшили къ ученикамъ Господа (Мѳ. XXVIII, 8). Ясное дѣло, что и по словамъ ев. Матѳея женщины входили во гробъ, но объ этомъ онъ не рассказываетъ. Евангелистъ же Маркъ рассказываетъ только о томъ, что видѣли женщины во гробѣ и что сказалъ тамъ имъ ангелъ Господень. Такимъ образомъ тонъ, характеръ разсказа у обоихъ евангелистовъ совершенно одинаковый. Очевидное дѣло, что они говорятъ объ одномъ и томъ же, но дополняя одинъ другого. Однако это повѣствованіе евангелистовъ нельзя смѣшивать съ повѣствованіемъ ев. Іоанна. Тамъ Марія не разговариваетъ съ ангелами; здѣсь же женщины выслушиваютъ ихъ, осматриваютъ гробъ и спѣшатъ отъ гроба, чтобы передать повелѣніе. Ясное дѣло, что оба евангелиста рассказываютъ о новомъ событіи этого утра.

3) Ев. Матѳей не говоритъ о томъ что видѣли женщины во гробѣ. Его вниманіе всецѣло устремлено на то, что случилось съ женами, когда онѣ пошли отъ гроба. Случилось же то, что, идя отъ гроба, онѣ встрѣтили Іисуса. Для Маріи Магдалины это была вторая встрѣча съ Христомъ. Встрѣтя, Христосъ привѣтствовалъ ихъ словомъ: „радуйтесь“. А женщины съ радостью припадаютъ къ Его ногамъ и обнимаютъ ихъ. Характеръ этой встрѣчи существенно отличенъ отъ встрѣчи, о которой рассказываетъ ев. Іоаннъ. Тамъ Господь является одной Маріи и говоритъ ей: „не прикасайся ко Мнѣ“; здѣсь Онъ самъ привѣтствуетъ ихъ и позволяетъ имъ прикоснуться и обнять Его ноги. Поэтому это явленіе необходимо разсматривать какъ третье въ это утро. На этотъ разъ Господь явился двумъ, Маріямъ, а ско-

рѣе всего тремъ женщинамъ, потому что ев. Маркъ упоминаетъ и о Соломіи.

4) Наконецъ, о новомъ явленіи рассказываетъ ев. Лука. Этотъ евангелистъ рассказываетъ о явленіи женамъ ангеловъ во гробѣ. Ев. Лука рассказываетъ, что ко гробу пришли кромѣ Маріи Магдалины, Маріи, Матери Іакова, Іоанна и нѣкоторыя другія. Женщины, по словамъ евангелиста, шли ко гробу, чтобы помазать тѣло Іисуса благовоніями. И ангелы обращаются съ ними совсѣмъ не такъ, какъ они обращались съ женами, согласно съ повѣствованіями Матѳея и Марка: не ободряютъ ихъ, не показываютъ имъ мѣста, гдѣ лежало тѣло Іисуса; напротивъ, они обращаются къ нимъ со словами укора: „что вы ищите живого между мертвецами“? и говорятъ имъ о предсказаніи Самого Господа о своей смерти и воскресеніи.—Характеръ этого повѣствованія совершенно непохожъ ни на рассказъ ев. Матѳея и Марка, ни на рассказъ ев. Іоанна. На этотъ разъ женщины не получаютъ никакого приказанія.—Все это ясно свидѣтельствуется, что и повѣствованіе ев. Луки передаетъ о совершенно новомъ явленіи въ то утро.

Итакъ, основываясь на внутреннихъ данныхъ, необходимо придти къ выводу, что въ день воскресенія было четыре явленія женамъ мирноносицамъ, при чемъ при всѣхъ этихъ явленіяхъ одинаково присутствовала Марія Магдалина.

Но въ такомъ случаѣ, въ какомъ порядкѣ и какъ произошли всѣ эти событія? По нашему мнѣнію, все это случилось такимъ образомъ.

Христосъ умеръ на крестѣ въ третьемъ часу пополудни. До начала великаго еврейскаго праздника оставалось только три часа. И за это короткое время слѣдовало сдѣлать весьма многое, чтобы совершить погребеніе. Нужно было испросить позволеніе у игемона снять съ креста Умершаго, нужно было найти гробъ, куда можно было бы положить Почившаго; слѣдовало заготовить пеленами и ароматными мазями. Поэтому вполне естественно, что погребавшіе могли совершить только самое необходимое; подробности же естественно должны были или вовсе опустить, или же отложить до другого времени. Евангелисты Маркъ (XVI, 1) и Лука (XXIV, 5—6) рассказываютъ, что женщины купили аро-

маты, чтобы по прошествіи Субботы помазать Тѣло Іисуса и съ ними онѣ и рѣшили идти ко гробу рано утромъ.

Но Марія Магдалина опередила всѣхъ прочихъ. Она поспѣшила и пришла ко гробу еще въ то время, когда было темно. Можетъ быть, она жила тайной надеждой увидѣть своего Учителя живымъ; а можетъ быть, она хотѣла удостовѣриться, осталось-ли все такъ, какъ было въ день погребенія. Но придя ко гробу, она видитъ, что камень отваленъ отъ двери гроба. И первое, что приходитъ ей въ голову, это—что унесли Господа изъ гроба. И она не входитъ во гробъ, не осматриваетъ его, но бѣжитъ къ Петру и Іоанну и говоритъ имъ: „унесли Господа изъ гроба и не знаемъ гдѣ положили Его (XX, 1—2).

Петръ и Іоаннъ, услыхавъ объ этомъ, поспѣшили ко гробу, придя осмотрѣли его и удалились; „а Марія стояла у гроба и плакала“. Новое горе охватило преданную женщину. Мало того что умертвили Господа, теперь „унесли Его изъ гроба“; и преданная женщина остается у пустого гроба и плачетъ. И вотъ когда она такъ плакала, то „наклонилась во гробъ и видитъ двухъ ангеловъ, одѣтыхъ въ бѣлое и сидящихъ одного у изголовья, а другого у ногъ, гдѣ лежало Тѣло Іисуса“. Мы не знаемъ, какія мысли и чувства охватили женщину, когда она увидѣла неизвѣстныхъ ей мужей во гробѣ; нѣтъ возможности судить и о томъ, признала-ли она въ нихъ небесныхъ вѣстниковъ. Евангелистъ не говоритъ объ этомъ. Онъ говоритъ о томъ, что сказали они Маріи. „Жено, что ты плачешь, говорятъ они ей. А она имъ отвѣчаетъ тѣмъ же самымъ, что сказала и апостоламъ: „унесли Господа Моего и не знаю, гдѣ положили Его“. Сказавъ это, говоритъ евангелистъ, она обернулась и увидѣла Іисуса стоящимъ у гроба, но не узнала, что это Іисусъ. Она была занята одной мыслью, куда положили Господа и гдѣ искать Его Тѣло. Да и раннее время и темнота не позволили ей рассмотретьъ Того, Кого она видѣла. Явившись Маріи, Христосъ обращается къ ней съ тѣмъ же самымъ вопросомъ: „Жено, что ты плачешь? кого ищешь?“ Но не узнавъ Господа раньше, она не признаетъ Его и теперь. Ей прежде всего приходитъ въ голову, что, вѣроятно, это садовникъ, и онъ, конечно, можетъ ей сказать, куда положили Господа. Поэтому она и говоритъ Ему: „господинъ,

если ты вынесъ Его, скажи мнѣ, гдѣ ты положишь Его и я возьму Его". Такимъ образомъ и здѣсь ея мысль всецѣло занята думой: кто взялъ и куда положили Господа. При такомъ настроеніи неудивительно, что она въ утреннихъ сумеркахъ не узнала явившагося ей Господа. Тогда Господь называетъ ее по имени „Марія“ и только послѣ этого, такъ знакомаго ей, обращенія, она узнала Господа и, бросившись къ Нему, воскликнула: „Учитель“! Но Господь предупреждаетъ ея порывъ словами: „не прикасайся ко Мнѣ“! Почему же она не должна прикасаться къ Нему? Въ качествѣ объясненія евангелистъ приводитъ дальнѣйшія слова Іисуса: „Я еще не восшелъ къ Отцу Моему“. Прежде явленія людямъ Я долженъ взойти къ Моему Отцу. Я пострадалъ, умеръ за людей для исполненія Божественной Правды, теперь Я воскресъ и иду со своею Плотію къ Богу и Отцу своему. Поэтому и не прикасайся ко Мнѣ. „Но иди ко братьямъ Моимъ и скажи Имъ: восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему и Богу Моему и Богу вашему“. Получивъ такое повелѣніе, Марія удаляется отъ гроба. Ев. Іоаннъ говоритъ, что Марія исполнила повелѣніе Господа, но не указываетъ, когда она это сдѣлала.

Естественнѣе всего думать, что она тотчасъ же отправилась къ ученикамъ Господа. Но идя отъ гроба, на пути встрѣтила Марію (по ев. Матѳею другую Марію, а по Марку Марію Іаковлеву) и Соломію, которыя тоже раньше другихъ стѣпили ко гробу. Встрѣтя ихъ и находясь подъ впечатлѣніемъ видѣннаго, она въ великомъ волненіи рассказала имъ, что видѣла Господа живымъ и что Онъ бесѣдовалъ съ ней. Еще не встрѣтя Маріи Магдалины, эти женщины говорили между собой: кто отвалить намъ камень отъ дверей гроба. И вотъ когда онѣ говорили объ этомъ, ихъ встрѣтила Марія Магдалина.

Но возвѣщенное имъ Маріей было такъ ново, непохоже на только что бывшее, да и сама Марія была въ такомъ волненіи, что у нихъ естественно зародилось много вопросовъ и (между прочимъ, правду ли Марія передаетъ; но во всякомъ случаѣ онѣ пожелали лично провѣрить сказанное ею. Марія же, видя ихъ недовѣріе къ ея словамъ, вернулась съ ними ко гробу, чтобы на мѣстѣ показать, гдѣ и какъ она видѣла Господа и ангеловъ, и какъ она слышала голосъ Іисуса.

И вотъ когда онѣ подошли ко гробу, то увидѣли ангела сидящимъ у дверей гроба. Онъ обратился къ нимъ и сказалъ: „Не бойтесь, ибо знаю, что вы ищете Іисуса распятаго; Его нѣтъ здѣсь; Онъ воскресъ, какъ сказалъ; пойдите и посмотрите мѣсто, гдѣ лежалъ Господь. И пойдите по скорѣе, скажите ученикамъ Его, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ и предваряетъ васъ въ Галилеѣ; тамъ Его увидите“ (Мѡ. XXVIII, 5—7). И вошли женщины во гробъ и увидѣли другого юношу сидящаго на правой сторонѣ, облеченнаго въ бѣлую одежду и ужаснулись. Но и онъ ободрилъ ихъ и сказалъ имъ: „Онъ воскресъ; Его нѣтъ здѣсь. Вотъ мѣсто, гдѣ Онъ былъ положенъ“. И этотъ ангелъ передалъ имъ то же повелѣніе для передачи ученикамъ и Петру. (Маркъ XXI, 5—7). Выслушавъ ангеловъ, женщины вышли изъ гроба и со страхомъ и радостью великою побѣжали возвѣстить ученикамъ о видѣнномъ и слышанномъ (Мѡ. XXVIII, 8).

Когда онѣ шли отъ гроба, на пути имъ явился Господь. Это было вторымъ явленіемъ Господа Маріи Магдалинѣ. На этотъ разъ Онъ привѣтствуетъ ихъ возгласомъ: „радуйтесь“! Какой смыслъ имѣло это привѣтствіе? Смыслъ этого привѣтствія выясняется изъ сопоставленія съ предыдущимъ явленіемъ Господа. Тогда Онъ сказалъ ей: „я захожду къ Богу и Отцу“, и объ этомъ Онъ повелѣлъ сказать братьямъ Его. Теперь же Онъ явился женамъ и привѣтствуетъ ихъ: „радуйтесь“! Своимъ человѣческимъ естествомъ Онъ былъ у Бога и Отца Своего и всѣхъ людей и Отъ Него приноситъ великую радость прощенія и примиренія. Искупленіе совершено; человѣческое естество въ Лицѣ Воскресшаго возшло къ Богу и Отцу; и теперь люди имѣютъ смѣлость называть своего Творца Отцомъ. Поэтому „радуйтесь“! И теперь женщины въ величайшей радости припадаютъ къ ногамъ Воскресшаго и обнимаютъ ихъ. На этотъ разъ и Самъ Господь даетъ повелѣніе; „пойдите, возвѣстите братьямъ моимъ, чтобы шли въ Галилею, и тамъ они увидятъ Меня“. (Мѡ. XXVIII, 9—10).— На этотъ разъ видѣли ангеловъ и Господа не одна Марія Магдалина, а вмѣстѣ съ нею и другія и не только видѣли, но слышали Его рѣчь и даже обнимали Его Ноги. Сомнѣнія для нихъ теперь не могло быть, тѣмъ болѣе, что Гос-

подъ самъ обѣщалъ явиться ученикамъ. И это обѣщаніе онѣ слышали трижды, какъ будто бы для того, чтобы кто-нибудь изъ учениковъ не пропустилъ грядущаго явленія и не лишился лично удостовѣриться въ истинности слышаннаго отъ женщинъ.

И женщины поспѣшили, чтобы исполнить повелѣніе Господа. Однако имъ и на этотъ разъ не пришлось осуществить своего намѣренія. Идя отъ гроба, онѣ встрѣтили на пути тѣхъ, съ которыми раньше уговорились итти на гробъ. Онѣ только еще шли ко гробу съ благовоніями, чтобы помазать Господа, какъ мертвеца. Имъ онѣ возвѣщаютъ, что Господь воскресъ, что Онѣ видѣли гробъ, видѣли ангеловъ, которые послали ихъ къ ученикамъ; наконецъ, онѣ только что видѣли самого Господа, Который тоже велѣли имъ итти туда же. Но эти женщины имъ не повѣрили. За два дня онѣ свыклись съ мыслью, что ихъ Учитель умеръ и погребенъ, а поэтому и къ рассказамъ трехъ своихъ подругъ онѣ отнеслись съ недоувѣріемъ. И вмѣсто того, чтобы итти къ ученикамъ, продолжали путь ко гробу. Съ ними возвратились и Маріи. Вѣроятно, онѣ хотѣли убѣдить своихъ подругъ въ истинности своихъ словъ, на мѣстѣ показать имъ, гдѣ онѣ видѣли Господа, гдѣ имъ явились ангелы. Въ виду всего этого нѣтъ ничего удивительнаго, что Марія Магдалина въ третій разъ возвратилась ко гробу.

Но придя ко гробу, и новыя женщины увидѣли, что камень отваленъ и гробъ открытъ, вошли во гробъ и „не нашли Тѣла Господа Іисуса“. Это повергло въ недоумѣніе вновь пришедшихъ и онѣ не знали, что подумать: воскресъ ли Господь, какъ говорятъ Маріи и Соломія или кто-нибудь взялъ Тѣло ихъ Учителя. „Когда онѣ недоумѣвали объ этомъ, предъ ними предстали два мужа въ блестящихъ одеждахъ“: То были ангелы, которые уже являлись тремъ женамъ, но на этотъ разъ они обращаются къ женамъ не съ словами ободренія, а съ укоромъ за невѣріе. „Что вы ищете Живого между мертвыми? Его нѣтъ здѣсь. Онъ воскресъ!“ Почему не вѣрите тому, что Вамъ сказали? Зачѣмъ сомнѣніе гнѣздится въ сердцахъ вашихъ? „Вспомните, какъ Онъ говорилъ вамъ, когда былъ еще въ Галилеѣ, говоря, что сыну Человѣческому надлежитъ быть предану въ руки Человѣковъ грѣшниковъ и быть распяту и въ третій день вос-

креснуть“. „И вспомнили онѣ Его слова“; и повѣрили имъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ повѣрили и словамъ Маріи Магдалины и другимъ видѣвшимъ и слышавшимъ Господа и ангеловъ. (Ев. Луки XXIV, 1—10).

И поспѣшили женщины отъ гроба къ одиннадцати апостоламъ и прочимъ вѣрующимъ и возвѣстили имъ все, что онѣ видѣли и слышали. Но по словамъ ев. Луки, ихъ слова показались пустыми, нестоящими вниманія и не повѣрили имъ. (Ев. Луки. XXIV, II).

Мы изложили свои мысли о явленіяхъ женамъ мирноносицамъ въ день Воскресенія. По нашему мнѣнію, утромъ въ день Воскресенія было четыре явленія: два явленія Господа и два явленія ангеловъ. При нашемъ взглядѣ можетъ представляться страннымъ только то, что Марія Магдалина три раза возвращается ко гробу вмѣсто того, чтобы спѣшить и возвѣстить ученикамъ о видѣнномъ и слышанномъ. Но эта странность перестанетъ быть такой, если Мы обратимъ вниманіе, въ какомъ волненіи были женщины и какъ тяжело было для нихъ, что имъ не вѣрятъ. Въ виду этого для нихъ естественно было вновь вернуться къ близлежащему гробу, чтобы еще разъ показать, гдѣ онѣ видѣли Господа. При такихъ волненіяхъ нельзя ожидать методичности въ дѣйствіяхъ.

Мы указали, что на повѣствованія евангелистовъ Маттея и Марка о явленіи ангеловъ нужно смотрѣть, какъ на одно. При такомъ взглядѣ отпадаютъ противорѣчія о количествѣ ангеловъ, видѣнныхъ у гроба. Ев. Іоаннъ повѣствуетъ о двухъ; о двухъ же говоритъ и ев. Лука. А евангелисты Маттея и Маркъ говорятъ объ одномъ потому, что при этомъ явленіи женщины одного ангела видѣли у гроба, а другого онѣ увидѣли войдя во гробъ.

Но въ евангельскихъ повѣствованіяхъ о явленіяхъ мирноносицамъ есть одно мѣсто, которое дѣйствительно возбуждаетъ недоумѣніе. Такимъ мѣстомъ является замѣчаніе ев. Марка о явленіи Господа Маріи Магдалинѣ (XVI, 9—10). Объ этомъ явленіи евангелистъ только упоминаетъ. А между тѣмъ естественно же ожидать подробнаго повѣствованія объ этомъ событіи. Если онъ довольно

подробно разсказалъ о явленіи женамъ ангела, то тѣмъ важнѣе было явленіе самого Господа. Оно было бы понятнымъ, если бы другой евангелистъ раньше его разсказалъ объ этомъ; но вѣдь Іоанново евангеліе явилось позже. Одно только можно предположить: ев. Маркъ зналъ объ этомъ изъ какого-либо другого распространеннаго источника, о которомъ знали и другіе вѣрующіе. Поэтому онъ и не остановился на этомъ явленіи Господа, какъ на извѣстномъ.

Д. Брянцевъ.

УЧЕНИЕ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА О БОГОВДОХНОВЕННОСТИ БИБЛИИ.

(Продолженіе *).

V.

Исходя изъ того, что Ветхій и Новый Завѣты происходятъ отъ одного и того же Духа, что одинъ и тотъ же Духъ, говорившій въ первомъ, говорилъ и въ послѣднемъ¹⁾, Іоаннъ Златоустъ учитъ о боговдохновенности св. книгъ обоихъ канонѣвъ.

Въ Ветхомъ Завѣтѣ существенною частью Златоустъ признаетъ, конечно, законъ (*νόμος*). Въ Писаніи закономъ называется весь ветхій завѣтъ. Но въ тѣсномъ смыслѣ подъ закономъ разумѣются собственно „заповѣди, которыя Богъ открылъ въ законѣ чрезъ Моисея“²⁾.

Фактъ божественнаго происхожденія изложеннаго въ пятикнигахъ Моисея закона, утверждается св. отцомъ Церкви, въ противоположность дуалистическимъ ученіямъ гностиковъ и манихеевъ. Гностикъ Маркіонъ признавалъ двухъ различныхъ виновниковъ для законовъ ветхаго и новаго завѣтовъ³⁾. Манихей же рѣшительно утверждалъ, что древній законъ произошелъ отъ діавола⁴⁾ и потому почиталъ законъ грѣховнымъ⁵⁾.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“, № 5 за 1912 годъ.

¹⁾ In psalm. CXV, 2 (M. LI, 321).

²⁾ In Matth. LXXII, 1 (M. LVIII, 667).

³⁾ In illud: 1 Gor. X, 1; n. 3 (M. LI, 245).

⁴⁾ In Matth. XVI, 1 (M. LVII, 241).

⁵⁾ In epist. ad Roman. XII, 4 (LX, 500).

Златоустъ, напротивъ, учитъ, что Самъ Богъ вдохновилъ блаженнаго Моисея, изваяль скрижали, держаль его сорокъ дней на горѣ и еще столько же другихъ, чтобы дать законъ ¹⁾. Устами пророка челоуѣколюбивый Богъ научалъ родъ челоуѣческій ²⁾. Свое ученіе Моисей преподавалъ, руководимый Духомъ ³⁾, излагалъ все по внушенію Духа ⁴⁾. Не отъ себя говорилъ пророкъ, но то, что внушила ему благодать Духа ⁵⁾. Поэтому и слова Моисея Златоустъ называетъ благодатию Духа Святаго ⁶⁾. Откровеніямъ отъ Духа Святаго Моисей былъ наученъ какъ сынъ отъ отца ⁷⁾.

Въ связи съ такимъ ученіемъ о боговдохновенности Моисея стоитъ и *характеристика его*, какъ пророка и челоуѣка. Во всей древней исторіи не было никого, равнаго Моисею ⁸⁾. Глава и столпъ ветхозавѣтныхъ пророковъ ⁹⁾, мужъ святой, рабъ Божій, другъ, близкій и вѣрный Богу ¹⁰⁾. Моисей былъ обогащенъ мірскою мудростью и въ то же время исполненъ духовнаго знанія, былъ одновременно силенъ въ словѣ и во всякой добродѣтели ¹¹⁾. Дивный въ священной исторіи, пророкъ былъ самымъ кроткимъ изъ всѣхъ людей ¹²⁾.

Происшедшій отъ столь великаго пророка законъ, какъ произведеніе божественнаго вдохновенія, поэтому, *не могъ быть противоположенъ откровенію Бога во Христвъ*. Между Моисеемъ и Христомъ нѣтъ и не могло быть противорѣчія ¹³⁾. Напротивъ, законъ и евангеліе органически связаны между собою единствомъ происхожденія. Оба имѣютъ одного Законодателя. Если новый законъ введенъ Христомъ, то и древній данъ Имъ же: Христвъ говорилъ и чрезъ Моисея.

¹⁾ In epist. ad Hebr. VIII, 4 (M. LXIII, 74).

²⁾ In Gen. III, 2 (M. LIII, 34); cap. I.

³⁾ Ibidem. II, 3 (M. LIII, 29); cap. I.

⁴⁾ II, 3; cap. I (col. 29).

⁵⁾ Ibidem: IV, 2. (M. LIII, 41); cap. I.

⁶⁾ De sancto hieromartyre Babyla: 1, 2 (M. L, 532).

⁷⁾ In Isa. XL, 25—26 (M. LVI, 274).

⁸⁾ De mutatione nominum. III, 3 (M. LI, 134).

⁹⁾ См. epist. ad Olymph. II, 7 (LII, 563); de poenit. V, 2 (M. XLIX, 307).

¹⁰⁾ In Ioann. I, 15; XIII. 1 (M. LIX, 86); in Matth. LXXVIII, 4 (LVIII. 717).

¹¹⁾ De mutatione nominum III, 3 (M. LI, 134).

¹²⁾ Ibidem; cnfv. in Gen XXIII, 3 (M. LIII, 200); (LXI, 1 (LIV, 291).

¹³⁾ De libelle repudii: II; in illud: 1 Cor. VII, 39, 40 (M. LI, 219—222).

Съ точки зрѣнія постепеннаго развитія божественнаго Откровенія Іоаннъ Златоустъ видитъ въ законѣ Моисея одну изъ необходимыхъ его ступеней, которая обуславливалась свойствами органовъ, чрезъ которыхъ оно сообщалось, равно какъ приспособлялась къ способностямъ и потребностямъ людей. Въ трехъ видахъ примѣняетъ Златоустъ по отношенію къ закону моисееву свое ученіе о божественномъ снисхожденіи къ человѣческой немощи. Во-первыхъ, побужденіями для дѣятельности указываются въ Ветхомъ Завѣтѣ чувственные предметы, потому что самые законы предназначались для людей несовершенныхъ, какъ бы для малыхъ дѣтей. Христіане же теперь подвизаются не для благъ настоящихъ, а для угожденія Богу, для неба, для благъ небесныхъ, въ надеждѣ на будущее¹⁾. Во-вторыхъ, нѣкоторыя изъ заповѣдей Божіихъ, данныхъ чрезъ Моисея, имѣютъ безусловное, другія—только относительное значеніе. Познавать Бога, не убивать, не прелюбодѣйствовать, и пр.,—это заповѣди съ непреходящимъ значеніемъ. Припосить жертвы, воскурять еиміамъ, соблюдать субботу и пр.,—это заповѣдано не для того, чтобы само по себѣ было совершаемо, но для предохраненія отъ идолослуженія²⁾. Особеннаго, нарочитаго божественнаго намѣренія устанавливать законы о жертвахъ не было. Но вслѣдствіе духовной немощи іудеевъ произошло то, что цѣлая книга Левитъ состоитъ изъ такихъ законовъ. Много ихъ встрѣчается и во Второзаконіи³⁾. Въ третьихъ, Самъ Господь за моисеевымъ закономъ признаетъ временное педагогическое значеніе. Это предпологается уже въ словахъ Господа: „сказано древнимъ“ (ср. Мѡ. V 21, 27, 31, 33, 38, 43 и др.). Христосъ говоритъ такъ, чтобы пристыдить слушателей, отказывавшихся отъ исполненія высшихъ заповѣдей, подобно тому, какъ иногда учитель говоритъ лѣнивому ребенку: ты развѣ не знаешь, сколько времени ты потерялъ, учась складамъ?⁴⁾ Заповѣди моисеева закона, по ученію Господа, не составляютъ окончательнаго, совершеннѣйшаго выраженія воли Божіей. Если въ Новомъ Завѣтѣ запрещается, напр., гнѣвъ (Мѡ. V 22), то этимъ только усовершенствуется

¹⁾ In psalm. CXXVII, n. 34. (M. LV 369, 370).

²⁾ In Isa. cap. I, n. 5 (M. LVI, 19).

³⁾ Ibidem: cap. I; n. 4 (col 19.)

⁴⁾ In Matth. XVI, 5 (M. LXII, 245).

ветхозавѣтная заповѣдь объ убійствѣ (Исх. XX, 13). Такое запрещеніе исторгаетъ самый корень убійства: гнѣвъ¹⁾. Слова закона „око за око“ могутъ, конечно, казаться жестокими (ср. Исх. XI, 24). Но они получаютъ иной смыслъ, если принять во вниманіе эпоху и характеръ еврейскаго народа. Если бы Законодатель не постановилъ правила о мщеніи, то Онъ вооружилъ бы злодѣевъ безстрашіемъ, безнаказанностью и сталъ бы подобенъ человѣку, раздавшему преступникамъ мечи²⁾. Для современной эпохи правило моисеева закона даже служило выраженіемъ доступной для людей высшей степени человѣколюбія. Желая умѣрить справедливость благостью, Законодатель присуждаетъ виновника большаго проступка къ наказанію меньшему, сравнительно съ тѣмъ, какого онъ заслуживаетъ³⁾.

Говоря о св. писаніяхъ Моисея, Златоустъ называетъ ихъ *изображеніями души пророка*. Поэтому, читая эти писанія, мы наслаждаемся какъ бы присутствіемъ самого святого⁴⁾. Будучи первыми по времени происхожденія боговдохновенными писаніями, книги Моисея обновили въ сознаніи людей естественный законъ, внѣдренный въ человѣка самой природой⁵⁾. Моисей составлялъ свои книги не для славы, не по способу языческихъ писателей, но для добраго наставленія потомковъ⁶⁾. Существо содержанія писаній пророка св. Златоустъ опредѣляетъ при обзорѣ книгъ Ветхаго Завѣта. Книга Бытія повѣствуетъ о сотвореніи міра и о жизни людей, угодившихъ Богу. Исходъ говоритъ о чудесномъ освобожденіи іудеевъ изъ Египта, о пребываніи ихъ въ пустынь и дарованіи закона. Книга Левитъ о жертвахъ и священно-служеніи. Книга Числъ названа такъ потому, что по исходѣ изъ Египта Богъ повелѣлъ сосчитать народъ іудейскій. Во Второзаконіи Моисей вторично объяснилъ евреямъ законъ⁷⁾.

Какъ великій пророкъ, въ которомъ пребывалъ Духъ Святой⁸⁾, Моисей раскрылъ намъ въ книгѣ Бытія тайну тво-

1) Ibidem: XVI, 5 (LVII, 245. 246).

2) In Matth. XVI, 6 (LVII, 246 247).

3) Ibidem. XVI, 7 (col 247).

4) Homilia in illud: psal, CXLV, I, (M. LVI, 520).

5) In psalm. CXLII, (M. LV 455).

6) Synopsis Script. Sacrae; (M. LVI, 313, 314).

7) Ibidem: col. 314.

8) In Isa. LXIII 1—2 (M. LVI, 457).

ренія. Моисей не былъ съ Богомъ, когда Онъ творилъ, но по откровенію былъ наученъ Духомъ, какъ сынъ отъ отца¹⁾. Сжатость и краткость суть особенности стилия книгу Бытія²⁾. Книгу Исходъ Моисей также писалъ по наученію отъ Бога³⁾. Опреждленія изъ книги Левитъ приводятся Златоустомъ, какъ слова Божіи чрезъ пророка Моисея⁴⁾, какъ изреченія божественнаго Писанія⁵⁾, повелѣнія Самого Бога⁶⁾. Книга Числъ называется Писаніемъ [*κατ' ἐξουσίαν*“⁷⁾], а Второзаконіе приводится къ подлинное слово Божіе⁸⁾, съ предвареніемъ: „говоритъ Богъ“⁹⁾.

Канонъ ветхозавѣтныхъ книгъ Златоустъ раздѣляетъ на три класса: *историческія, нраво-учительскія и пророческія*.

Къ *первому классу* Златоустъ причисляетъ, кромѣ пяти книгъ Моисея, книгу Исуса Навина, Судей, четыре книги Царствъ, книги Ездры и др.¹⁰⁾. Вышеназванная классификація признается, впрочемъ, св. отцомъ Церкви не вполне точной. Справедливо онъ оговаривается, что различные виды Писаній—между собою смѣшаны. Въ историческихъ сказаніяхъ можно найти пророчество; отъ пророковъ можно услышать много рассказовъ историческихъ. Нравоученія и увѣщанія встрѣчаются въ тѣхъ и другихъ книгахъ¹¹⁾, Божественное происхожденіе священно-историческихъ частей св. Библии налагаетъ на нихъ особую печать превосходства надъ обыкновенными историческими памятниками. Въ то время, какъ языческіе писатели изображаютъ войны и сраженія для полученія себѣ писательской славы, Моисей излагаетъ исторію великихъ праведниковъ въ видахъ добраго наставленія потомковъ. Онъ повѣствуетъ не о праведникахъ только, но и о грѣшникахъ, чтобы мы однимъ подражали, а примѣра другихъ избѣгали и чрезъ то и другое преуспѣ-

¹⁾ In Isa. XL, 25—26 (M. LVI, 274).

²⁾ Ad Stag. II, 6 (M. XLVII, 457).

³⁾ Contr. anom: IV, 3 (M. XLVIII, 731).

⁴⁾ Hom. in illud; Matth. XXI, 23: n. 2 (M. LVI 414).

⁵⁾ Hom. in diem natal. 4 (M. XLVIII, 356).

⁶⁾ De sacerdot. VI, 11 (M. XLVIII, 686, 687).

⁷⁾ In psalm. CXXXI, I. (M. LV, 379).

⁸⁾ Ad Theod. lapsum: 15 (M. XLVII, 301).

⁹⁾ Adver. in daeos. et gentiles demonstratio: VIII, 5 (M. XLVIII, 935).

¹⁰⁾ Synopsis Scripturae Sacrae: (M. LVI, 314, 315).

¹¹⁾ Ibidem (M. LVI, 316).

вали въ добродѣтели и усердіи ¹⁾. Но этого мало. Божественное Писаніе нерѣдко показываетъ, какъ праведники падали, а грѣшники являли великое исправленіе. Черезъ то и другое читатели библейской исторіи получали достаточное вразумленіе. Стоящій въ добрѣ не могъ предаться безечности, видя паденіе праведниковъ. Пребывающій во грѣхахъ не впадалъ въ отчаяніе, зная, что многіе раскаявшіеся грѣшники успѣли достигнуть самой высокой степени добродѣтели ²⁾. Боговдохновенно-историческія части Библии, слѣдовательно, излагаютъ подлинную, безпристрастную историческую истину ³⁾. Въ нихъ нѣтъ красивыхъ вымысловъ или фантастическихъ картинъ, которыми изобилуютъ произведенія свѣтской литературы и искусства ⁴⁾.

Обращаясь къ *существованию боговдохновенности 'библейскихъ историковъ'*, Златоустъ отмѣчаетъ, что въ Библии развиваются обыкновенно два принципа: нравоучительный и духовный ⁵⁾. Но, въ противоположность александрійцамъ вообще и Оригену въ особенности, Златоустъ мало вдается въ глубины мистическаго пониманія боговдохновенныхъ рассказовъ библейской исторіи. Для столь типичнаго антиохійца, какимъ былъ Златоустъ, главнѣйшее значеніе имѣетъ нравоучительная сторона буквального пониманія св. подлинника. Изъ многихъ примѣровъ ограничиваемся нижеслѣдующими. Въ библейскомъ историческомъ рассказѣ о происхожденіи Евы (ср. Быт. II, 24) содержится глубокой мистическій смыслъ. Здѣсь предначертана великая тайна объ отношеніи Христа къ Церкви (ср. Ефес. V, 28—32). Для Златоуста важна преимущественно нравственная сторона. Сотвореніемъ жены изъ ребра Адама предугадывается образъ взаимоотношенія мужа и жены ⁶⁾. Жизнь первыхъ людей до преслушанія, дѣйствительно, доказываетъ преизбыточествующую любовь Бога, даровавшаго первымъ людямъ ангельское бытіе ⁷⁾. Ап. Варнава даже въ числѣ рабовъ (318), съ помощью которыхъ Авраамъ пора-

¹⁾ Ibidem. (MLV, 313, 314).

²⁾ In Genes. XIX, I (M. LIII, 260); cap. IX; ср. XLV, I (M. LIV 414), cap. XV.

³⁾ Ibidem: XXXVII, I (M. LIII, 341, 342); cap. XV.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Ibidem.

⁶⁾ In Genes. XV, 3 (M. LIII, 122, 123); cap. II.

⁷⁾ Ibidem: XV, 4 (M. LIII, 123, 125); cap. II.

зиль царя эламскаго, находилъ предызображеніе тайны искупленія¹⁾. По истолкованію Златоуста, событіе представляется проще и естественнѣе. Авраамъ взялъ не всѣхъ своихъ слугъ, а только домочадцевъ, воспитывавшихся вмѣстѣ съ Лотомъ. Благодаря этому, сражаясь, какъ бы за своего господина, они могли совершить мщеніе съ гораздо большимъ рвеніемъ²⁾. Для объясненія того, почему для обрѣзанія былъ назначенъ именно восьмой день, Іустинъ-Мученикъ напоминалъ, что это—день воскресенія³⁾. Златоустъ усматриваетъ здѣсь двѣ болѣе опредѣленныя цѣли. Человѣколюбивый Богъ назначилъ время обрѣзанія, во первыхъ, для того, чтобы легче можно было въ столь незрѣломъ возрастѣ переносить болѣзнь; во-вторыхъ, чтобы показать, что обрѣзаніе, совершаемый надъ дитятей, еще не имѣющимъ смысла, самъ по себѣ пользы не приноситъ, а предназначенъ быть только знаменіемъ⁴⁾. Извѣстно, далѣе, что бракъ патриарха Іакова съ двумя женами (ср. Быт. XXIX), для отцовъ Церкви (Іустинъ-Мученикъ, Иринеи ліонскій и др.) былъ обычнымъ мѣстомъ аллегорическаго истолкованія⁵⁾. Златоустъ, какъ антиохіецъ—реалистъ, смотритъ на такое двоеженство, какъ на типичное явленіе первобытной, патриархальной эпохи, весьма отличной отъ позднѣйшихъ эпохъ⁶⁾.

Ко второму классу ветхозавѣтныхъ книгъ Златоустъ относитъ книги учительныя, содержащія въ себѣ нравственное ученіе и увѣщаніе, какъ-то Притчи, Екклесіастъ, Пѣснь Пѣсней и др.⁷⁾.

Царь Соломонъ, составитель трехъ учительныхъ книгъ, характеризуется Златоустомъ, конечно, со стороны *его мудрости*. Уже будучи двѣнадцати лѣтъ, Соломонъ бесѣдовалъ съ Богомъ, имѣлъ предъ нимъ великое дерзновеніе⁸⁾. Принявъ царство отца своего Давида, Соломонъ просилъ Бога

¹⁾ Срав. его epist. cap. IX: Быт. XIV, 14,

²⁾ In Genes. XXXV, 4. (M. LIII, 327).

³⁾ См. его dialog. cum Tryph. 260; такое мнѣніе высказывалъ и одинъ африканскій соборъ: Reliquae Sacrae. Routh. Edit. Oxon. 1846. III: pag. 100.

⁴⁾ In Genes. XXXIX, 5; cap. IX (M. LIII, 367).

⁵⁾ Срав. Iust. Dialog. cum. Tryph. 364: Iren IV. XXXV. 3.

⁶⁾ In Genes. LVI, 3 (M. LIV, 489); cap. XXIX.

⁷⁾ Symporsis Scripturae Sacrae. (M. LVI, 316).

⁸⁾ In Isa. III, 3 (M. LVI, 43).

даровать ему болѣе мудрости, нежели богатствъ и побѣдъ надъ врагами. Получивъ ее и сдѣлавшись мудрымъ больше всѣхъ людей, жившихъ прежде него и послѣ него, ставъ предметомъ удивленія во всемъ, что дѣлалъ и говорилъ, Соломонъ изрекъ три тысячи притчей, пять тысячъ пѣсней, рассуждалъ о всемъ, произрастающемъ изъ земли и о всѣхъ животныхъ ¹⁾).

На основаніи древне-еврейскаго преданія Златоустъ усволяетъ авторству Соломона *собственно три* вышеназванныхъ нравоучительныхъ книги. Однако, ему извѣстно и другое мнѣніе, приписывавшее Соломону книгу „Премудрость“, какъ его подлинное произведеніе ²⁾).

Происхожденіе названія *первой книги* Соломона Златоустъ ставитъ въ связь съ обычаемъ древности писать притчи, или мудрыя изреченія, на всякомъ пути для вразумленія и назиданія проходящихъ по пути. Цѣль подобнаго обычая состояла въ томъ, чтобы люди, по крайней мѣрѣ, проходя и замѣчая написанное, вникали въ это и такимъ способомъ поучались. Въ собственномъ смыслѣ притча, слѣдовательно, означаетъ придорожное изреченіе, переносящее мысли наши отъ чего либо одного ко многому. По болѣе же точному опредѣленію существа писательскаго вдохновенія, притчи—это мудрыя изреченія, какъ бы загадки, которыя сами по себѣ представляютъ одно, но въ нихъ подразумѣвается нѣчто другое ³⁾. Цѣль книги Притчей есть [наученіе людей истинной мудрости и знанію, чтобы кто-либо, увлекшись сходнымъ названіемъ мудрости, не впалъ въ мудрованія язычниковъ и еретиковъ. Язычники, „называя себя мудрыми, обезумѣли“, (Рим. I, 22). Еретики, считая себя знающими, обратились, погрѣшили, осудили самихъ себя. Напротивъ, читатель, слыша и усвоивъ божественныя изреченія подлинно боговдохновеннаго мудреца, не увлекаясь оболещеніемъ, становится сыномъ мудрымъ и скоро получаетъ познаніе о единомъ истинномъ Богѣ ⁴⁾).

Фактъ боговдохновенности книги Притчей утверждается у Златоуста уже самымъ способомъ приведенія изъ нея от-

¹⁾ Syropsis Scripturae Secrae (M. LVI, 370).

²⁾ Ibidem.

³⁾ Synodsis Scripturae (M. LVI, 370).

⁴⁾ Ibidem. (370. 371).

дѣльныхъ изреченій. Обыкновенно Златоустъ цитуетъ ихъ, какъ непосредственныя слова Самого Бога, съ предвареніями: „Самъ Богъ сказалъ“, „Богъ повелѣваетъ по написанному“, или „сказано Святымъ Духомъ въ Притчахъ“ (ср. XIX, 17; III, 3; 1, 3) ¹⁾ и т. п.

Книга Екклезіастъ, какъ очевидно изъ способа ея цитации, также принималась Златоустомъ за подлинно-боговдохновенное Писаніе ²⁾. Изреченія Соломона въ этой книгѣ называются у него чудными, исполненными мудрости ³⁾.

Книга Пѣснь Пѣсней для Златоуста есть Писаніе по преимуществу ⁴⁾. Какъ и другіе, Златоустъ представляетъ ее книгой мистическаго содержанія. Въ ней собраны таинственнѣйшія пѣсни, въ коихъ изображены отношенія Господа къ преданной Ему душѣ ⁵⁾.

Изъ класса учительныхъ книгъ о книгѣ *Іова* Златоустъ сообщаетъ: „говорятъ, что книгу эту составилъ Соломонъ, если только она не есть произведеніе Моисея“ ⁶⁾. Книга получила наименованіе отъ *Іова*, который жилъ прежде Моисея, такъ какъ былъ пятымъ послѣ Авраама потомкомъ *Исава* ⁷⁾. Книга имѣетъ своею задачею научить терпѣнію тѣхъ, которые впадаютъ въ искушенія, хотя благочестіе ихъ всѣмъ извѣстно, чтобы они не соблазнялись, но восклицали: „Господь далъ, Господь и взялъ: какъ угодно было Господу, такъ и сдѣлалось“ (1, 21) ⁸⁾. Книга эта—полезна при всякомъ родѣ жизни и обстоятельствъ. Мужъ и жена, старецъ и молодой, частное лицо и начальникъ, богатый и бѣдный, пользующійся счастьемъ и удручаемый несчастьемъ,—всѣ могутъ получать изъ нея назиданіе ⁹⁾. Для внимательныхъ многострадальный *Іовъ* служитъ примѣромъ не только терпѣнія и выносливости, но и другихъ добродѣтелей: мужества и постоянства при искушеніяхъ, удаленія отъ надменности,—

¹⁾ In Matth. XV, 9 (M. LVII, 236); in Isa. LVIII, 8—10 (M. LVI, 429); fragm. in Proverb. cap. 1, 3. 6 (M. LXIII, 660. 661).

²⁾ Fragm. in Job. III, 21—22 (M. LXIII, 583) и др.

³⁾ De statuis ad popul. Antioch. XV, 2 (M. XLIX, 155).

⁴⁾ In I epist. ad Corinth. XXXIII, 6 (M. LXI, 286).

⁵⁾ In I epist. ad Thessal. VI, 4 (M. LXII, 434).

⁶⁾ Synops. Scripturae Sacrae (M. LVI, 362).

⁷⁾ Ibidem.

⁸⁾ Ibidem.

⁹⁾ Fragm. in Job. praefac. (M. LXIII, 507).

кротости, умѣренности, общительности, вмѣстѣ съ свѣтлымъ настроеніемъ, при богатствѣ и силѣ, воздержности при удовольствіяхъ, справедливости въ судахъ и договорахъ, во всемъ—согласія и главной изъ добродѣтелей—любви¹⁾. Не было несчастья, случающагося съ людьми, котораго не испыталъ бы этотъ мужъ, твердѣйшій всякаго адаманта. Одновременно онъ перенесъ голодъ, бѣдность, болѣзнь, потерю дѣтей, утрату богатства. Послѣ же того подвергся со стороны жены кознямъ, друзьями оскорбленъ, а слугами оплеванъ. Во всемъ этомъ Іовъ оказался твердѣйшимъ камня. Это—прежде закона и благодати²⁾. Въ виду необычайной борьбы и терпѣнія близко предположеніе, что боговдохновенный писатель изображаетъ идеальный сверхчеловѣческій типъ. Но самыми начальными словами своего повѣствованія (I, 1) онъ даетъ понять, что это былъ, дѣйствительно, человѣкъ по природѣ одинъ изъ многихъ, а по добродѣтели высшій многихъ³⁾.

Каноническое достоинство и боговдохновенность столь назидательной и полезной книги выражаются у Златоуста наименованіями ея „божественнымъ Писаніемъ“ (ἡ θεία Γραφή,⁴⁾ „закономъ божественнаго Духа“⁵⁾ и пр.

Къ третьему классу ветхозавѣтныхъ писаній Златоустъ относитъ книги пророческія. Въ этотъ классъ онъ включаетъ не только книгу шестнадцати пророковъ, но и псалмы Давида, вѣроятно, вслѣдствіе обилія въ нихъ пророческаго элемента⁶⁾. Замѣчательно, что сюда въ обзорѣни отнесена св. отцомъ Церкви и книга Руѣ. Основаніемъ для этого могло быть прообразовательное значеніе Руѣ. Существуетъ и другая гипотеза, что это сдѣлано по ошибкѣ писца⁷⁾.

Составителемъ псалмовъ Златоустъ почитаетъ *одного Давида*. Тѣ, которые утверждаютъ, будто не всѣ псалмы принадлежатъ Давиду, но принадлежатъ и тѣмъ лицамъ, имена которыхъ ясно обозначены, достаточно не вникаютъ въ по-

¹⁾ Fragm. in Iob. (LXIII, 508).

²⁾ Ibidem (M. LXIII, 508. 509).

³⁾ In Iob. cap. 1, 1 (M. LXIII, 510),

⁴⁾ In Iob. I, 1: cap. 1 (LXIII, 511), ср. cap. XXXVIII; 36 (LXIII, 649).

⁵⁾ In Iob. I, 1 (M. LXIII, 519).

⁶⁾ Synopsis Scripturae Sacrae (M. LVI, 316).

⁷⁾ Ibidem.

рядокъ и сущность дѣла. Ни Господь, ни апостолы нигдѣ не упоминають о другомъ какомъ-либо писателѣ псалмовъ, кромѣ Давида ¹⁾. Въ лицѣ Давида Богъ, послѣ Моисея, Иисуса Навина, судей израильскихъ, воздвигъ для евреевъ царя добродѣтельнаго, праведнаго и пророка. Онъ и составилъ, по вдохновенію Духа Святого, книгу изъ ста пятидесяти псалмовъ. Эти псалмы были написаны рѣчью мѣрною, свойственною еврейскому языку. Они были пѣты благозвучно, съ разнообразіемъ въ голосѣ, съ различными музыкальными орудіями, съ ликованіемъ и припѣвами. Самъ пользуясь псалтирюю, Давидъ имѣлъ подъ своимъ управленіемъ разные хоры меньшихъ пророковъ. Послѣдніе употребляли различные музыкальныя орудія: кимвалы, флейты, тимпаны, трубы, псалтири, гусли, такъ называемыя пастушескія свирѣли. Каждый хоръ имѣлъ начальниковъ, изъ которыхъ одинъ назывался Асафомъ, другой—Идиѳумомъ, иные—сынами кореевыми, иной—Ееамомъ израильтяниномъ, иной—именемъ Моисея челоуѣка Божія. Когда самъ Давидъ возбуждался Духомъ провѣщевать или о плѣненіи народа, или о возвращеніи его, или о нравственномъ ученіи, или о Промыслѣ Божіемъ, или о Владыкѣ—Христѣ, то онъ и составлялъ мѣрною рѣчью псаломъ, а потомъ отдавалъ его какому-либо хору. Играя на различныхъ музыкальныхъ орудіяхъ, находившіеся подъ управленіемъ Давида хоры пророковъ и воспѣвали съ ликованіемъ во славу Божію псалмы, внушенные Духомъ Святымъ ²⁾. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія св. Іоанна Златоуста истиннымъ творцомъ вдохновенной лирики псалмовъ былъ царь Давидъ; прочія же лица, имена которыхъ стоятъ въ надписаніяхъ псалмовъ, были только проводниками вдохновенія Давида въ область религіозной музыки.

Утверждая единство происхожденія псалмовъ отъ Давида, а именно, что всѣ они написаны Давидомъ, хотя не всѣ о немъ ³⁾, Златоустъ дѣлаетъ *характеристику* его. Великій, дивный, благородный пророкъ ⁴⁾, Давидъ былъ украшеніемъ челоуѣческихъ нравовъ ⁵⁾. Пѣвецъ и учитель цѣ-

¹⁾ Homil. in psalmos; praef. (LV, 532).

²⁾ In psalm. praef. (M. LV, 532. 533).

³⁾ In psalm. L, 1 (M. LI, 566).

⁴⁾ Homil. in illud: 2 Cor. IV. 13 (M. LI, 297); и. 8.

⁵⁾ De poenitentia (in psalm. L) (M. LXIII, 13).

ломудрія ¹⁾, онъ былъ въ то же время общимъ учителемъ вселенной, предлагалъ всѣмъ сокровище своего любомудрія ²⁾. Живя въ городѣ, управляя царствомъ, обремененный безчисленными заботами, Давидъ объять былъ любовью Христовою сильнѣе жившихъ въ пустыняхъ ³⁾. Благоговѣйная, пламенная любовь къ Богу ⁴⁾, величайшая кротость ⁵⁾, крѣпкое терпѣніе ⁶⁾, великодушіе ⁷⁾, дѣлами Давидъ былъ славнымъ предъ Богомъ и предъ людьми ⁸⁾.

Ученіе о боговдохновенности пр. Давида изложено Златоустомъ въ весьма точныхъ выраженіяхъ. Черезъ Давида пророчествовалъ ⁹⁾, говорилъ Духъ Святыи ¹⁰⁾. Своей духовной лирой Давидъ возвѣщалъ то, что внушалъ Духъ Святыи ¹¹⁾. Сподобившись Св. Духа, пророкъ съ великимъ восторгомъ обозрѣвалъ дѣла творенія и выражалъ къ нимъ удивленіе (ср. Пс. СШ, 24) ¹²⁾.

Отсюда и писательское слово Давида не было произведеніемъ человѣческой только мысли, а главнымъ образомъ божественной благодати. То, что изрекалъ Давидъ, происходило не отъ человѣческаго усилія, но отъ божественнаго вдохновенія, которое возбуждало его. Очищенное отъ грѣховъ, принявъ благодать Духа, сердце пророка „отрыгало слово благое“ (Пс. XLIV, 1) ¹³⁾. То же самое выражаетъ Златоустъ и въ другомъ мѣстѣ. Изрекаемое Давидомъ не было произведеніемъ человѣческаго ума, размышленія или сочиненія, но божественной благодати. Самъ Давидъ служилъ однимъ только языкомъ, какъ грифель въ рукахъ быстрого писца. Грифель же пишетъ то, что велитъ рука, которая его держитъ ¹⁴⁾. Хотя и говорятъ, что тѣ или другія слова при-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ In psalm. IX: 5 (M. LV, 129).

³⁾ Ad Stelechium; II, 3 (M. XLVII, 414).

⁴⁾ In psalm. XLI 6, (M. LV, 164).

⁵⁾ In psalm. XLIV, 6 (M. LV, 191. 192).

⁶⁾ In psalm. VII, 14, (M. LV, 103).

⁷⁾ In psalm, III, (M LV, 39).

⁸⁾ In Matth. II, 3 (M. LVII, 27).

⁹⁾ In psalm. CVIII, 2 (M. LV, 261).

¹⁰⁾ M. LVI, 512.

¹¹⁾ Ibidem: 513.

¹²⁾ M. LI, 494:

¹³⁾ In psalm. XLIV, 1 (M. LV, 183).

¹⁴⁾ In psalm. XLIV, 2 (M. LV, 184).

надлежать Давиду, но лучше было бы сказать: принадлежать не Давиду, а благодати Духа. Произносили ихъ пророкъ, но языкомъ его двигалъ Утѣшитель. Какъ трость пишетъ не сама собою, но по распоряженію движущей ее руки, такъ точно и языкъ пророковъ говорилъ не самъ собою, а по благодати Божіей ¹⁾. Такъ какъ произносимыя пророками слова были изреченіями божественными, письменами, нисшедшими съ неба, то не трости нужно приписывать письмена, но держащей ее рукѣ, т. е. не языку Давида, но движущей его благодати ²⁾.

Какъ произведенія вдохновеннаго пророка ³⁾, Златоустъ называетъ псалмы Давида божественными внушеніями ⁴⁾, увѣщаніями божественнаго Духа (τοῦ ἁγίου Πνεύματος παραίνεσις) ⁵⁾, написанными по вдохновенію Духа Святаго, внушенными отъ Духа Святаго ⁶⁾ и пр. Самая продолжительность псалмовъ или ихъ краткость, размѣръ ихъ, сообщающій разнообразіе самой книгѣ, суть дѣло мудрости Духа ⁷⁾. Мысли и чувстваванія, выраженные во псалмахъ, какъ-то: сильнѣйшая любовь, чрезвычайная радость, являются выраженіями вдохновенной души, вполне объятаго Духомъ Божіимъ ⁸⁾.

Самая форма псалмовъ, по своему происхожденію, связывается св. отцомъ Церкви съ особыми намѣреніями божественнаго Провидѣнія. Многіе изъ людей нерадивы, тяготятся чтеніемъ божественныхъ писаній, неохотно принимаютъ на себя такой трудъ. Желая сдѣлать этотъ трудъ привлекательнымъ, уничтожить чувство утомленія, Богъ и соединилъ съ пророчествами мелодію, чтобы всѣ, услаждаясь стройностью напѣва, съ великимъ усердіемъ возносили Ему священныя пѣснопѣнія. Ничто, дѣйствительно, такъ не возвышаетъ, не окрыляетъ душу, не отрѣшаетъ ее отъ земли, не избавляетъ отъ узъ тѣла, не располагаетъ любомудрствовать и презирать все житейское, какъ согласное пѣніе и

¹⁾ Homil. in illud. psalm. CXLV, I; п. 2 (LV, 520)

²⁾ In Isa.; cap. I, 1 (M. LV, 13).

³⁾ In psalm. CXXXVIII, 4 (M. LV, 416).

⁴⁾ In dictum illud prophetae David: psal. XLVIII, 17 (M. LV, 499).

⁵⁾ In psalm. XLVI, 1 (M. LV, 208).

⁶⁾ Praef. in psalm. (M. LV, 532, 534).

⁷⁾ In psalm. IX, 1 (M. LV, 121).

⁸⁾ In psalm. CIX, 8 (M. LV, 277).

стройно составленная божественная пѣснь. Самая человѣческая природа услаждается пѣснями и стройными напѣвами, имѣеть къ нимъ склонность. Поэтому, грудныя дѣти, когда плачутъ и бываютъ беспокойны, усыпляются ими. Нося дѣтей на рукахъ, ходя взадъ и впередъ, кормилицы напѣваютъ имъ какія-либо дѣтскія пѣсни и чрезъ это погружаютъ глаза ихъ въ сонъ. Часто и путешественники съ пѣніемъ совершаютъ свой путь и этими пѣснями облегчаютъ тягость своего путешествія. Также и земледѣльцы, когда выжимаютъ виноградный сокъ, собираютъ или очищаютъ виноградъ, часто поютъ. Работая веслами, мореплаватели дѣлаютъ то же. Женщины, когда прядутъ и расправляютъ гребнемъ спутавшуюся пряжу, поютъ какую-либо пѣсню, иногда каждая порознь, а иногда всѣ вмѣстѣ. Всѣ же дѣлаютъ это для того, чтобы пѣніемъ облегчить трудность работы, такъ какъ душа легче можетъ переносить скуку и трудъ, при звукахъ стройной пѣсни. Вслѣдствіе того, что душа человѣческая имѣеть склонность къ этому роду наслажденія, то, дабы злые духи введеніемъ развратныхъ пѣсней не испортили всего, Богъ для огражденія отъ нихъ установилъ псалмы, отъ которыхъ бываетъ вмѣстѣ удовольствіе и польза. Отъ пѣсней мірскихъ можетъ произойти вредъ, гибель и много другихъ золъ. Все, что есть въ нихъ дурного и безнравственнаго, расслабляетъ и развращаетъ душу, когда проникаетъ въ нее. Напротивъ, духовныя пѣсни доставляютъ великую пользу, великое назиданіе, великое освященіе и служатъ руководствомъ ко всякому добродію. Слова ихъ очищаютъ душу, и Духъ Святой скоро нисходитъ въ душу, поющую эти пѣсни. Гдѣ пѣсни духовныя, туда нисходитъ благодать Духа, освящающая уста и душу ¹⁾.

Велико, поэтому, значеніе *Давида, какъ псалмопѣвца*. Давидъ, безъ сравненія, болѣе знаменитъ и извѣстенъ какъ пророкъ, чѣмъ какъ царь. Царство его простиралось на Палестину, а пророчество до предѣловъ вселенной. Царство Давида разрушилось въ короткое время, а пророчество приноситъ вѣчные глаголы. Лучше пусть солнце померкнетъ, чѣмъ слова Давида предадутся забвенію ²⁾.

¹⁾ In psalm. XLI, 1. 2 (M. LV, 156, 157).

²⁾ De poenitentia; II, 2 (XLIX, 286).

Собственно пророкамъ Златоустъ усвояетъ высшую степень боговдохновенности. Самое пророчество онъ понимаетъ какъ равнозначущее съ божественнымъ вдохновеніемъ. Пророчествомъ называется провозглашеніе сокровенныхъ истинъ въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ. Въ этомъ смыслѣ Златоустъ называетъ пророкомъ какъ Моисея, который достоверно описалъ, подъ руководствомъ вышней Десницы, порядокъ творенія и происхожденіе каждой вещи, такъ и ап. Петра, который чрезъ сверхъестественное просвѣщеніе раскрылъ корыстолюбіе и алчность Ананіи и Сапфиры ¹⁾.

Кромѣ широкаго понятія о пророческомъ вдохновеніи, Златоустъ опредѣляетъ и частныя, отличительныя его черты. Пророкъ (προφήτης) не есть прорицатель (μάντις). Слова, напр., Валаама зависѣли отъ Силы, дѣйствовавшей въ немъ ²⁾. Однако, онъ былъ только прорицателемъ (μάντις), волхвомъ (Ис. Нав. XIII, 22 по LXX-ти), хотя съ нимъ былъ Духъ Святыи ³⁾. Также языческіе прорицатели и гадатели говорили много, но нисколько не понимали того, что говорили ⁴⁾. Вдохновеніе у языческихъ прорицателей является вліяніемъ непреодолимымъ, почти враждебнымъ. Оно помрачаетъ мыслительную способность человѣка, дѣлаетъ его страдательною жертвою ⁵⁾. Напротивъ, Духъ Святыи вдохновляетъ пророка (προφήτην), такъ что разумѣніе и сознаніе у него сохраняются ⁶⁾.

Пророческое вдохновеніе—отлично и отъ обыкновеннаго предугадыванія (στοχασμός). На основаніи прежде бывшаго и усиліями собственнаго благоразумія предугадыватель предвидитъ многое изъ будущаго, какъ свойственно предвидѣть благоразумному человѣку. Пророкъ же говоритъ Духомъ Божиимъ, не привнося ничего отъ себя самого. Соломонъ и Елисей оба возвѣщали неизвѣстное, открывали сокровенное, но оба—не одною и тою же Силою. О женахъ прелюбодѣй-

¹⁾ In Genes. II, 2 (LIII, 27); cap. I; hom. III, 34; cap. I (M. LIII, 33); hom. IV, 2; cap. I (M. LIII, 41); hom. III, 34; cap. I (M. LIII, 34); срав. in Act. apost. XII, 1 (M. LX, 99 и др.).

²⁾ Ad Stagir. III, 4 (M. XLVII, 478).

³⁾ Synops. Scripturae Sacrae (M. LVI, 333).

⁴⁾ Златоустъ цитуетъ, несомнѣнно, Apol. Socr. 22; Tim. 71. 72.

Платона.

⁵⁾ In psalm. XLIV, 1 (M. LV, 184).

⁶⁾ Ibidem: (M. LV, 184).

ныхъ Соломонъ говорилъ по человѣческому благоразумію и на основаніи собственнаго опыта (ср. Притч. V). Но Елисей открылъ проступокъ Гіезія не по какому-либо соображенію, а по благодати божественной (ср. 4 Цар. V) ¹⁾.

Пророческое вдохновеніе *отлично также и отъ вдохновенія евангелиста*. Конечно, нѣкоторые изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, особенно Исаія, описали будущую жизнь Господа на землѣ, страданія, смерть и воскресеніе Его съ необыкновенною ясностью и точностью. При всемъ томъ между писателями-пророками и писателями-евангелистами—разница большая. Евангелистамъ—свойственно говорить обо всемъ по порядку. Пророкамъ же свойственно брать только нѣкоторыя черты, упоминать о немногихъ обстоятельствахъ событія и притомъ прикровенно ²⁾.

Какъ органъ божественнаго вдохновенія, пророкъ есть истолкователь Божіей воли ³⁾. Самое тѣсное единеніе существуетъ между Духомъ Божіимъ и духомъ пророка. Уста, чрезъ которыя вѣщаетъ Богъ, суть уста Божіи. Какъ наши уста служатъ какъ бы устами нашей души, такъ и уста пророковъ служатъ устами Бога ⁴⁾. Въ другомъ мѣстѣ Златоустъ пользуется еще болѣе удачнымъ образомъ. Чистая вода, принявъ въ себя солнечные лучи, просвѣщается солнечнымъ свѣтомъ. Такъ точно и души пророковъ, напередъ очыстившись собственной добродѣтелью, принимаютъ даръ Духа. Проникнувшись этимъ свѣтомъ, онѣ и получаютъ вѣдѣніе будущаго ⁵⁾.

Пророки созерцаютъ всѣ времена: *прошедшія, настоящія и будущія* ⁶⁾. Въ отношеніи къ *настоящему* пророки изрекали пророчества, говорили угрозы, давали обѣщанія благъ и пр. Чрезъ это они хотѣли сдѣлать людей лучшими, болѣе благоразумными, болѣе усердными къ исполненію добродѣтели. Пророки утверждали въ людяхъ вѣру въ то, что все происходитъ по мановенію свыше, по опредѣленію Божію ⁷⁾.

¹⁾ In Isa. III, 2 (M. LVI, 42).

²⁾ In psalm. XLIV, 3 (M. LV, 187).

³⁾ In 1 Cor. XIV, 20; hom. XXXVI, 4 (LXI, 311).

⁴⁾ In Act. apostol. XIX, 5 (M. LX, 156).

⁵⁾ In Isa. I, 1 (M. LVI, 14, 15).

⁶⁾ In psalm. XLIII, 1 (M. LV, 167).

⁷⁾ In Isa. VII, 1 (M. LVI, 77).

Въ пророческихъ рѣчахъ и книгахъ, впрочемъ, обычно указывались *будущія событія*. Описанныя у пророковъ событія обычно исполнялись не тотчасъ по ихъ предсказаніи, а спустя долгое время. Поэтому, боговдохновенные созерцатели соединяли въ своихъ книгахъ одно предсказаніе съ другими, ближайшее событіе съ отдаленнѣйшими. То, что происходило во время поколѣній, современныхъ пророкамъ, они представляли какъ доказательство того, что должно было совершиться, спустя долгое время ¹⁾. Здѣсь точки соприкосновенія пророковъ съ евангелистами. Евангелисты соединяли съ пророчествами Христа рассказы о Его чудесахъ, въ подтвержденіе первыхъ (ср. Матѳ. VIII, 11, 12, 13). Такъ точно и пророки соединяютъ знаменія съ пророчествами, какъ величайшій залогъ истинности ихъ (Иса. VII, 5—9; 10—14) ²⁾. Главный предметъ боговдохновенныхъ созерцаній пророковъ, конечно, было *будущее царство Мессіи*. Здѣсь пророки поражаютъ читателей необычайною точностью и опредѣленностью своихъ описаній ³⁾. Самъ Господь призывалъ іудеевъ къ точному и обдуманному испытанію писаній (ср. Іоан. V, 39, 40) ⁴⁾. Дѣйствительно, въ пророческихъ писаніяхъ начертанъ подлинный, дивный образъ Сына Божія, воплотившагося, страждущаго, испускающаго духъ, воскресающаго и царствующаго ⁵⁾. По этой причинѣ, отверженіе пророчествъ о Христѣ іудеями ведетъ къ извращенію большей части ветхозавѣтныхъ писаній ⁶⁾.

Третьимъ предметомъ боговдохновенныхъ созерцаній пророковъ служитъ также событіе отдаленнаго будущаго. Это событіе представляется ими въ неясныхъ, неопредѣленныхъ очертаніяхъ. Это бремя, бѣдствіе, причиняющее имъ невыразимыя скорби, есть *великое отверженіе іудейскаго народа*. Присутствіе такого элемента въ пророчествахъ налагаетъ на нихъ особый отпечатокъ. Пророческія книги—гораздо темнѣе писаній Новаго Завѣта. Причина именно—въ

¹⁾ In Isa. VII, 1 (M. LVI, 77).

²⁾ Ibidem: VII, 2, 3, 4 (M. LVI, 78, 81).

³⁾ In epist. ad Rom. I, 2 (M. LX, 396, 397 и др.).

⁴⁾ In Ioann. XLI, 1 (M. LIX, 234, 235).

⁵⁾ Advers. iud. V (M. XLVIII, 883—903).

⁶⁾ In psalm. CIX, 2 (M. LV, 267).

томъ, что на пророковъ было возложено великое бремя предсказанія бѣдствій, угрожающихъ іудейскому народу. Исторія пророка Іереміи показываетъ, что іудеи умертвили бы пророковъ, истребили бы и самыя писанія ихъ, если бы поняли ясно, о какихъ именно бѣдствіяхъ они предсказываютъ. Даже самый законъ іудеи, можетъ быть, перестали бы исполнять, если бы точно и опредѣленно, безъ покрывала неясности, узнали, что онъ будетъ отмѣненъ. Поэтому, Господь и сдѣлалъ неясными тѣ части писаній св. пророковъ, гдѣ предсказываются событія, которыя до времени не должны были быть поняты іудеями. По этой же причинѣ наложено было покрывало и на самый законъ ¹⁾.

Соотвѣтственно вышеизложеннымъ возвышеннымъ представленіямъ о пророчествѣ по его существу и задачамъ, Златоустъ излагаетъ и *ученіе о боговдохновенности пророческихъ писаній*. Пророчество есть дѣло Божіе по преимуществу. Съ точностью предсказывать будущее свойственно только одному вѣчному Существо ²⁾. Что ни говорили пророки, они говорили, по внушенію Духа ³⁾, говорили, будучи объемлемы Духомъ ⁴⁾. Они сами прежде всего спѣшили объявить всѣмъ, что сердца ихъ вдохновлены благодатію Св. Духа ⁵⁾. Относительно пророковъ всѣми было признано, что они имѣли дарованіе Святаго Духа ⁶⁾. Противъ невѣрія въ боговдохновенность пророческихъ писаній Златоустъ справедливо указываетъ на очевидные ея признаки: „Если ты не вѣришь пророкамъ, то мы можемъ представить ясные и очевидные признаки, которые совершенно доказываютъ, что пророки были боговдохновенны, что ничего они не говорили отъ самихъ себя, но по вдохновенію отъ божественной и пренебесной благодати. Въ самомъ дѣлѣ все, сказанное ими, исполняется и оправдывается событіями, посмотришь ли на ветхозавѣтныя или новозавѣтныя предсказанія. Такъ исполнилось все, сказанное пророками объ іудеяхъ. Это исполненіе—очевидно для всѣхъ. Равнымъ обра-

¹⁾ De proph. obscurit. I, 4, 5, 6 (M. LVI, 169—175).

²⁾ In Ioann. XIX, 2 (M. LIX, 122).

³⁾ In Matth. XLI, 3 (M. LVIII, 449).

⁴⁾ In Isa. I, 1 (M. LVI, 14).

⁵⁾ Ibid XVI, 11 (LVI, 181).

⁶⁾ In Ioann. LI, 2 (LIX, 284).

вомъ исполнилось и сказанное о Христѣ въ Новомъ За-
вѣтѣ. Это и доказываетъ, что Писаніе того и другого За-
вѣта—божественно ¹⁾.

Касательно образа боговдохновенности пророковъ Зла-
тоустъ учитъ, что не всѣ пророчества они изрекали вдругъ.
Получая вдохновеніе въ различныя времена, они возвѣщали
пророчества свои по частямъ. Впослѣдствіи же, будучи со-
браны вмѣстѣ, пророчества ихъ составили цѣлую книгу ²⁾.
Обычно свои предсказанія пророки называли видѣніями.
Этимъ пророки какъ бы хотѣли показать, что воспринимае-
мое отъ Бога было для нихъ не менѣе достовѣрно, чѣмъ
то, что они видѣли зрѣніемъ въ дѣлахъ житейскихъ ³⁾. Если
Богъ есть свѣтъ, то и пророки видѣли будущее, какъ оза-
ряемые ⁴⁾. Поэтому у пророковъ было въ обычаѣ говорить о
событіяхъ будущихъ, какъ бы уже о совершившихся. Въ
качествѣ примѣровъ Златоустъ указываетъ на Исаію и Да-
вида. Говоря объ умерщвленіи Христа, Исаія не сказалъ,
что Онъ какъ овча на заколеніе веденъ будетъ, въ будущемъ
времени—, „но какъ овча веденъ былъ Онъ на закланіе“ (Иса.
LIII, 7). Въ то время Сынъ Божій еще не воплотился, а про-
рокъ говоритъ о будущемъ событіи, какъ уже сбывшемся.
Также и Давидъ, предзнаменуя крестъ, не сказалъ: про-
язуютъ руки Мои и ноги Мои, но: „пронзили руки Мои и
ноги Мои“ (пс. XXI, 17). Говоря о предателѣ, который еще
не родился, Давидъ выражается такъ: „человѣкъ, который
ѣлъ хлѣбъ мой, поднялъ на меня пяту“ (пс. LX, 10). Подоби-
нымъ образомъ пророкъ говоритъ и о томъ, что произошло
на крестѣ: „дали мнѣ въ пищу жезлъ и въ жаждѣ моей
напоили меня уксусомъ“ (пс. LXVIII, 22 ⁵⁾). Иногда же свои
пророчества пророки называютъ „бременемъ“ (λῆμμα) (ср.
Наум. I, 1). Такъ какъ пророки говорили, будучи объемлемы
Духомъ (λαμβανόμενοι), то, поэтому, они и обозначали получе-
ніе Духа „бременемъ“ ⁶⁾.

¹⁾ In psalm. 4; n. 11 (M. LV, 57).

²⁾ In Isa. II, 1. M. LVI, 27).

³⁾ In Isa. I, 1 (M. LVI, 13).

⁴⁾ In Proverb. c. XVI, 23 (M. LXIII, 703).

⁵⁾ In Ioann. XIII, 3 (LIX, 89. 90).

⁶⁾ In Isa. I, 1 (M. LVI, 14).

Опредѣляя *божественный моментъ* въ понятіи о пророческомъ вдохновеніи, Златоустъ сравниваетъ пророческій даръ съ даромъ учительскимъ. Пророчествующій говоритъ все отъ Духа; учащій—иногда отъ собственнаго разума (*ἅπασα καὶ ἐξ οἰκείας διανοίας*). Кто говоритъ все отъ Духа, дѣло того всецѣло есть даръ. Учащій же говоритъ многое и отъ себя, хотя, конечно, согласно съ божественными писаніями. Слѣдовательно, дѣло учащаго требуетъ труда человѣческаго ¹⁾.

На боговдохновенности основываются и *высшія свойства пророческихъ писаній*. Слово пророковъ не можетъ погрѣшить ²⁾. Какъ призывающему имя Божіе, пророку не возможно лгать ³⁾. Такъ какъ блаженные пророки говорили по внушенію божественнаго Духа (*Πνεύματι θεῷ ἐνηχοῦμενοι*), то и книги ихъ, какъ написанныя Духомъ, содержатъ въ себѣ неисчерпаемое богатство мыслей ⁴⁾. Благодаря пророческимъ писаніямъ, до предѣловъ вселенной пронесены были вѣчные глаголы. Лучше пусть померкнетъ солнце, чѣмъ предадутся забвенію слова боговдохновенныхъ пророковъ ⁵⁾.

Не встѣ книги Ветхаго Завѣта изъ класса пророческихъ, по мнѣнію Златоуста, *дошли до насъ*. Ссылаясь на исторію Паралипоменонъ, онъ утверждаетъ, что много пророческихъ книгъ пропало. Будучи нерадивы, часто впадая въ нечестіе, іудеи допустили однѣмъ книгамъ затеряться, другія сожгли и изорвали сами. Объ одномъ говоритъ Іеремія. О другомъ сообщаетъ писатель четвертой книги Царствъ, рассказывая, какъ послѣ долгаго времени едва нашли закопанное гдѣ-то и затерянное Второзаконіе. Если іудеи такъ нерадѣли о священныхъ книгахъ, когда не было еще враговъ, то тѣмъ болѣе—при нашествіи непріятелей (XXIII, 24) ⁶⁾. Ап. Петръ, далѣе, свидѣтельствуется, что всѣ пророки отъ Самуила и послѣ него предвозвѣщали о дняхъ искупленія (Дѣян. III, 24). Можно думать, что книги, гдѣ эти предсказанія были записаны, впоследствии были утеряны ⁷⁾. Во время же про-

¹⁾ In I. epist. ad Corinth. XXXII, 2 (M. LXI, 265).

²⁾ In Ier. XLIII, 18 (LXIII, 923).

³⁾ Ibid. XV, 15, ILXIII, 909).

⁴⁾ In Gen. XXI, 1 (M. LIII, 175); cap. V° и VI.

⁵⁾ De poenit. II, 2; M. XLIX, 286.

⁶⁾ In Matth. IX, 4 (LVII, 180. 181).

⁷⁾ In I epist. ad Corinth. VII, 3 (LXI, 58).

должительнаго плѣна, по нерадѣнію народа, также были потеряны св. книги ¹⁾. Число каноническихъ книгъ пророковъ Златоустъ опредѣляетъ въ шестнадцать ²⁾.

Пророкъ Исаія характеризуется св. отцомъ Церкви, какъ громогласнѣйшій проповѣдникъ Откровенія, созерцатель чудныхъ видѣній ³⁾, краснорѣчивый пророкъ ⁴⁾, великій и возвышенный писатель ⁵⁾. Превосходство пророка Исаиі ясно можно видѣть изъ самой его книги. Но совершеннѣе показываетъ это апостоль Павелъ. Онъ лучше всѣхъ могъ знать всѣ добродѣтели пророка, какъ говорившій Св. Духомъ. Апостоль отмѣчаетъ смѣлую рѣчь пророка, нераболѣпный образъ мыслей, высокій умъ и большую ясность его пророчества о Христѣ (ср. Рим. X, 20). Велика была и сострадательность Исаиі. Пророкъ не только возсталъ противъ народнаго безумія и съ большою смѣлостью, свободою рѣчью и высокими мыслями возвѣщалъ евреямъ объ угрожавшихъ имъ скорбныхъ обстоятельствахъ, но и самъ скорбѣлъ и сокрушался среди этихъ обстоятельствъ не менѣе подвергшихся имъ, самъ горче плакалъ, чѣмъ угнетенные ими ⁶⁾.

Самъ Богъ говорилъ чрезъ Исаію ⁷⁾, такъ что слова его пророчества принадлежали Богу всяческихъ ⁸⁾. Поэтому, называя Исаію, мы приводимъ изреченія Духа, такъ какъ пророкъ все вѣщаетъ по внушенію Духа ⁹⁾. Уста были Исаиі, но пророчества его были даны свыше ¹⁰⁾. Не отъ себя говорилъ пророкъ ¹¹⁾, но Духъ Святой его устами ¹²⁾ сообщалъ свои непреложныя рѣшенія ¹³⁾.

1) Synops. Script. Sacrae (M. LVI, 358).

2) Ibidem: (M. LVI, 316).

3) In Illud dictum: Actapost. XI. I, 1 (M. LI, 114).

4) In I ep. ad Corinth. XL, 3 (LXI, 351).

5) In Isa. I, 1 (M. LVI, 23).

6) In Isa. praef. (M. LVI, 11).

7) In psalm. CXLII. 5 (M. LV, 454).

8) In Matth. V, 2 (M. LVII, 56).

9) Contr. anom. III, 3 (M. XLVIII, 722).

10) In Matth. V, 2 (M. LVII, 56).

11) In Isa. L, 2—5 (M. LVI, 355).

12) Ibidem: LIII, 6—8 (M. LVI, 396).

13) In Isa. VII, 5 (LVI, 84).

Пророкъ Іеремія называется Златоустомъ великимъ и славнымъ мужемъ ¹⁾. Пророчества его были видѣніями, такъ какъ самымъ яснымъ образомъ описывали будущее, какъ будто оно представлялось глазамъ ²⁾. Вдохновенный Богомъ, пророкъ очами пророческими какъ бы въ дѣйствительности видитъ войны, ряды войскъ, сраженія, звукъ трубъ, топотъ коней, насажденіе враговъ, всѣ бѣдствія іудеевъ (ср. IV, 19 и др.) ³⁾. Какъ огонь было слово Господне въ устахъ его, пылая въ костяхъ его (V, 14) ⁴⁾. Пророкъ предсказывалъ именно устами Божиими ⁵⁾. А потому и изреченія его не были человѣческими, а Божьими ⁶⁾. Книга Плача Іереміи приводится Златоустомъ, какъ извѣщеніе Самого Бога ⁷⁾.

Пророкъ Іезекіиль, подобно Исаи, былъ созерцателемъ дивныхъ видѣній ⁸⁾. Устами его Самъ Богъ говорилъ къ евреямъ, укорялъ ихъ за непослушаніе ⁹⁾.

Пр. Даниила Златоустъ называетъ человѣколюбивымъ и кроткимъ пророкомъ ¹⁰⁾. Это былъ мудрецъ, но его мудрость не была искусствомъ халдеевъ. Не отъ науки или отъ природы Данииль получилъ мудрость ¹¹⁾. Не собственною силою онъ изрекалъ пророчества и откровенія, но какъ боговдохновенный и движимый силою божественною ¹²⁾.

Весьма нерѣдки—въ твореніяхъ Златоуста—свидѣтельства, удостовѣряющія боговдохновенность книгъ малыхъ пророковъ. Такъ книга пророка *Осѣи* приводится, какъ свидѣтельство Самого Бога—Отца чрезъ одного пророка ¹³⁾. Богъ говорилъ и устами пророка *Іоуля* ¹⁴⁾. Дивный пророкъ *Амосъ* ¹⁵⁾

¹⁾ Epist. ad Olimpiad. IV, 2 (LI, 591).

²⁾ In Ierem. I, 1 (M. LXIII, 745).

³⁾ Ibid.: IV, 19 (M. LXIII, 804).

⁴⁾ In Isa. XVI, 1 (M. LVI, 182).

⁵⁾ In Ier. XLIII, 6 (M. LXIII, 1012).

⁶⁾ Ibidem: II, 19 (M. LVIII, 767).

⁷⁾ In dictum apost.: Rom. V, 3; n. 2 (LI, 159).

⁸⁾ Advers. oppugnatores eorum, qui ad monasticam vitam inductum; I, 1 (M. XLVII, 320).

⁹⁾ In psal. XLIII, 4 (M. LV, 172).

¹⁰⁾ In Dan. cap. II (LVI, 203).

¹¹⁾ Ibidem: II (M. LVI, 202).

¹²⁾ Ibidem: IV (M. LVI, 214. 215).

¹³⁾ In Ioann. XV, 1 (LIX, 98).

¹⁴⁾ M. LI, 785.

¹⁵⁾ Epist. ad Olimpiad. III, 2 (M. LI, 574).

намѣренно называетъ себя пастухомъ и собирателемъ сикоморъ (VII, 14), чтобы кто-нибудь не приписалъ сказаннаго имъ человѣческой мудрости ¹⁾. Пророкъ *Михей* получилъ не только Духа премудрости, но и силы (ср. III, 8) ²⁾. Извлеченія изъ книги этого пророка приводятся у Златоуста съ предвареніями: „Отець говорить ³⁾, Богъ сказалъ“ ⁴⁾ и пр. Пророкъ *Наумъ* въ самомъ началѣ книги своей говоритъ о полученіи Духа и дѣйствии Его благодати ⁵⁾. *Аггей* свое пророчество изрекалъ отъ лица Божія ⁶⁾. Устами пророка *Захаріи* говорилъ Богъ ⁷⁾. Одно изреченіе изъ книги пророка *Малахіи* предваряется у Златоуста такъ: „предсказываетъ Малахія или лучше Богъ чрезъ него“ ⁸⁾.

Съ глубокимъ уваженіемъ относится Златоустъ и къ нѣкоторымъ изъ *неканоническихъ книгъ* Ветхаго Завѣта. *Премудрость Сирахову* онъ даже причисляетъ къ классу правоучительныхъ книгъ на одной линіи съ тремя каноническими книгами Соломона ⁹⁾. Съ этимъ вполне согласуется то обстоятельство, что книга Сираха очень часто называется божественнымъ Писаніемъ ¹⁰⁾, святымъ Писаніемъ ¹¹⁾, а составитель ея—пророкомъ ¹²⁾. Изъ этого справедливо можно заключить, что во время Златоуста въ антїохійской школѣ авторитетъ Премудрости Сираховой былъ очень близокъ къ каноническому. Въ то же время среди антїохійскихъ экзегетовъ были колебанія на счетъ автора этой книги. Отголоскомъ такихъ колебаній является то, что Златоустъ иногда усвояетъ книгу Соломону ¹³⁾, но чаще называетъ составителя

1) In Isa. I, 1 (LVI, 13).

2) In Isa. I, 1 (M. LVI, 14); ср. in 2 ep. ad Corinth. CXIV, 4 (M. LVI, 562).

3) M. LI, 351.

4) In psalm. CIII, 3 (M. LV, 283).

5) In Isa. I, 1 (M. LVI, 14).

6) In illud dictum: Ier. X, 23 (M. LVI, 158).

7) In 2 epist. ad. Corinth. XXIII, 5 (M. LXI, 562).

8) De obscurit. prophet. 5. (LVI, 183).

9) Synops. Scriptur. Sacr. (LVI, 316).

10) In psal. III, 1 (M. LV, 37).

11) LXIII, 537.

12) In Act. apostol. XXVI, 4. (M: LX, 203) и др.

13) In illud: 2 Paral. XXVI, 16; h. III, 1 (M. LVI, 113); ср. de statuis: XV, 2 (XLIX, 156).

неопредѣленнымъ именемъ: „нѣкто“¹⁾, „нѣкотораго мудраго мужа“²⁾, одного премудраго³⁾ и пр.

Мнѣніе о *другой Премудрости*, какъ подлинномъ произведеніи Соломона, представляется у Златоуста только какъ гипотеза⁴⁾. Тѣмъ не менѣе Златоустъ пользуется книгою съ авторитетными предвареніями: „говорить божественное Писаніе“⁵⁾, „божественное слово“⁶⁾.

Книга Товитъ въ отдѣльныхъ нравоучительныхъ извлеченіяхъ представляется откровеніемъ Бога (IV, 15)⁷⁾ и приводится въ параллель евангелію (ср. Мате. VII, 12)⁸⁾. Все это доказываетъ, какъ высоко ставила антиохійская школа авторитетъ неканоническихъ книгъ, вошедшихъ въ составъ ветхозавѣтной Библии.

Въ виду потери и порчи по вышеуказаннымъ причинамъ библейскаго подлинника *возстановителемъ его Златоустъ представляетъ Ездру*. Это былъ любознательный и свѣдущій чтець. Онъ сохранилъ всѣ книги, потомъ принесъ ихъ съ собою и снова издалъ⁹⁾. Подобно бл. Теодориту, который называетъ Ездру не простымъ переписчикомъ (*ἀντίγραφος*), но *вдохновеннымъ отъ божественнаго Духа*¹⁰⁾ и Златоустъ говоритъ: „Духъ Святой вдохновилъ чуднаго мужа Ездру, чтобы онъ изложилъ книги, составивъ изъ отрывковъ“¹¹⁾.

Исторія происхожденія *перевода LXX* излагается у Златоуста въ нѣсколько *смягченной редакціи*, съ умолчаніемъ о чудесномъ элементѣ сказанія. Его редакція въ этомъ отношеніи нѣсколько отличается отъ той, какую приняли болѣе древніе отцы и учителя Церкви, какъ Іустинъ Философъ, Иринеи ліонскій и др., и позднѣйшіе, какъ Епифаній изъ восточныхъ и бл. Августинъ изъ западныхъ. Переводъ боговдохновенныхъ книгъ на греческій языкъ былъ проявле-

1) In 2 ep. ad. Corinth. XXIII, 5 (LXI, 560).

2) In epist. ad Ephes. XX, 1 (M. LXII, 135).

3) In psalm. CXL, 7 (M. LV, 438).

4) Справ. Synops. Script. Sacrae. (M. LVI, 368. 370).

5) M. LVI, 288.

6) In illud.: Matth. XXI, 23 (M. LVI, 428).

7) In psalm. V, 1 (M. LV, 62).

8) De statuis: III, 3 (XLIX, 140).

9) Synops. Script. Sacr. (M. LVI, 358).

10) Ср. praefac. in Cant.

11) In ep. ad. Hebr. VIII, 4 (LXIII, 74).

ніемъ провиденціального попеченія, бодствовавшаго надъ Библіей. Этотъ переводъ предуготовила благодать Божія ¹⁾. Птолемей—Филадельфъ, любитель книгъ, когда узналъ, что Писанія іудеевъ преподають ученіе о Богѣ и наилучшемъ устройствѣ жизни, счелъ нужнымъ приобрѣсти эти книги и перевести на греческій языкъ. Это дѣло было исполнено чрезъ іудеевъ, приглашенныхъ для сей цѣли изъ Іерусалима. Домостроительство Божіе обнаруживается въ томъ, что книгами этими послѣ сего получили возможность пользоваться всѣ обитатели вселенной. Кромѣ сего, примѣчательно, что не кто-либо изъ послѣдователей іудейской религіи, но чело-вѣкъ, враждебный истинному богочтенію, показалъ такое усердіе ²⁾.

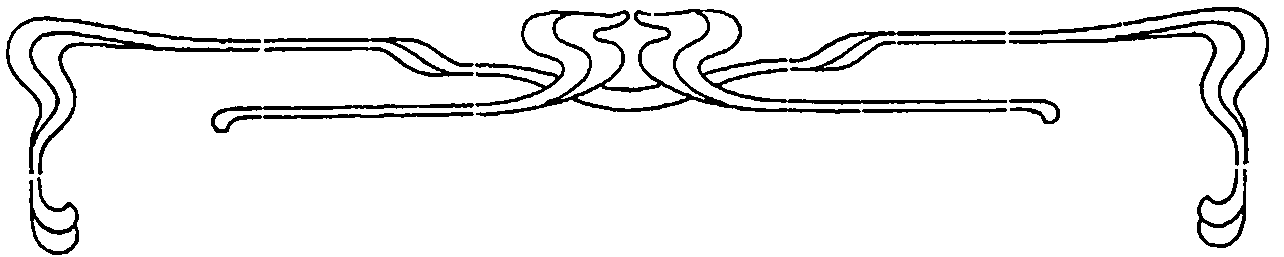
Д. Леонардовъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ De obscurit. proph. II, 3 (M. LVI, 179).

²⁾ In Gen. IV, 4, (LIII, 42. 43); adv. iud. I, 5 (XLVIII, 851).

ПОЗНАНІЕ И ЕГО ОБЪЕКТЪ.

(Оправданіе здраваго смысла).

(Продолженіе) *).

§ 7. Заблужденіе Зигварта относительно объема понятій.

Что Зигвартъ ошибается относительно объема понятій вообще и единичныхъ въ особенности, въ томъ не трудно убѣдиться. Даже его единственнымъ примѣромъ съ чугунными шарами опровергается его новшество.

1) Самъ авторъ приводитъ свой примѣръ съ ограниченіемъ „если предположить, что весь чугунъ одинаковъ“. На самомъ дѣлѣ, этого не бываетъ въ дѣйствительности. Слѣдовательно онъ самъ чувствовалъ возможность возраженія на его единственный примѣръ; но даже помимо сдѣланнаго ограниченія „если предположить...“, его примѣромъ опровергается его же утвержденіе. Зигвартъ полагаетъ, будто его индивидуальное понятіе не поддается дальнѣйшей специализаціи (Determination). На самомъ дѣлѣ это не такъ: таковая возможна; но она не всегда имѣетъ практическое значеніе. Если бы Зигвартъ былъ въ Одессѣ, то онъ увидѣлъ бы въ пьедесталѣ памятника Дюка-Ришилье придѣланный! чугунный шаръ, (приблизительно той же величины, что и въ его примѣрѣ), а именно, тотъ самый, который при бомбардировкѣ Одессы попалъ въ этотъ пьедесталъ. Слѣдовательно этотъ шаръ удостоился одессистами быть особо выдѣленнымъ изъ милліона возможныхъ такихъ же, чтобы быть сохранен-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 5 за 1912 годъ.

нымъ потомству. Объ этомъ шарѣ имѣютъ особое понятіе и одесситы, и каждый, кто его видѣлъ. Какъ же назвала бы Зигвартъ это понятіе по сравненію со своимъ „индивидуальнымъ понятіемъ“, которое можетъ обнимать миллионы дѣйствительныхъ чугуновыхъ шаровъ? По всему вѣроятію, понятіе объ одесскомъ ядрѣ было бы „индивидуальнѣйшимъ“ изъ индивидуальныхъ понятій. Несообразность довольно явная!

Правда, одесскій шаръ „детерминированъ“ не по качеству чугуна, а по времени, мѣсту и принадлежности его бывшему нашему неприятелю. Правда, Зигвартъ не признаетъ детерминаціи по времени и пространству; но собственности и принадлежности вещи лицу онъ не отвергаетъ. Слѣдовательно сдѣланная одесситами детерминація историческаго ядра (чугуннаго шара) и по Зигварту остается въ силѣ.

2) Впрочемъ, Зигвартъ не обязанъ быть въ Одессѣ; но онъ могъ вспомнить давно избитое выраженіе, которое Лейбницъ, въ своемъ знаменитомъ сочиненіи приводитъ, какъ уже извѣстное, а именно: что „во всемъ мѣсту нѣтъ двухъ вполне равныхъ листьевъ“¹⁾. Что до меня касается, то я могу ту же мысль выразить еще болѣе строго,—и наперекоръ извѣстной русской поговоркѣ о двухъ капляхъ воды, я утверждаю, что „въ дѣйствительности нѣтъ даже двухъ капель воды, вполне равныхъ“, хотя онѣ кажутся таковыми. Дѣло вотъ въ чемъ, 1) онѣ могутъ до безконечности уклоняться отъ формы шара, въ зависимости отъ множества условій; 2) ихъ объемъ тоже можетъ быть различнымъ до извѣстныхъ предѣловъ; 3) ихъ случайныя качества тоже могутъ быть различными: минеральныя примѣси, температура, упругость, освѣщеніе, наличность электроновъ, бактерій и т. д.; 4) комбинацій всѣхъ перечисленныхъ случайныхъ качествъ можетъ быть безконечное множество. Впрочемъ, допустимъ, что всего этого не существуетъ въ дѣйствительности, и допустимъ, что капли воды вполне равны; однако для меня все же не безразлично, о какихъ капляхъ я вспоминаю или говорю: о тѣхъ ли, которыя на меня падаютъ въ данный моментъ въ видѣ дождя, или же о той каплѣ, которая вчера изъ стакана упала на

¹⁾ *Leibniz, Nouveaux essais*. Это сочиненіе Зигвартъ неоднократно цитируетъ, слѣдовательно онъ читалъ его.

скатерть стола. Слѣдовательно и детерминація по мѣсту и времени иногда можетъ быть не безразличной. Послѣдняя капля, падающая въ наполненную до верху рюмку, производитъ иное дѣйствіе, чѣмъ предпоследняя или одна изъ предыдущихъ: и эта „последняя капля“ (и въ буквальномъ, и въ переносномъ смыслѣ) отмѣчается нами о с о б о: слѣдовательно, она, какъ понятіе реальное, есть индивидуальное понятіе въ нашемъ смыслѣ; а не въ смыслѣ Зигварта. Эта „последняя капля“ можетъ иногда произвести и весьма ошутительный эффектъ: она можетъ соединить электрическіе провода и произвести взрывъ цѣлаго порохового погреба и части крѣпости; а милліоны капель въ озерѣ могутъ въ то же время остаться безразличными и для всего человѣчества, и для жителей, селеніе которыхъ находится на берегу этого озера.

3) Въ иномъ понятіи мы мыслимъ только его „эмпирическій“ объемъ, т. е. реальныя вещи, обозначаемыя соответственнымъ именемъ; а содержаніе остается смутнымъ или даже не сознается вовсе. Таково понятіе „вещи“, разобранное выше. Но это понятіе у взрослога, который включаетъ въ его объемъ и юридическое понятіе вещи, и метафизическое—о чемъ-то реальномъ, становится еще болѣе отвлеченнымъ: въ немъ еще менѣе сознается его содержаніе. Возьмемъ другой примѣръ. Понятіе звука или цвѣта не имѣетъ общаго чувственнаго признака: цвѣтъ и звукъ, въ общемъ нарицательномъ значеніи, не существуетъ въ дѣйствительности, а только въ нашемъ мышленіи; въ дѣйствительности существуютъ отдѣльные цвѣта и отдѣльные звуки. При понятіяхъ „цвѣтъ“ и „звукъ“ мыслится только ихъ объемъ, хотя таковой можетъ сопровождаться представленіемъ одного опредѣленнаго цвѣта или звука. Но при этомъ мы сознаемъ, что это представленіе только з а м ѣ с т и т е л ь всего класса, и что мы могли бы взять на его мѣсто любой другой цвѣтъ или звукъ.

4) Для наглядности рѣчи поэтами и ораторами постоянно употребляются конкретныя выраженія или единичныя понятія, вмѣсто общихъ; но при этомъ слушающій отлично понимаетъ, что единичное въ данномъ случаѣ служитъ представителемъ всего класса. Ту же роль иногда играетъ и опредѣленный членъ въ греческомъ, французскомъ и нѣ-

мецкомъ языкахъ. И въ геометріи доказательство о суммѣ угловъ треугольника дается на одномъ опредѣленномъ треугольникѣ, который служитъ представителемъ всего класса. Треугольникъ, какъ общее понятіе, не можетъ быть ни начерченъ, ни представленъ; онъ только мыслится.

б) Относительно понятій, не поддающихся дальнѣйшей детерминаціи по содержанію, Зигвартъ могъ взять примѣръ болѣе удачный, чѣмъ съ чугунными шарами. Онъ могъ, напр., взять понятіе „голубого цвѣта“, которое дѣйствительно не поддается детерминаціи по содержанію, такъ какъ не имѣетъ *differentia specifica* относительно его содержанія.

Поэтому оно и не доступно логическому опредѣленію, хотя имѣетъ очень опредѣленное содержаніе и миллионы представителей въ дѣйствительности,—милліоны предметовъ такого цвѣта. Но тутъ бѣда въ томъ, что это понятіе не—вещь и никѣмъ не считается „индивидуальнымъ понятіемъ“. Слѣдовательно Зигвартъ все же чувствовалъ потребность держаться примѣненія понятій къ дѣйствительности. Во второй части своей логики онъ самъ разсматриваетъ понятіе единичной вещи, имѣющей въ опредѣленномъ мѣстѣ пространства „ограниченную и постоянную форму (Gestalt)“. (§ 72, S. 117) ¹⁾.

§ 8. Сравнительная цѣнность формальныхъ понятій.

Въ началѣ настоящей главы мы отмѣтили значеніе для познанія понятій фактическихъ и формальныхъ: первыя представляютъ собою знаки цѣлой группы познавательныхъ актовъ или объективныхъ знаній; послѣднія—рабочія орудія. Затѣмъ мы разсмотрѣли процессы формированія поня-

¹⁾ Его затрудненіе создано имъ самимъ. Чтобы изъ него выпутаться, онъ придумалъ ненужную дистинцію (подраздѣленіе) объема понятій на „логическій и эмпирическій“: подъ послѣднимъ онъ разумѣетъ то, что всѣ, т. е. сумму реальныхъ вещей и фактовъ, а не понятій, обозначаемыхъ однимъ именемъ. (Цит. соч. I, § 42, стр. 360 и 361). А то, что онъ называетъ „логическимъ объемомъ индивидуальнаго понятія“, подходит подъ *ἑσχατον εἶδος* стоиковъ и *infima species*, (низшій видъ) средневѣковыхъ номиналистовъ. Это понятіе имѣетъ свое примѣненіе при дѣленіи общаго понятія и при классификаціи; но въ такомъ случаѣ не зачѣмъ вводить новый, и притомъ сбивчивый терминъ.

тій и отмѣтили фактъ измѣненія и совершенствованія психологическихъ понятій въ соотвѣтствіи съ идеальными требованіями логики. Этотъ процессъ достигаетъ своей кульминаціонной точки въ объективной наукѣ, которая еще больше приближается къ идеалу логики. Но и въ наукѣ не всѣ понятія, которыми она оперируетъ, имѣютъ одинаковую познавательную цѣнность. Такъ какъ наука стремится къ познанію не только отдѣльныхъ фактовъ, но и къ познанію общихъ законовъ и причинъ явленій, то нѣкоторые философы отрицали научное значеніе единичныхъ понятій. Какъ мы видѣли, это мнѣніе не основательно по отношенію къ описательнымъ наукамъ и ко всѣмъ искусствамъ, а равно—и къ практической дѣятельности. Всѣми признанъ фактъ, что познаніе начинается съ единичныхъ предметовъ и фактовъ; но это не значитъ, что всякое познаніе состоитъ изъ однихъ чувственныхъ элементовъ¹⁾.

Мы уже отмѣтили тотъ фактъ, что ни одинъ психологическій анализъ не можетъ дальше проникнуть въ познавательные процессы, чѣмъ въ элементы ощущеній²⁾. Изъ этихъ элементовъ состоятъ тѣ переживанія, которыя обычно называются ощущеніями. Слѣдовательно и въ таковыхъ дѣйствуетъ особое нечувственное начало познающаго, которое соединяетъ эти элементы воедино. Поэтому только элементы ощущеній мы должны признать за сырой строительный матеріалъ нашего познанія; а сочетанія элементовъ уже являются произведеніемъ синтеза, принимаемымъ за нѣчто единое. Между этими сложными единицами при помощи разсудка и памяти устанавливаются разныя отношенія въ сужденіяхъ, которыя всѣми признаны за элементарныя познанія. Слѣдовательно и въ этихъ элементарныхъ актахъ познанія есть и матеріальные, т. е. чувственные элементы

¹⁾ Однако, этой истины и въ настоящее время не признаютъ нѣкоторые философы и философствующіе учѣные. Таковы напр., *Авенариусъ* („Philosophie als Denken d. Welt, 1874, S. 27 и“ *Kritik d. reinen Erfahrung*, I. S. 4—13). Таковы и *Махъ*, *Вилли*, *Корнелиусъ*, *Гомперцъ* (H. Gomperz) и другіе.

²⁾ Въ этомъ отношеніи мною сдѣлана поправка обычнаго пониманія чувственнаго элемента. См. мое изслѣдованіе „О памяти“, ч. I, гл. VI, стран. 61—63. Для зрительныхъ ощущеній таковымъ нужно считать минимальную цвѣтную точку, для звуковыхъ—кратчайшій тонъ и т. д.

и формальные, привносимые познающимъ духомъ. Чувственные комплексы, а тѣмъ болѣе ихъ элементы, сами по себѣ не представляютъ собою знанія; но они служатъ необходимымъ условіемъ и составной частью всякаго познавательнаго акта, въ который вошли формальные элементы. Таковыя всегда входятъ въ составъ нашего мышленія, и безъ нихъ не можетъ обойтись ни одна наука. Слѣдовательно и соотвѣтственныя имъ понятія должны быть на лицо не только въ обиходной рѣчи, но и въ каждой наукѣ. Къ такимъ понятіямъ относятся: *то же, другое; раньше, позже; сверху, снизу; справа, слева; спереди, сзади; длинѣе, короче; больше, меньше, болѣе, меньше; продолжительнѣе (дольше), короче (по времени); сдѣлавшій, сдѣланный (причина и дѣйствіе), дѣйствительный, воображаемый; одинъ, два, много.* Только на основаніи множества подобныхъ отношеній и понятій впоследствии образуются соотвѣтственныя отвлеченныя категоріи, выражаемыя именами сущ. Таковыя: тождество и различіе, сходство и несходство; время, пространство, причинность, вещь, идея, цѣль, число.

На основаніи всѣхъ этихъ категорій образуются самыя высшія метафизическія категоріи, напр.: *отношеніе, бытіе, абсолютная идея, всеединство*¹⁾. Эти высшія категоріи больше всего занимали философовъ; однако онѣ, какъ и всѣ формальныя понятія и формальные элементы познанія вообще, сами по себѣ, безъ сопоставленія ихъ съ матеріальными элементами, еще не даютъ знанія. Поэтому представляются большимъ заблужденіемъ попытки дедуцировать изъ подобныхъ категорій все разнообразіе и всю полноту содержанія въ реальномъ мірѣ. Такъ именно поступали древніе элейцы, а въ новѣйшее время—нѣмецкіе идеалисты, въ особенности Гегель.

Такъ какъ всѣ эти высшія по отвлеченности и объему понятія добываются на основаніи множества предшествующихъ имъ сужденій и другихъ мыслительныхъ процессовъ, то мы рассмотримъ ихъ послѣ,—въ связи съ соотвѣтственными сужденіями. При этомъ мы рассмотримъ и метафиз-

¹⁾ Поэтому въ дѣтскомъ языкѣ отсутствуютъ отвлеченныя понятія категорій, хотя дѣти уже съ первыхъ мѣсяцевъ, еще до пріобрѣтенія ими способности говорить, отличаютъ перечисленныя выше отношенія.

зическія понятія о вещи и субстанціи. Пока же мы ограничимся разборомъ древнѣйшей классификаціи, сдѣланной Аристотелемъ, которой придерживались философы восемнадцать вѣковъ.

Кромѣ этихъ чисто формальныхъ понятій, въ каждомъ языкѣ имѣются и такія, которыя заключаютъ въ себѣ формальный элементъ (извѣстное отношеніе къ другому) на ряду съ матеріальными элементами. Таковы напр.: начальникъ и подчиненный, родители и дѣти, учитель и ученикъ, судья и подсудимый, перпендикуляръ и основаніе, радіусъ и кругъ. Такія понятія, въ отличіе отъ предыдущихъ, лучше было бы называть „фактически-относительными“, если обозначаемые ими предметы и отношенія принадлежатъ реальному міру.

§ 9. Категоріи Аристотеля.

Всякая наука стремится къ познанію общаго, къ познанію причинъ и общихъ законовъ; а философія, сверхъ этого, стремится познать первыя причины всего міра и первыя основанія всякаго познанія. Поэтому неудивительно, что философы больше всего занимались высшими понятіями, получившими отъ Аристотеля названіе категорій. Самое значеніе и число категорій у разныхъ философовъ различно. Ихъ значеніе различно опредѣляется въ зависимости отъ метафизической теоріи философа. Такъ на примѣръ, реализмъ, признающій существованіе особаго міра, самостоятельнаго и независимаго отъ познающаго субъекта, рассматриваетъ категоріи въ ихъ отношеніи къ реальному міру. Кто же не признаетъ реальности особаго міра, помимо духа, каковы идеалисты всѣхъ наименованій, для того категоріи имѣютъ смыслъ однихъ формальныхъ принциповъ, управляющихъ мышленіемъ. Наконецъ есть и такіе философы, какъ Кантъ, которые признаютъ и нѣчто реально существующее, помимо духа (такъ называемые „ноумены“, или „вещи въ себѣ“); но эти ноумены, по ихъ мнѣнію, сами по себѣ, не познаваемы; правда, исходящія отъ нихъ возбужденія нашихъ органовъ чувствъ, даютъ намъ сырой матеріаль познанія; но самое познаніе осуществляется будто благодаря категоріямъ, которыя присущи познающему, какъ руководящія принципы

мышленія и познанія. Въ реальной дѣйствительности, по мнѣнію Канта, нѣтъ ничего имъ соответствующаго ¹⁾.

Первая попытка распредѣлить всѣ понятія по высшимъ родамъ принадлежитъ Аристотелю. Эту попытку онъ сдѣлалъ въ своемъ небольшомъ сочиненіи, озаглавленномъ „категоріи“, которое издавалось въ самомъ началѣ логическихъ сочиненій Аристотеля, посвященныхъ общему названію „Органонъ“. Сочиненіе Категоріи не только кратко, но и отрывисто и неполно: вѣроятно, оно и не вполне закончено авторомъ. Самое раздѣленіе понятій не мотивировано и даже недостаточно разъяснено. Тѣмъ не менѣе этимъ категоріямъ было суждено сыграть важную роль и въ философіи, и въ грамматикѣ за все время отъ Аристотеля до Бекона Веруламскаго.

Такъ какъ Ар. признаетъ существованіе реальныхъ вещей, а также ихъ познаваемость, то его категоріи относятся къ реально существующему, а не только къ дѣятельности познающаго ²⁾.

Самое раздѣленіе понятій на категоріи, Ар. безъ предварительной мотивировки излагаетъ слѣдующими словами: „Все, что высказывается въ связной рѣчи (*κατὰ μὴδερμίαν συμπλοκῆν*), обозначаетъ или субстанцію (*οὐσίαν*), или количество (*ποσόν*), или качество (*ποιόν*), или отношеніе (*πρός τι*), или мѣсто (*πού*), или время (*πότε*), или положеніе (*κεῖσθαι*), или обладаніе (*ἔχειν*), или дѣйствіе (*ποιεῖν*),

¹⁾ Канта и кантіанцевъ правильнѣе называть не „полундеалистами“, а скептиками: древніе скептики гораздо меньше знаній отвергали, чѣмъ Кантъ. См.: *Sextus Empiricus, Pyrrhon. hypotyp.*

²⁾ Это недвусмысленно утверждаетъ и самъ Аристотель, называя ихъ въ своей метафизикѣ „категоріями бытія“ (*κατηγορίαι τοῦ ὄντος*) (См. *Metaph. IV, 28. 1024, 6, 13; IX, 1. 1045, 6, 28; XIV, 6, 1093. 6, 19*) а также и въ физикѣ (*Phys. III, 1. 200, b, 28*). Въ другихъ сочиненіяхъ Ар. называетъ ихъ также, согласно съ Платономъ, *τὰ γένυ* (подразумѣвается *τοῦ ὄντος*. См. *De Anima, I, 1. 402, a, 22*). Встрѣчаются также названія *τὰ κοινὰ πρῶτα* (*Analyt. post. II, 13. 96. 6, 20*) и другія. Нѣкоторые философы, напр. Штрюмпель, Шуппе и Brentano толкуютъ терминъ „категоріи“ (*κατηγορίαι*) въ его первоначальномъ значеніи „предиката“ (= *praedicamenta*); но это въ данномъ случаѣ неправильно, такъ какъ предикатомъ можетъ быть понятіе только въ сужденіи и предложеніи, а Ар. свои категоріи употребляетъ какъ самостоятельныя понятія (*κατὰ μὴδερμίαν συμπλοκῆν λεγόμενα*). См. *Aristoteles, Categ. II, 1 et. IV. 1.*

или претерпѣваніе (πάσχειν). Говоря въ общемъ, субстанція есть напр.: человекъ, лошадь; количество—напр.: двухлоктевое, трехлоктевое (δίπηχυ, τρίπηχυ); качество напр. бѣлый, образованный (γραμματικός); отношеніе—напр.: двойное, половина, большее; мѣсто—напр. въ Ликее, на рынокѣ; время—напр.: вчера, въ прошломъ году (πέρυσιν); положеніе—напр.: лежить, сидеть; обладаніе—напр.: обуть, вооруженъ; дѣйствіе—напр.: рѣжетъ, жжетъ; претерпѣваніе—напр. разрѣзывается, жжется (καίεται)¹⁾.

Эти десять категорій часто упоминаются Аристотелемъ и въ другихъ его сочиненіяхъ, такъ что не можетъ быть никакого сомнѣнія въ подлинности трактата о категоріяхъ. Но въ другихъ сочиненіяхъ довольно часто упоминается на второмъ мѣстѣ категорія качества, а на третьемъ—категорія количества²⁾. Кроме того, Аристотелемъ нѣсколько разъ опускаются 7 и 8 категоріи, т. е. „положеніе“ и „обладаніе“, а именно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ имѣется въ виду полное перечисленіе всѣхъ категорій³⁾.

Итакъ даже самое число категорій кажется немотивированнымъ: можетъ быть, и Аристотель въ этомъ случаѣ отдалъ дань пифагореизму, имѣвшему пристрастіе къ числу „десять“.

Нельзя сказать, чтобы это число категорій было полнымъ. Прежде всего читателю бросается въ глаза отсутствіе категоріи причины, или причинности. Этотъ вопросъ Аристотель подробно изслѣдуетъ и исторически, и въ связи со своими метафизическими возрѣніями въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ, преимущественно въ физикѣ и въ метафизикѣ. Это отсутствіе категоріи причинности тѣмъ болѣе нуждается въ оправданіи, что Аристотель признавалъ и матеріальныя причины, лежащія въ самой матеріи (ύλη), которая не под-

¹⁾ *Aristoteles* Categ. IV, 1.

²⁾ Въ одномъ мѣстѣ физики катег. „количества“ поставлена послѣ „отношенія“, а это—послѣ „времени“ (*Aristoteles*, Phys, V, 1 Конецъ). Я думаю, что это перемѣщеніе по ошибкѣ сдѣлано переписчиками первыхъ изданій.

³⁾ *Aristoteles*, Anal. post. I. 22. 83 а, 21.

„ Phys. V, 1 конецъ.

„ Metaph. V. 8, 1017, а, 24.

ходить ни подъ одну категорію. Его нематеріальная причина εἶδος (=форма, формирующая сущность), представляет собою и цѣлевую причину—τὸ οὖ ἐνεκα καὶ τὰγαθόν (=ради чего и благо): слѣдовательно и она есть реальная сущность, дѣйствующая самостоятельно и независимо отъ познающаго духа. Но сама по себѣ безъ матеріи она не даетъ Аристотелевой οὐσία, которая состоитъ изъ обѣихъ этихъ началъ¹⁾.

Отсутствуютъ также категоріи „единого и сущаго“, которыя тоже относятся и къ реальному міру; но оправданіе тому Аристотель даетъ въ своей метафизикѣ, объясняя, что „эти категоріи одинаково (ἰσαχῶς) сопутствуютъ категоріямъ и ни въ одной не заключаются“²⁾. Подобное же объясненіе встрѣчается и относительно „блага“, которое Аристотель тоже не включилъ въ число категорій; въ своей Никомаховой этикѣ онъ говоритъ, что „благо заключается и въ сущности“ (ἐν τῷ τί ἐστίν) и въ „качествѣ“, и въ „отношеніи“³⁾.

Такъ же отсутствуетъ и понятіе „перемѣны“ (κίνησις), которое по разьясненіямъ Аристотеля въ его физикѣ, относится къ различнымъ категоріямъ: и къ субстанціи, и къ качеству, и къ количеству, и къ мѣсту, напр. пространственное движеніе κίνησις κατὰ τὸν τόπον⁴⁾.

Аристотель не отнесъ къ своимъ категоріямъ и чисто логическихъ понятій, каковы: истина, ложь, родъ и видъ, свойство (ἴδιον) и случайный признакъ (συμβεβηχός). Но это вполне согласно съ его реализмомъ и съ его заявленіемъ въ метафизикѣ, что его категоріямъ соотвѣтствуетъ столько же классовъ бытія⁵⁾. Однако этого намѣренія—дать категоріи бытія (τοῦ ὄντος) Аристотель тоже не осуществилъ; его категорія „отношенія“, какъ мы увидимъ на его примѣрахъ,

¹⁾ И Аристотель, какъ и его учитель Платонъ, былъ относ. познания реалистъ: онъ признавалъ реальность и самостоятельность предметовъ познания. Совершенно невѣрно Платона считаютъ вообще „идеалистомъ“ между тѣмъ онъ былъ таковымъ только въ своей этикѣ.

²⁾ *Aristoteles*, *Metaph.*, X, 2 p. 1054, a, 13.

³⁾ *Aristoteles*, а) *Ethica Nicomach.* I. 4 p. 1096, a, 19. б) *Metaph.* VII, 11, 1037 a, 1.

⁴⁾ *Aristoteles*, а) *Phys.* V. 1, Конецъ и начало 2 гл. б) *Metaph.* XII, 2, 1069, b, 9.

⁵⁾ *Aristoteles*, *Metaphys.* V, 7, 1017. ὁσαχῶς γὰρ λέγεται, τοσαυταχῶς τὸ εἶναι σήμαιναι (τὰ σχήματα τῆς κατηγορίας).

иногда относится къ чисто субъективнымъ процессамъ, и переживаніямъ, которымъ нѣтъ соотвѣтствія въ реальномъ мірѣ.

§ 10. Субстанція у Аристотеля.

Изъ перечисленныхъ десяти категорій только первыя четыре поясняются Аристотелемъ; остальные шесть остаются неразъясненными, будто потому, что онѣ сами по себѣ понятны. Первая категорія—т. е. субстанція, Аристотелемъ считается „самой важной, первой по времени и болѣе всего употребительной“. „Она не высказывается ни о какомъ субъектѣ и не находится ни въ какомъ субъектѣ (вѣрнѣе—субстратѣ), какъ напр.: какой-нибудь опредѣленный человѣкъ или какая-нибудь опредѣленная лошадь“¹⁾. Субстанція—это единственная категорія логическаго субъекта, всѣ же остальные представляютъ собою возможные предикаты, признаки субстанцій²⁾.

Понятіе субстанціи до сихъ поръ еще различно толкуется метафизиками, а нѣкоторыми изъ нихъ прямо отвергается. Поэтому неудивительно, что Аристотель, впервые его формировавшій, неоднократно попадаетъ въ затрудненія.

Что приведенный признакъ субстанціи не выдерживаетъ критики, чувствовалъ и самъ Аристотель. Въ Аналитикѣ и онъ приводитъ примѣры сужденій, въ которыхъ качество можетъ быть субъектомъ, а субстанція предикатомъ, напр.: „То большое—дерево“; „то бѣлое шагаетъ“. Къ этимъ примѣрамъ можно прибавить сужденія, въ которыхъ предикатомъ оказывается даже единичное понятіе, напр.: „То идущее есть Каллій“. Такія сужденія Аристотель называетъ не настоящими сужденіями, а „сужденіями по совпаденію“, (*κατὰ συμβεβηχόν*)³⁾; комментаторъ Аристотеля Александръ изъ Афродизіи считаетъ ихъ „сужденіями противоестественными“

¹⁾ *Aristoteles*, *Categ.* V, p. 2, a, 11. Οὐσία δὲ ἐστὶν ἡ κυριώτατά τε καὶ πρῶτως καὶ μάλιστα λεγομένη, ἢ μήτε καθ' ὑποκείμενου τινὸς λέγεται μήτ' ἐν ὑποκειμένῳ τινὶ ἐστίν, ὅσον ὁ τις ἄνθρωπος ἢ ὁ τις ἵππος.

²⁾ *Ibid.* V, p. 2, b, 15. ἔτι αἱ πρῶται οὐσαὶ διὰ τὸ τοῖς ἄλλοις ἅπασιν ὑποκείσθαι καὶ πάντα τὰ ἄλλα κατὰ τούτων κατηγορεῖσθαι ἢ ἐν αὐταῖς εἶναι δια τούτο μάλιστα οὐσαὶ λέγονται.

³⁾ *Aristoteles*, *Analyt.*, *post.* I, 22, p. 83, a, 1.

(παρὰ φύσιν πραγμάτων) ¹⁾. Еще болѣе очевидна несостоятельность мнѣнiя Аристотеля относительно субстанцiи на понятiяхъ родовыхъ, которыя весьма часто бываютъ предикатомъ; такъ напр.: „Сократъ—человѣкъ“, „смоковница—дерево“. Въ этихъ случаяхъ Аристотель прибѣгъ къ такому же приему, какъ и выше: онъ понятiя видовыя и родовыя называетъ „вторыми субстанцiями“, т. е. тоже не настоящими субстанцiями.

Смущаетъ Аристотеля и то обстоятельство, что иногда бываетъ предикатомъ и такое понятiе, которое обозначаетъ признакъ субъекта, но все же можетъ быть разсматриваемо, какъ настоящая субстанцiя, такъ какъ оно иногда имѣетъ форму имени существительнаго. Тутъ Аристотель опять прибѣгаетъ къ немотивированной дистинкци, а именно: когда такое понятiе высказывается о субъектѣ, то онъ его считаетъ только „именемъ“ (ὄνομα), а не понятiемъ. Вотъ какъ по этому поводу говоритъ самъ Аристотель: „Изъ того, что заключается въ субъектѣ (или субстратѣ) ²⁾ въ большинствѣ случаевъ не высказывается о субъектѣ ни имя, ни понятiе (λόγος). Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ ничто не мѣшаетъ, чтобы иногда имя (ὄνομα) высказывалось о субъектѣ; но понятiе ³⁾ невозможно (высказывать). Такъ напр., „бѣлое“, (τὸ λευκόν) заключается въ тѣлѣ, какъ въ субстратѣ, и высказывается о субъектѣ (такъ какъ тѣло опредѣляется, какъ бѣлое); но понятiе бѣлаго никогда не высказывается о тѣлѣ“ ⁴⁾.

Этимъ утверждениемъ Аристотель, по всему вѣроятiю, хотѣлъ сказать, что отвлеченное понятiе „бѣлизна“ (τὸ λευκόν)

¹⁾ *Alexander Aphrod.*, Schol. 700, B, 20 (цитир. по *A. Trendelenburg*, *Gesch. d. Kategorienl.* Berlin 1846, S. 16).

²⁾ Терминъ ὑποκειμενον употребляется Аристотелемъ въ двухъ значенiяхъ, (иногда даже въ одномъ предложенiи), которыхъ онъ не отличаетъ, а именно: а) какъ субъектъ сужденiя, т. е. въ логич. смыслѣ, б) какъ субстратъ, въ метафизич. значенiи.

³⁾ Слово λόγος латинскiй переводъ изданiя Didot въ категорiяхъ неправильно передаетъ черезъ definitio (=опредѣленiе). Между тѣмъ Аристотель для этого понятiя обычно употребляетъ ὅρος или ὄρισμός.

⁴⁾ *Aristoteles*, *Categ.* III (V) 4 et 12. Τῶν δ' ἐν ὑποκειμένῳ ὄντων τὸ μὲν ὄνομα οὐδὲν κωλύει κατηγορεῖσθαι ποτε τοῦ ὑποκειμένου, τὸν δὲ λόγον ἀδύνατον, οἷον, τὸ λευκόν ἐν ὑποκειμένῳ (λευκόν γὰρ σῶμα λέγεται) ὁ δὲ λόγος ὁ τοῦ λευκοῦ οὐδέποτε κατὰ σώματος κατηγορηθήσεται.

не бываетъ предикатомъ сужденія или предложенія, а только конкретное понятіе „бѣлый“. Такъ какъ ни Аристотель, ни стоики, ни даже Александрійскіе грамматики не отличали имени прилаг. отъ имени существительнаго; то неудивительно, что Аристотель затруднялся найти отличіе между τὸ λευκόν (бѣлизна) и λευκός (= бѣлый). Последнее онъ считаетъ лишь какъ ὄνομα, а первое за „понятіе“ (λόγος); но это отличіе сдѣлано невѣрно. Дѣло въ томъ, что и λευκός есть понятіе (λόγος), но только болѣе конкретное: оно обозначаетъ опредѣленный оттѣнокъ „бѣлаго“, приписываемый опредѣленному предмету. Между тѣмъ τὸ λευκόν (= бѣлизна) обозначаетъ отвлеченное качество, которое обнимаетъ собою всѣ оттѣнки бѣлаго и можетъ обозначать любой изъ нихъ.

Такъ же точно Аристотель исключаетъ изъ числа предикатовъ единичной субстанціи, т. е. индивидуума (ἄτομον) части такового ¹⁾.

Но видовыя отличія (αἱ διαφοραὶ) могутъ быть высказываемы и о видахъ (κατὰ τῶν εἰδῶν), и объ индивидахъ (κατὰ τῶν ἀτόμων) ²⁾.

Кромѣ упомянутаго, чисто формальнаго и притомъ сомнительнаго признака субстанціи (οὐσία), т. е. что она не можетъ быть предикатомъ и не заключается въ субъектѣ (или субстратѣ) Аристотель приводитъ другіе, которые гораздо болѣе существенны, а именно: 1) Относительно первой субстанціи онъ отмѣчаетъ что „таковая обозначаетъ опредѣленный предметъ (τόδε τι), потому что она недѣлимое (ἄτομον) и по числу одна ³⁾. Относительно вторыхъ субстанцій Аристотель находитъ, что таковыя скорѣе обозначаютъ качество (μᾶλλον ποιόν τι σημαίνει); субъектъ таковой не одинъ, какъ у первой субстанціи; напротивъ, она высказывается о многихъ, какъ напр.: человекъ и животное“ ⁴⁾. „Но качество она обозначаетъ не просто (ἀπλῶς), какъ напр. „бѣлое“, которое ничего иного не обозначаетъ, кромѣ бѣлизны. Видъ же и родъ относительно сущности (περὶ οὐσίαν) отмежевываетъ (ἀφορίζει) ея качество, обозначая нѣкоторую качественную сущность“ ⁵⁾.

¹⁾ Arist. Categ. III (V), 14; сравнить также II, 2,

²⁾ Ibidem, III (V), 15.

⁴⁾ Тамъ же, п. 16.

³⁾ Тамъ же III (V), 16.

⁵⁾ Тамъ же п. 17.

2) „Каждая субстанція, какъ таковая (*ἐκάστη οὐσία τῶν ὅπερ ἐστίν*) не принимаетъ въ себя (не выражаетъ) ни большаго, ни меньшаго. Такъ напр., если субстанціей будетъ человѣкъ, то таковой не будетъ ни больше, ни меньше человѣкомъ, ни по отношенію къ себѣ, ни по отношенію къ другому. Дѣло въ томъ, что одинъ не въ большей мѣрѣ человѣкъ, чѣмъ другой, какъ напр. одно бѣлое (*τὸ λευκόν*) болѣе или менѣе бѣло, чѣмъ другое, и одно красивое (*τὸ καλόν*) болѣе или менѣе красиво, чѣмъ другое“ ¹⁾.

3) „Главное свойство субстанціи (*μάλιστα ὄντων τῆς οὐσίας*), повидимому то, что она, будучи чѣмъ-то тождественнымъ и единымъ (*ἓν*), по числу, способна принимать въ себя противоположности (*τῶν ἐναντίων δεκτικόν*)... Такъ напр., опредѣленный человѣкъ, будучи однимъ по числу и тѣмъ же самымъ, иногда становится бѣлымъ, иногда темнымъ, и теплымъ и холоднымъ, и вялымъ и дѣятельнымъ“ ²⁾. „Субстанція принимаетъ и болѣзнь и здоровье, и бѣлизну и черноту“ ³⁾.

„Напротивъ, понятіе и мнѣніе (*δόξα*) остаются неизмѣнными во всемъ и во всѣхъ отношеніяхъ. Только тогда, когда измѣняется фактъ дѣйствительности (*πράγματος κινουμένου*), они получаютъ противное значеніе“ *τὸ ἐναντίον παρὶ αὐτῶν γίνεται* ⁴⁾.

„Такъ, если бы кто высказывалъ истинное мнѣніе (*εἰ γὰρ τις ἀληθῶς δοξάζει*), что такой-то сидитъ; то послѣ того, какъ сидѣвшій всталъ, то же мнѣніе о томъ же предметѣ окажется ложнымъ“ ⁵⁾. „Но относительно субстанціи дѣло обстоитъ иначе: ихъ качества сами измѣняются, принимая противоположное“ ⁶⁾.

¹⁾ Тамъ же, п. 20. Понятія „бѣлый“ и „красивый“ означаютъ одно „качество“, т. е. имѣютъ всего одинъ признакъ, тогда какъ понятіе „человѣкъ“ (и другія видовыя и родовыя понятія) заключаютъ въ себѣ множество признаковъ; поэтому таковыя не допускаютъ измѣненія по степенямъ. Смотри *И. С. Проданъ*, Учебникъ логики, 2-е изд. § 12.

²⁾ Тамъ же п. 21.

³⁾ Тамъ же п. 22 въ концѣ.

⁴⁾ Понятія *κίνησις* и *κινεῖσθαι* у „Аристотеля“ употребляются въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ русское „движеніе“: они обозначаютъ вообще перемѣну (кромѣ возникновенія и уничтоженія, которыя относятся къ понятіямъ *μεταβολή* и *ἀλώσις*). Пространственное движеніе называется у Аристотеля *κίνησις κατὰ τὸν τόπον*.

⁵⁾ Тамъ же п. 22 въ серединѣ.

⁶⁾ Тамъ же.

Вотъ какъ Аристотель пытался уловить суть субстанціи. Конечно, въ этой первой попыткѣ дѣло не могло обойтись безъ недочетовъ, хотя Аристотель больше всего вниманія удѣлилъ этой первой и самой важной категоріи.

§ 11. Недостатки понятія субстанціи у Аристотеля.

1) Прежде всего оказывается неудачной попытка Аристотеля получить понятіе субстанціи, (обозначающей нѣчто реальное и существующее) изъ логическаго (и грамматическаго) „отношенія субъекта къ предикату сужденія“. Всякое отношеніе есть нѣчто производное, зависящее отъ двухъ вещей. Впрочемъ, оказывается, что и субстанція можетъ быть предикатомъ, и не только вторая (видъ и родъ), но и первая. Такъ напр.: въ сужденіи: „это—Сократъ“.

2) Невѣрно, что всѣ остальные категоріи играютъ роль только предиката. И въ нѣкоторыхъ примѣрахъ самого Аристотеля субъектомъ оказывается качество или другая категорія предикативная, напр.: „это бѣлое—тѣло“, „это лежащее—человѣкъ“.

3) Ар. иногда смѣшиваетъ два значенія своего термина *ὑποκείμενον*; его онъ употребляетъ и въ значеніи логическаго субъекта, и въ значеніи метафизическаго субстрата, или носителя качествъ ¹⁾).

4) Ар. иногда не отличаетъ двоякаго значенія его *ἐστίν ἐν...* (заключается въ...). То оно обозначаетъ наличность признака въ содержаніи понятія или въ субстратѣ ²⁾, то—принадлежность индивида къ цѣлому виду или роду, т. е. включеніе индивида въ объемъ понятія ³⁾.

5) Въ самомъ главномъ свойствѣ субстанціи Аристотель все же отдаетъ преимущество „способности ея принимать противоположныя качества“ передъ ея устойчивостью (*ταυτόν*) и единствомъ ⁴⁾. На самомъ дѣлѣ измѣнчивость вовсе не составляетъ сути этого понятія: измѣнчивость признается и въ вѣчномъ потокѣ Гераклита и вообще философами-феноменистами, не признающими никакихъ субстанцій“.

¹⁾ Categ. II, 2; III, 4.

²⁾ Categ. V, 11, et 12.

³⁾ Categ. II, 2; III, 4; V, 10—17.

⁴⁾ Categ. V, 12.

6) Что касается единства субстанціи, то Аристотель не разъяснилъ этого понятія въ своихъ категоріяхъ. По приводимымъ имъ примѣрамъ можно предполагать, что онъ первой субстанціей считалъ только живыя существа—животныя и растенія, имѣющія опредѣленную организацію, служащую одной цѣли, и что эта одна цѣлесообразная ихъ дѣятельность и составляетъ единство, связывающее какъ части, такъ и всѣ перемѣны и дѣйствія этой субстанціи.

7) Если Ар. такъ понималъ первую субстанцію, то подъ это понятіе не подойдутъ ни его матерія (ὕλη), ни его формирующія сущности (εἶδη), соотвѣтствующія платоновскимъ идеямъ; таковыя оказываются частями его первой субстанціи. Каждый индивидъ по Аристотелю состоитъ изъ матеріи и формирующей сущности (εἶδος). Не подходитъ подъ понятіе первой субстанціи ни его Богъ, ни разумъ, какъ дѣятельности безъ матеріи.

8) Что представляютъ собою вторыя субстанціи Аристотеля, остается совершенно загадочнымъ: представляютъ ли онѣ собою одни логическія понятія—Аристотель иногда называетъ ихъ „нѣкотораго рода качественными субстанціями“, или же это—реальныя формирующія силы (на подобіе идей Платона). Не даромъ въ средніе вѣка объ этомъ спорили больше тысячи лѣтъ.

9) Въ категоріяхъ Аристотеля вообще еще не разграничены разныя точки зрѣнія на значеніе категорій: у него смѣшаны точки зрѣнія метафизическая, логическая и даже грамматическая. Его категорія „отношенія“ включаетъ въ себѣ и чисто-субъективныя отношенія, напр.: αἰσθησις (=чувственное воспріятіе), ἐπιστήμη (наука). Таковыя примѣнимы только по отношенію къ познающимъ¹⁾. Между тѣмъ Аристотель въ своихъ категоріяхъ имѣлъ въ виду представить τὰ γένη τῶν ὄντων, т. е. реально существующее внѣ познающаго.

10) Такъ какъ категоріи Аристотеля, кромѣ первой, представляютъ собою общія понятія, то понятно, что Аристотель не могъ и не пытается дать ихъ логическое опредѣленіе per genus et differentiam specificam: но его „первая субстанція“ допускаетъ такое опредѣленіе, и Аристотель дѣлаетъ подобныя попытки, которыя, какъ мы видѣли, не исполнѣны удачны.

¹⁾ Aristoteles. Categ. (V), VII.

§ 12. Историческое значеніе категорій Аристотеля.

Несмотря на всѣ перечисленные выше недостатки Аристотелевой классификаціи высшихъ понятій, т. е. категорій, его дѣло представляетъ собою великій подвигъ въ области мысли. Должно помнить, что до Аристотеля еще не существовало ни логики, ни грамматики, ни даже психологіи; и то, что теперь извѣстно нашимъ гимназистамъ, не было извѣстно Платону и Аристотелю. Аристотель впервые формулируетъ, что такое сужденіе, и какія его существенныя части. Отъ этого онъ исходитъ и въ своемъ разграниченіи между первой и остальными категоріями. Но раздѣленіе послѣднихъ девяти категорій отнюдь не было получено отъ разсмотрѣнія зависимости въ предложеніи словъ другъ отъ друга¹⁾. Самъ Аристотель недвусмысленно говоритъ въ началѣ своего трактата, что онъ беретъ слова внѣ ихъ связи въ предложеніи (*κατὰ μὴδμίαν συμπλοκήν*). По всему вѣроятію, онъ поступалъ при этомъ разграниченіи различныхъ категорій чисто эмперически, раздѣляя различное и обобщая сходное.

Своими категоріями Аристотель пользуется во многихъ изъ своихъ сочиненій, больше всего въ своей физикѣ и метафизикѣ. Этимъ категоріямъ было суждено сыграть важную роль не только въ логикѣ, но и въ грамматикѣ: въ теченіе восемнадцати вѣковъ не могли философы ничего лучшаго поставить на мѣсто Аристотелевыхъ категорій.

Въ грамматикѣ относительно частей рѣчи и по сей день еще витаетъ духъ Аристотелевыхъ категорій, неправильно примѣненныхъ къ европейскимъ языкамъ. Дѣло въ томъ, что Аристотель имѣлъ въ виду установить высшіе классы (*γένη*) понятій по ихъ примѣненію къ дѣйствительности (*τῶν ὄντων*); а Александрійскіе грамматики ихъ примѣнили къ разрядамъ словъ греческаго языка, какими они

¹⁾ Тренделенбургъ считаетъ „вѣроятнымъ“ такое предположеніе *Trendelenburg*, *Gesch. d. kategorienlehre*, Berlin 1846, s. 180. Ср.: также стр. 13—38 и другія мѣста §§ 10—19). Но его мнѣніе ошибочно, такъ какъ Аристотель отличалъ только *три* части рѣчи (*ὄνομα, ῥῆμα* и *ἄρδρα*); только Александрійскіе грамматики таковыхъ отличали *восемь*, при чемъ не отличали именъ прилаг. и числит. отъ именъ сущ. См.: *Steinthal*, *Ges. kl. Schriften*, Berlin 1880, s. 368.

оказываются въ связной рѣчи, т. е. въ предложеиіи. Самъ Аристотель отличалъ только три части рѣчи: ὄνομα (подлежащее), ῥῆμα (сказуемое) и ἄρθρον или σύνδεσμος (частицы или связки).

Только Александрійскіе грамматикн провели болѣе подробное раздѣленіе частей рѣчи, близкое къ современному. Уже Аристархъ отличалъ слѣдующія восемь частей рѣчи: 1) ὄνομα (=имя, подъ которымъ подразумѣвалось имя сущ. и имя прилаг. съ числит.); 2) ῥῆμα (=глаголь съ личными окончаніями, и неопр. накл.); 3) μετοχή (=причастіе, которое причастно и къ имени, и къ глаголу); 4) ἀντωνυμία (=мѣстоименіе, къ которому причислялись личные и указательныя мѣстоименія; неопредѣл. и вопросительныя относились къ „имени“); 5) ἄρθρον (=членъ, къ которому причислялось и относительное мѣстоименіе); 6) ἐπίρρημα (=нарѣчіе, къ которому причислялись и междометія, выдѣленные въ особую часть только римлянами); 7) πρόθεσις (=предлогъ); 8) σύνδεσμος (=союзъ).

Если этотъ перечень частей рѣчи сравнить съ категоріями Аристотеля, то нетрудно замѣтить большое сходство между ними, а именно: 1) ὄνομα (имя) соотвѣтствуетъ категоріямъ: οὐσία, ποῖον и ποσόν. Впослѣдствіи имена были подраздѣлены соотвѣтственно этимъ тремъ категоріямъ: а) на имена сущ. (какъ названія предметовъ), б) имена прилаг. (какъ названія качествъ), в) имена числ., указывающія число и количество (именованными числами)¹⁾.

2) Глаголь и 3) причастіе соотвѣтствуютъ четыремъ послѣднимъ категоріямъ (ποιεῖν и πάσχειν, εἶχειν и χεῖσθαι).

Изъ нихъ три категоріи обозначаются залогами и видами греч. глагола, а четвертая не зависитъ отъ флексіи, а отъ самаго значенія темы. 6-я, 7-я, 8-я части рѣчи соотвѣтствуютъ категоріямъ 5-й, (ποῦ), 6-й (ποτέ) и отчасти 4-й (πρός τι). Только 4-я и 5-я части рѣчи (мѣстоименіе и членъ) не

¹⁾ Соединеніе этихъ трехъ категорій въ одну тоже находитъ свою мотивировку у Аристотеля. Въ его Топикѣ при перечисленіи категорій, вмѣсто первой οὐσία приводится болѣе общее названіе τι ἐστιν, которое можетъ обнимать и категорію οὐσία, и категоріи количества и качества; это бываетъ тогда, когда субъектъ и предикатъ принадлежатъ къ тому же роду. (Arist. Topica, I, 9, p. 103, 6, 20).

имѣютъ полнаго соотвѣтствія категоріямъ. Не трудно убѣдиться, что личныя (а равно и притяжательныя) мѣстоименія опосредствованно обозначаютъ живыя существа, т. е. первыя субстанціи; указательныя же мѣстоименія сами по себѣ не имѣютъ опредѣленнаго значенія, а служатъ для указанія на субстанцію, слѣдовательно обозначаютъ нѣкоторое отношеніе къ ней. То же можно сказать и о членѣ, который есть частный случай указательнаго мѣстоименія.

Такимъ образомъ только членъ, указательныя и относительныя мѣстоименія не обнимаютъ опредѣленной цѣлой категоріи Аристотеля, хотя могутъ быть включены въ 4-ю категорію, — „отношенія“.

Такое близкое соотвѣтствіе частей рѣчи у Александрійскихъ грамматиковъ—категоріямъ Аристотеля дѣлаетъ вѣроятнымъ предположеніе, что Аристотель былъ принятъ грамматиками за руководителя. Это предположеніе становится еще вѣроятнѣе, если мы примемъ во вниманіе, что въ Александрійской библіотекѣ имѣлись почти всѣ сочиненія Аристотеля¹⁾.

Если классификація Аристотеля имѣетъ свои недостатки, то значительно больше имѣется таковыхъ въ грамматическихъ категоріяхъ, называемыхъ частями рѣчи. Этому вопросу я посвящаю слѣдующую главу.

Ис. Сав. Проданъ.

Примѣчаніе редакціи. Слѣдующую V главу, съ заголовкомъ „Грамматическія категоріи“ редакція пропускаетъ, такъ какъ она слишкомъ специальна и имѣетъ интересъ больше для грамматики, чѣмъ для философіи. Пока она набирается для книги г-на Продана, мы на время останавливаемъ печатаніе его изслѣдованія.

¹⁾ Къ тому же извѣстный Александрійскій ученый *Гермитъ*, жившій въ третьемъ вѣкѣ, принадлежалъ къ перипатетической школѣ. На его біографію Аристотеля, а равно на его списокъ книгъ Теофраста, ученика и преемника Аристотеля, ссылается *Диогенъ изъ Ларты*. Невозможно допустить, чтобы Александрійскій перипатетикъ и біографъ Аристотеля не содѣйствовалъ распространенію ученія своего учителя. Ср.: *Zeller, Philos. d. Griechen, 3 Aufl. II. Th. II Abt. S. 53.* Поэтому невѣроятно, чтобы Александрійскіе грамматикъ не были знакомы хоть съ однимъ изъ сочиненій Аристотеля, въ которыхъ неоднократно приводится перечень категорій; а таковыя имѣются сверхъ трактата о категоріяхъ, и въ *Топикѣ*, и въ *метафизикѣ*, и въ *физикѣ* Аристотеля.

Культь римскихъ императоровъ и его значеніе въ борьбѣ язычества съ христіанствомъ.

(Продолженіе *).

Г л а в а І І І.

Августъ и окончательное установленіе культа императоровъ.

Божескія почести, оказанныя Юлію Цезарю при жизни, не могли повлечь за собою прочнаго установленія культа императоровъ. Догма римской религіи не признавала божественности за живымъ человѣкомъ. Тѣмъ не менѣе почитаніе Цезаря не осталось безъ важныхъ послѣдствій: оно подготовило народное сознаніе къ принятію новаго культа.

Дѣятельность Цезаря встрѣчала въ народѣ горячія симпатіи, которыя были ясно выражены послѣ убійства диктатора. Его погубила, можетъ быть, собственная неосторожность, потому что онъ слишкомъ прямолинейно шелъ къ намѣченной цѣли—царской власти и не считалъ нужнымъ считаться съ національными традиціями. Его преемникъ Октавіанъ поступалъ гораздо осмотрительнѣе. Ставя своей задачей достиженіе той же цѣли, онъ, однако, дѣйствовалъ въ строгомъ соотвѣтствіи съ законами и обычаями. Божеское почитаніе своей особы онъ допускалъ подъ видомъ поклоненія своему генію, что было хотя менѣе почетно, но зато согласовалось съ народными вѣрованіями. И обожествленіе Цезаря Октавіанъ опять таки выполнилъ въ соотвѣтствіи съ римской вѣрой въ божественность душъ умершихъ. Болѣе

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 4 за 1912 г.

смѣло вводился культъ императоровъ въ провинціяхъ, гдѣ, впрочемъ, инициатива принадлежала большей частью самимъ провинціаламъ.

Преемники Августа не всегда подражали благоразумной умѣренности основателя культа императоровъ. Иногда они, подобно Цезарю, требовали себѣ божескихъ почестей, но уже не опасаясь судьбы диктатора, такъ какъ идея единой державы успѣла глубоко пустить корни. Культъ императоровъ постепенно пополняется восточными обрядами по мѣрѣ того, какъ Востокъ начинаетъ играть въ жизни имперіи все болѣе выдающуюся роль.

§ 1. Культъ императоровъ при Августѣ.

Отношеніе простого народа къ убійцамъ Цезаря показало, что республика доживала послѣдніе дни, и что попытка какого-нибудь энергичнаго человѣка установить монархическій образъ правленія будетъ встрѣчена съ полнымъ сочувствіемъ. По словамъ Плутарха, извѣстіе о смерти Цезаря „наполнило смущеніемъ и ужасомъ сердца народа, который не зналъ, что дѣлать“. Когда на слѣдующій день заговорщики говорили рѣчи народу, то онъ „не высказывалъ ораторамъ ни своего удовольствія, ни хвалилъ ихъ за поступокъ, но своимъ глубокимъ молчаніемъ говорилъ ясно, что ему жаль Цезаря“. „Когда увидѣли трупъ, который несли черезъ форумъ, трупъ, обезображенный массой ранъ, народъ, подъ вліяніемъ чувства горя, не могъ сдержатъ себя спокойно, въ порядкѣ. Собралъ съ форума въ одну кучу скамьи, рѣшетки, столы, подъ нихъ подложили огонь и сожгли тѣло. Затѣмъ народъ схватилъ горящія головни и побѣжалъ къ домамъ заговорщиковъ съ цѣлью сжечь ихъ. Другіе бѣгали по всему городу, отыскивая ихъ, чтобы поймать и разорвать на части. Никто, однако, не попался имъ въ руки, всѣ они сумѣли заблаговременно скрыться въ безопасномъ мѣстѣ“¹⁾. Только одинъ изъ друзей Цезаря, Цинна, принимавшій косвенное участіе въ заговорѣ, явился къ костру и былъ растерзанъ разъяреннымъ народомъ. Главные же виновники, Брутъ и Кассій, покинули столицу.

¹⁾ *Плутархъ*. Сравнительныя жизнеописанія, пер. В. Алексѣева, т. VI, вып. 2, Сиб. 1893, стр. 387—89.

Когда, по смерти Цезаря, возгорѣлась борьба за единодержавіе, всѣ соперники предъявляли требованіе на героическое и божественное почитаніе. Секстъ Помпей болѣе не довольствовался упоминаніями о славѣ отца; онъ приказывалъ въ своемъ кругу матросовъ и начальниковъ кораблей со всею строгостью почитать его, какъ сына Нептуна, и держалъ себя подобающимъ образомъ. Антоній утверждалъ, что происходитъ отъ Геркулеса, и ставилъ идеаломъ жизни Вакха, великаго бога и побѣдителя. Послѣ побѣды при Фарсаль, онъ открыто воздавалъ въ Римѣ почести Гераклидамъ, а у грековъ и азіатовъ оставался Вакхомъ, пока не прибылъ въ Египетъ, гдѣ былъ принятъ и сочтенъ бракомъ съ царицей Клеопатрой, какъ Афродитой. Въ самомъ же Египтѣ Антоній и Клеопатра считались Озирисомъ и Изидой, а ихъ дѣти Геліосомъ (т. е. Солнцемъ) и Селеною (Луной). Гораздо благоразумнѣе дѣйствовалъ Октавіанъ. Онъ тѣмъ успѣшнѣе достигъ поклоненія своей особѣ, что самъ никогда не обнаруживалъ инициативы, а предоставлялъ дѣла ихъ собственному теченію. Сдѣлавшись неограниченнымъ императоромъ, онъ всю жизнь считалъ себя лишь первымъ гражданиномъ республики. Не позволяя строить себѣ храмы въ Римѣ, онъ принималъ божескія почести въ другихъ, болѣе мягкихъ формахъ. Онъ не любилъ, когда его называли богомъ, хотя, считаясь внукомъ обожеествленнаго Цезаря, онъ имѣлъ право на божеское почитаніе. Здѣсь съ полной очевидностью обнаружилась осмотрительность Октавіана. Онъ уклонился отъ титула *deus*, потому что хотѣлъ создаваемый культъ императоровъ связать болѣе съ національной религіей римлянъ, чѣмъ съ восточными обычаями. А съ точки зрѣнія римской религіи божественныя почести можно было воздавать только умершимъ. Поэтому Октавіанъ удовольствовался титуломъ Августа, которымъ римляне обозначали все почетное и священное. Наоборотъ, въ провинціяхъ Октавіанъ нисколько не возбранялъ считать его богомъ.

Въ 7-мъ году до Р. Х., при сооруженіи въ Римѣ участковыхъ жертвенниковъ, послѣдніе были посвящены не только мѣстнымъ ларамъ (*lares compitales*)¹⁾, но также и ге-

¹⁾ Т. е. ларамъ перекрестковъ. Подъ именемъ ларовъ здѣсь нужно разумѣть геніевъ или, иначе, божествъ двухъ или нѣсколькихъ сходящихся дорогъ или улицъ. Кромѣ этихъ ларовъ въ римской религіи встрѣчается много другихъ.

нiю Августа. Однако, такая формулировка культа императора имѣла мало значенiя для простаго народа. Теряющiя вѣру народныя массы, инстинктивно отшатываясь отъ политеизма и смутно переходя къ деизму, имѣли посредствующимъ звеномъ этой перемѣны культъ императоровъ. Имъ было бесполезно обращаться съ просительными молитвами къ какимъ-то отвлеченнымъ богамъ, такъ какъ боги, по ихъ вѣрованiямъ, не влiяли на судьбу человѣка. Всѣ желанiя и прошенiя направлялись къ земному богу, облеченному неограниченной властью и имѣющему право карать и миловать.

Не такъ думало образованное общество. Но и оно наперерывъ старалось засвидѣтельствовать передъ Августомъ свое убѣжденiе, что онъ является *именно* богомъ и притомъ въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ времени. Гораций изображаетъ Августа, какъ воплощенiе въ точности неизвѣстнаго бога (Аполлона, Марса или Меркурiя), который временно принялъ человѣческiй образъ, а впослѣдствii вернется на небо¹⁾. Виргилiй привѣтствуетъ Августа, какъ бога, давшаго странѣ покой²⁾. Еще чаще встрѣчаются указанiя на то, что Августъ будетъ богомъ послѣ смерти. Это находило себѣ оправданiе въ эвгемеризмъ (см. выше), широко распространившемся въ Римѣ къ концу республики. Согласно этому ученiю, культъ героевъ и боговъ развился изъ поклоненiя властителямъ и другимъ замѣчательнымъ личностямъ, что оправдывало льстивыя похвалы Августу. Правда, души всѣхъ умершихъ бессмертны, но только сильныхъ и добрыхъ божественны³⁾. По ученiю стоиковъ, души мудрыхъ людей переселяются на небо: добродѣтель открываетъ имъ небесныя жилища⁴⁾.

При такомъ общемъ сочувствii возникъ культъ императоровъ. Августъ положилъ ему начало возданiемъ божескихъ почестей Цезарю и разрѣшенiемъ поклоняться своему генiю. Послѣдующiе императоры, ничего не измѣняя по существу, вносятъ лишь небольшiя перемѣны или дополненiя къ новому культу. Вообще же ихъ мѣропрiятiя сводятся къ

¹⁾ Hor. carm. I, 2.

²⁾ Eclog. I, 6: deus nobis haec otia fecit.

³⁾ Cic. de legibus II, 11.

⁴⁾ Hor. carm. III, 2, 21.

усиленію политическаго вліянія культа, а его религіозный характеръ постепенно теряетъ смыслъ и къ концу третьяго вѣка вовсе исчезаетъ.

§ 2. Дальнѣйшее развитіе культа императоровъ.

Чудеса, подобныя тѣмъ, которыя совершались по смерти Цезаря, послѣдовали и за смертью Августа. Ударъ молніи разбилъ надпись у подножія его статуи, буква С изъ слова *Caesar* исчезла, и осталось на надписи *Aesar*, т. е., по этрусски, богъ. Никто не сомнѣвался видѣть въ этомъ чудѣ указаніе свыше.

Послѣ пышныхъ похоронъ Августа, его супруга Ливія сдѣлалась жрицей новаго *Divus*'а. Она приняла имя Августы и рядъ почетныхъ титуловъ: *mater patriae*, *genetrix orbis* и пр.¹⁾ Панегирики называли ее Герой, Церерой, Вестой, Реей. Тиберій много потрудился для культа Августа. Онъ учредилъ въ его честь жреческую коллегію *Sodales Augustales*²⁾, наподобіе *Sodales Titii*; построилъ храмъ, который былъ законченъ и освященъ Калигулой; учредилъ особаго фламينا въ честь *Divus Augustus*. Вмѣстѣ съ тѣмъ Тиберій наказывалъ тѣхъ, кто, по его мнѣнію, не относился съ подобающимъ почетомъ къ культу Августа. Городъ Кизикъ былъ лишенъ своихъ вольностей за пренебреженіе къ обрядамъ поклоненія Августу, а обвинители одного азіатскаго консула выставляли на видъ оскорбленіе имъ культа Августа. По отношенію къ частнымъ лицамъ Тиберій былъ первоначально довольно снисходителенъ, но потомъ со всею строгостью преслѣдовалъ нарушенія культа. Ударить раба или перемѣнить одежды передъ статуей Августа, принести въ позорное мѣсто его изображеніе на кольцо или монетѣ, сказать слово или совершить поступокъ, который Тиберію показался бы оскорбительнымъ для бога—этого было достаточно, чтобы объявить смертный приговоръ. Между тѣмъ Тиберій не разрѣшалъ оказывать своей особѣ божескія почести, а если и позволялъ воздвигать статуи, то только какъ украшенія, а не святыни. Лишь въ провинціяхъ онъ допускалъ себѣ культъ. Такъ, онъ разрѣшилъ построить въ Смирнѣ храмъ,

1) Т. е. матерью отечества, родоначальницей міра и пр.

2) Буквально „собратья Августа“.

но съ тѣмъ условіемъ, чтобы къ его имени были присоединены имена матери и сената. А испанцамъ было отказано въ подобной просьбѣ.

Послѣдніе годы Тиберія оставили по себѣ печальную память. Поэтому, когда Калигула предложилъ сенату причислить Тиберія къ богамъ, то сенатъ отказался, и Калигула не настаивалъ. Та же участь постигла и самого Калигулу, Нерона и предшественниковъ Веспасіана. Напротивъ, Клавдій былъ объявленъ сенатомъ *Divus*. Неронъ пробовалъ уничтожить постановленіе сената, но это показалось святотатствомъ, и Веспасіанъ вернулъ Клавдію право на почитаніе. Изъ Флавіевъ Веспасіанъ и Титъ были обожествлены. Домиціанъ же, несмотря на провозглашеніе апоѳеоза арміей, не удостоился этой почести со стороны сената. Даже болѣе того: онъ былъ осужденъ на забвеніе (*damnatio memoriae*), и его имя стиралось съ надписей.

Послѣдующая эпоха открываетъ цѣлый рядъ *Divi*: Нерва, Траянъ, Гадріанъ, Антонинъ, Маркъ Аврелій и Л. Веръ были обожествлены. Въ дальнѣйшемъ римскій пантеонъ продолжалъ столь же щедро пополняться новыми богами. Все зависѣло отъ того, хотѣлъ ли новый императоръ обожествленія своего предшественника, сенатъ же игралъ второстепенную роль. Макринъ, убивъ Каракалла, хорошо зналъ, какою популярностью пользовался послѣдній въ арміи, чтобы отказать ему въ апоѳеозѣ. Сенатъ попробовалъ протестовать, но энергичнаго письма было достаточно, чтобы всякое сопротивленіе оказалось бесполезнымъ. Такимъ образомъ апоѳеозъ императора былъ лишь политическимъ приѣмомъ наслѣдника, пользовавшагося имъ для собственной выгоды, а отнюдь не изъ религіозныхъ побужденій. Веспасіанъ передъ смертью шутливо говорилъ, что скоро сдѣлается богомъ, а Каракалла, убивъ брата, съ ироніей замѣтилъ: „*Sit Divus, dum non sit vivus*“, — „пусть будетъ богомъ, лишь бы не жилъ“.

Но апоѳеозъ не былъ привилегіей однихъ только императоровъ. Нѣкоторые изъ нихъ желали, чтобы члены ихъ семьи получали такія же почести. Неронъ заставилъ воздавать божеское поклоненіе своему отцу Гн. Домицію, но не рѣшился провозгласить его богомъ. Дальше въ этомъ отношеніи пошелъ Траянъ. Онъ приказалъ выбить медали имени „божественнаго отца Траяна“ (*Divus Trajanus pater*). Точно

также и сыновья императоровъ были *Divi*, если они умирали ранѣе отцовъ. Императрицы, сестры и дочери августовъ были присоединяемы къ божеству ихъ супруговъ, братьевъ и отцовъ. Друзилла первая приняла эту честь по приказу Калигулы, Ливія—по распоряженію Клавдія. Неронъ далъ своей умершей дочери титулъ „божественной дѣвицы Клавдіи“ (*Diva Claudia Virgo*), а послѣ убійства жены Поппеи, сдѣлалъ ее *Diva Poppea Augusta*—божественной Поппеи Августой.

Обожествленію подвергались не только мертвые. Нѣкоторые императоры требовали себѣ божескихъ почестей уже при жизни. Не говоря о безумствахъ Калигулы и Коммода, сравнительно умѣренный Гадрианъ, путешествуя по Греціи, сдѣлался настоящимъ Зевсомъ. Домиціанъ считалъ себя богомъ, какъ сынъ Минервы.

Мало-по-малу религіозный характеръ императорскаго культа ослабѣвалъ, и послѣдній пріобрѣталъ гражданскій характеръ. Вѣра въ греческихъ и римскихъ боговъ пала. Діоклетіанъ и Максиміанъ пробовали возстановить древнее религіозное почитаніе императорскаго культа. Первый началъ называть себя *Jovius*, а второй *Neptunus*. Но все было тщетно. Древней вѣры уже не было. Вслѣдъ за ней явилась новая идея о божественности царской власти, но это было уже тогда, когда христіанство восторжествовало надъ язычествомъ.

§ 3. Внутреннее содержаніе культа императоровъ.

Въ культѣ императоровъ нужно строго различать двѣ стороны: А) возданіе почестей императору при его жизни и В) обожествленіе по смерти (*consecratio*, *ἁγιοθέωσις*). Первый родъ почитанія былъ основанъ на почитаніи генія человѣка, а второй—на вѣрѣ въ божественность души человѣческой послѣ смерти. Въ обоихъ случаяхъ нужно кромѣ того отличать культъ въ Римѣ отъ провинціального.

А. Почести, воздаваемые императору при жизни, можно раздѣлить на двѣ группы: однѣ имѣютъ въ основѣ божественность императора, а другія служатъ выраженіемъ лишь извѣстнаго уваженія или даже лести и, собственно говоря, не имѣютъ религіознаго характера. Къ числу первыхъ нужно

отнести культъ генія императора и связанная съ нимъ почести, ко вторымъ—различные титулы, имѣющіе болѣе льстивый, чѣмъ священный характеръ.

Геній императора ¹⁾ почитался далеко за предѣлами Рима. Его имя употребляли въ клятвахъ наряду съ именами боговъ. На самомъ же дѣлѣ имя императора значило больше имени боговъ, потому что нарушение клятвы геніемъ императора влекло за собою большее наказаніе, чѣмъ оскорбленіе всѣхъ другихъ божествъ. Къ клятвѣ геніемъ императора иногда прибавляли клятву его благоденствіемъ—*Salus*. При Тиберіи была запрещена клятва именемъ прочихъ смертныхъ.

Не менѣе важнымъ способомъ поклоненія императорамъ служили ихъ изображенія и храмы. Это уже былъ переходъ отъ льстивыхъ титуловъ къ признанію божественности императоровъ съ точки зрѣнія религіи. Статуи императоровъ помѣщались *inter simulacra deorum* ²⁾ и въ лагерныхъ святилищахъ, гдѣ значеніе ихъ было аналогично значенію знаменъ. Кромѣ того, почти въ каждомъ домѣ встрѣчались изображенія императоровъ среди семейныхъ святынь. На статуи императоровъ также распространялась неприкосновенность. При Тиберіи былъ привлеченъ къ отвѣтственности проконсулъ Виѳиніи Граній Марцеллъ за то, что онъ изъ экономіи снялъ голову со статуи Августа для замѣны ея головой Тиберія.

Виднымъ преимуществомъ императорской власти было право на изображеніе императора съ сіяніемъ около головы—*corona radiata*. Первоначально право на него имѣли только обожествленные—*Divi*, но, начиная съ Нерона, этотъ обычай постепенно распространяется и на живыхъ императоровъ. При дальнѣйшемъ развитіи культа императоровъ возникаютъ новыя почести: со времени Антониновъ устанавливается обычай носить огонь передъ императорами и императрицами. Помимо возданія божескихъ почестей, императоровъ прямо начинаютъ величать богами. Домиціанъ первый приказалъ

¹⁾ И Юнона (см. гл. II, § 1) императрицы. Коллегія арвальскихъ братьевъ почитала обоихъ одинаково.

²⁾ Т. е. среди изображеній боговъ.

называть его Dominus et Deus ¹⁾. А Деоклетіанъ и Максиміанъ Геркулъ имѣли титуль Diis geniti et Deorum creatores. Вся семья, гдѣ имѣются Divi, уже получаетъ названіе domus divina. Наконецъ, даже θεός становится банальнымъ. Изобрѣтается новая форма—θεϊότατος—sacratissimus, т. е. священнѣйшій.

Послѣднимъ по времени было введеніе Л. Вителіемъ божественной почести императорамъ—adoratio—вполнѣ восточнаго обычая. Римляне считали позорнымъ повергаться передъ человѣкомъ для возданія ему поклоненія. Когда Калигула вернулся изъ Сиріи, то онъ не позволялъ приближаться къ себѣ иначе, какъ съ покрытой головой, что практиковалось у римлянъ при исполненіи богослужебныхъ обрядовъ ²⁾. Впрочемъ, обычай повергаться передъ императорами далеко не пользовался всеобщимъ сочувствіемъ, и многіе императоры его не допускали.

Такимъ образомъ, подъ самыми разнообразными формами проводилась мысль, что императоръ даже при жизни имѣетъ въ себѣ что-то божественное; что онъ заслуживаетъ такихъ же почестей, какъ Юпитеръ и другіе боги, что его мудрость, большая даже, чѣмъ мудрость боговъ Олимпа, покровительствуетъ обитателямъ имперіи, что онъ лучшій охранитель даннаго слова, чѣмъ Юпитеръ и пенаты; что ему прилипаютъ различныя почетныя титулы, даже до именованія богомъ ³⁾.

В. Чествованіе умершихъ императоровъ—апоеозъ—было простой формальностью, въ силу которой императоръ получалъ божественность, на которую имѣлъ право. Впрочемъ, не всегда сенатъ постановлялъ апоеозъ. Иногда, наоборотъ, онъ рѣшалъ уничтожить память о покойникѣ и стереть съ надписей его имя, иногда уклонялся и осуждать, и обожествлять. Но разъ сенатомъ въ принципъ было постановлено обожествленіе, то это торжество представляло величественную картину, которая могла вполнѣ удовлетворить страсть римской черни къ зрѣлищамъ.

1) Т. е. господиномъ и богомъ.

2) Напротивъ, у грековъ при богослуженіи голова оставалась открытой.

3) См. *Bewliet*, стр. 43—54.

Образцомъ апофеоза послужилъ апофеозъ Августа въ 14 г. по Р. Х. Обыкновенно тѣло императора торжественно погребали, соблюдая полагавшіеся по обычаю обряды. Затѣмъ дѣлали изъ воска изображеніе, которое выставляли сперва во дворцѣ, гдѣ торжественно объявлялось о смерти императора, послѣ чего въ процессіи его переносили на форумъ къ тому мѣсту, гдѣ магистраты слагали съ себя полномочія. Послѣ этого начиналось грандіозное шествіе. Впереди несли статуи знаменитыхъ римскихъ мужей древности, затѣмъ шли хоры дѣтей и взрослыхъ съ пѣніемъ траурныхъ пѣсень. За ними слѣдовали побѣжденные народы, представленные въ видѣ бронзовыхъ статуй, одѣтыхъ въ національные костюмы. Далѣе—писцы, ликторы, глашатаи и пр. Еще далѣе—бюсты знаменитыхъ личностей, конные и пѣхотинцы, сенаторы съ женами, всадники и коллегіи. Шествіе замыкалъ позолоченный жертвенникъ, украшенный драгоценными камнями. Процессія направлялась подъ звуки рыданій и пѣнія на Марсово поле. По дорогѣ новый императоръ произносилъ похвальное слово покойному. На Марсовомъ полѣ происходилъ обрядъ сожженія. Изъ костра вылеталъ орелъ въ знакъ того, что душа умершаго переселялась на небо. Это, собственно говоря, и служило символомъ обожествленія императора. По окончаніи сожженія трупа, императоръ былъ уже Divus¹⁾, sideribus receptus. Весьма часто ему сооружались храмы, внутри которыхъ находились алтари. Первый такой храмъ въ честь Юлія Цезаря былъ освященъ въ 29 г. до Р. Х.—aedes Divi Julii. Храмъ въ честь Августа былъ построенъ на Палаціи, что указываетъ на національный характеръ культа. Вѣроятно, въ этомъ же храмѣ позднѣйшіе Divi imperatores имѣли свою кумирню, откуда и самый храмъ получилъ названіе Templum Divorum. Храмы въ честь императоровъ имѣли право убѣжища (asylum), чего не имѣли другіе храмы. Такое же право имѣла статуя Августа, а равно

¹⁾ Слово „divus“, означавшее прежде вообще „божественный“ или „богъ“ (Corpus Inscriptionum Latinarum VI, 110: sei deo sei deivo. Hor. carm. III, 5, 2), получило съ этого времени специальное значеніе „обоготворенный“, т. е. человѣкъ, покинувшій землю, чтобы сдѣлаться богомъ, тогда какъ deus есть названіе бога, бывшаго таковымъ всегда. По гречески оба понятія выражались безразлично черезъ θεός, а Divi filius черезъ θεοῦ υἱός. См. *Нетушилъ И. В.*, Т. II, стр. 108 пр. 9.

и позднѣйшихъ императоровъ. Это право, впрочемъ, вытекало не изъ религіозныхъ особенностей культа, а въ силу императорской *tribunicia potestas*, распространенной на всѣхъ римскихъ подданныхъ и даже рабовъ.

Въ честь обожествленнаго императора учреждались игры, а его день рожденія считали праздникомъ. Въ клятвахъ *Divī* упоминались рядомъ съ именами царствующихъ императоровъ. Однимъ словомъ, почестей умершему императору воздавалось не менѣе, чѣмъ живому. Только въ послѣднемъ случаѣ онѣ имѣли очень часто принудительный характеръ, вытекавшій въ силу политической необходимости, а по отношенію къ *Divī* поклоненіе почти всегда носило исключительно религіозный характеръ.

С. *Внѣ Рима* культъ императоровъ возникъ еще при Августѣ и тогда же получилъ почти окончательную формулировку. Августъ тамъ допускалъ въ широкихъ размѣрахъ поклоненіе своей особѣ. Въ Неаполѣ въ честь его были учреждены *ludi quinquennales*. Подобныя же игры были и въ Кумахъ. Въ Помпеяхъ и Пизѣ находились фламины Августа. Въ этрусскомъ городѣ *Forum Clodii* въ день рожденія Августа на его алтарь приносили ладанъ и вино, и совершали закланіе жертвъ. Въ Беневентѣ, Таррацинѣ, Полѣ, Веронѣ, Кремонѣ, Пизѣ, Путеолѣ были воздвигнуты ему храмы.

Провинціи не отставали отъ Италіи. Въ Азіи съ разрѣшенія императора сооружались храмы *Ῥώμῃ καὶ Σεβαστῷ*—*Romae et Augusto*. Здѣсь почва уже давно была подготовлена для божественнаго почитанія римскихъ императоровъ. Совсѣмъ не такъ обстояли дѣла на Западѣ. Тамъ народное сознаніе не только не дошло до пониманія государственнаго культа, но и самую идею государства сознавало весьма смутно. Поэтому на западѣ римскія власти насильно вводили культъ императору. Существовавшему тамъ вѣрованію въ геніевъ и ларовъ былъ приданъ характеръ римскаго культа и, въ свою очередь, подъ именемъ *lares Augusti*, они были приняты въ число римскихъ божествъ.

Помимо добровольнаго почитанія римскихъ императоровъ, провинціи были обязаны почитать ихъ еще и официально. Первой и главной обязанностью cadaго провинціального собранія было принесеніе молитвъ и жертвъ за царствующіи домъ. Религіозная церемонія открывалась про-

цессіей во главѣ со жрецомъ, одѣтымъ въ пурпуръ и увѣнчаннымъ золотымъ вѣнкомъ. Въ шествіи принималъ участіе длинный рядъ депутатовъ отъ городовъ и другихъ лицъ, явившихся на торжество; затѣмъ жрецъ отъ имени всѣхъ присутствующихъ приносилъ молитвы за весь императорскій домъ, за сенатъ, за римскій народъ; далѣе слѣдовали жертвоприношенія, возліянія, возженія ладана; все сопровождалось пѣніемъ и пляской. Религіозная часть церемоніи заканчивалась обѣдомъ, въ которомъ участвовали всѣ желающіе ¹⁾).

Почти во всѣхъ провинціяхъ были храмы въ честь Рима и Августа.

Въ главнѣйшихъ городахъ ихъ было нѣсколько. Иногда статуи, воздвигнутыя по постановленію народныхъ собраній, помѣщались въ самомъ Римѣ. На востокѣ Афины были центральнымъ пунктомъ, куда сходились всѣ почести, расточаемыя Гадріану, который былъ особенно почитаемъ провинціалами за свои милости. На западѣ роль Аѳинъ играли провинціальныя храмы въ Тарраконѣ иберійскомъ и Ліонѣ.

Г л а в а IV.

Культь императоровъ и гоненія на христіанъ въ Римской имперіи.

Первыя извѣстія о христіанствѣ въ Римѣ относятся къ времени Клавдія, когда христіанъ считали еврейской сектой. Къ концу перваго вѣка они уже имѣли сторонниковъ среди близкихъ къ императорамъ лицъ. Во 2-мъ вѣкѣ христіанство еще болѣе распространяется, а въ 3-мъ вѣкѣ представляетъ уже обширную организацію, охватившую значительную часть имперіи. Эпоха гоненій на христіанъ начинается при Неронѣ въ 64 г. и съ перерывами продолжается до 313 г. Первоначально преслѣдованія христіанъ имѣли случайный характеръ, но уже Траянъ формулировалъ принципиальную наказуемость христіанства: „розыскивать ихъ не слѣдуетъ, но, если ихъ обвинять и уличать, то ихъ должно казнить. Въ 3-мъ вѣкѣ Септимій Северъ запретилъ переходъ въ христіанство, а Максиминъ требовалъ преслѣдованія клира.

¹⁾ *Куль П.*, Провинціальныя собранія у римлянъ, Харьковъ 1898, стр. 65.

Вмѣсто случайныхъ преслѣдованій, христіанство становится гонимымъ, какъ организація, преслѣдующая цѣли, противныя римскимъ государственнымъ установленіямъ. Со времени Декія язычество съ такимъ озлобленіемъ преслѣдуетъ христіанство, что борьба могла прекратиться только съ окончательной гибелью одной изъ сторонъ.

§ 1. Столкновеніе культа императоровъ съ христіанствомъ.

Христіанство съ самаго начала вполне опредѣленно высказало свое отношеніе къ гражданской власти и императорскому культу. Въ то время, какъ власть императора безусловно господствовала надъ умами гражданъ, одни лишь христіане ускользали отъ ея вліянія. Церковь признаетъ государство, какъ необходимую форму общежитія, установленную самимъ Творцомъ міра и Устроителемъ всего міропорядка ¹⁾. Она признаетъ за нимъ право законодательства, управленія и суда. Христіане должны воздавать гражданской власти все должное: подати, повиновеніе, почтеніе, уваженіе, вѣрность: „будьте покорны всякому человѣческому начальству для Господа“, — пишетъ св. апостоль Петръ: „царю ли, какъ верховной власти, правителямъ ли, какъ отъ него посылаемымъ для наказанія преступниковъ и для поощренія дѣлающихъ добро ²⁾... Бога бойтесь, царя чтите“ ³⁾. Наряду съ этимъ развивается мысль объ исхожденіи власти отъ Бога. Но, признавая за властью величайшее могущество, христіанство рѣшительно разграничиваетъ свѣтскую и духовную компетенцію. Всецѣло подчиняясь свѣтской власти въ мірскихъ дѣлахъ, христіане рѣшительно отказываются признавать за государствомъ право на вмѣшательство въ дѣла вѣры. Значитъ этимъ самымъ христіане лишали правительство значительной части его компетенціи.

Отношеніе къ императорской власти обстоятельно разобрано въ древне-христіанской литературѣ. Слѣдуя завѣту Учителя воздавать Кесарево Кесарю, а Божіе Богу, христіане не могли считать императора богомъ. „Я почитаю императора, писалъ Теофилъ Автолику, но я ему не поклоняюсь,

¹⁾ I посл. ап. Петра, гл. 2, 13—14.

²⁾ I, 2, 13—14.

³⁾ Ibid. 17.

а молюсь за него. Я поклоняюсь только Истинному и Живому Богу, Который сотворилъ императора. Ты меня спросишь, почему я не поклоняюсь императору? Я отвѣчу: потому что онъ созданъ не для поклоненія, а для оказанія ему законнаго почета. Онъ не богъ, но человѣкъ, созданный Богомъ не для поклоненія, но для справедливаго правленія. Это какъ бы слуга, довѣренный Бога. Онъ не допускаетъ, чтобы магистратамъ, находящимся въ его распоряженіи, давали имя императоровъ: подобно тому, какъ только онъ имѣетъ право называться императоромъ, такъ точно Богъ Одинъ имѣетъ право на поклоненіе“ ¹⁾. Св. Іустинъ въ своей апологіи къ Антонинамъ пишетъ: „Мы поклоняемся только одному Богу, но вамъ служимъ съ радостью; мы почитаемъ императора и повелителя людей, мы молимся за могущество императорское, чтобы мудрость царила въ его совѣтахъ“ ²⁾. Въ такомъ же духѣ пишетъ Тертуллианъ въ Апологетикѣ: „Я не могу назвать императора богомъ, потому что не умѣю лгать, а давать ему такое имя—значитъ глумиться надъ нимъ“ ³⁾. „Перестаньте“, обращается онъ къ язычникамъ, „почитать богомъ того, кто самъ нуждается въ Богѣ. Если вы не стыдитесь лести, то побойтесь, по крайней мѣрѣ, того зла, которое она предвѣщаетъ“. И онъ приводитъ поговорку Нерона: называть цезаря богомъ до апоѳеоза, это значитъ приносить ему несчастіе ⁴⁾. Христіане отказываются клясться геніемъ императора, ибо геній есть демонъ, т. е. ложное божество ⁵⁾.

Отказываясь воздавать императорамъ божеское поклоненіе, христіане, однако, признаютъ за ними власть и молятся объ ихъ благополучіи. Аѳинагоръ пишетъ императору: „мы, называемые христіанами, не дѣлаемъ никому вреда; будучи благочестивыми, мы почитаемъ твою императорскую власть“ ⁶⁾. Въ другомъ мѣстѣ мы находимъ такія строки: „кто имѣетъ болѣе права быть выслушаннымъ, чѣмъ мы, молящіеся о благоденствіи твоей имперіи, чтобы

¹⁾ Theoph. ad Autolycum I, 11—12.

²⁾ I, Apolog. 17.

³⁾ Tert. apolog. 33; ad nationes I, 17.

⁴⁾ Apolog. 34.

⁵⁾ Apolog. 33; ad nationes I, 17.

⁶⁾ Athenag. Legat. pro Christ., 1.

отъ отца къ сыну вы передавали власть и чтобы твое все возрастающее могущество могло простираться на всю вселенную. Твое благоденствіе въ нашихъ интересахъ, ибо оно даетъ намъ возможность вести спокойную жизнь, оказывая тебѣ отъ всего сердца должное повиновеніе“¹⁾. Еще прямолинейнѣе высказываетъ ту же мысль Тертуллианъ: „если вы убѣждены“, пишетъ онъ язычникамъ, „что мы не заинтересованы въ жизни цезарей, раскройте наши книги: они— Слово Божіе, мы ихъ ни отъ кого не скрываемъ. Вы изъ нихъ узнаете, что намъ предписано простирать свою любовь даже до молитвъ за нашихъ гонителей. Вы тамъ найдете строгое правило: молитесь за правителей, за ихъ могущество на землѣ, чтобы вамъ пользоваться полнымъ спокойствіемъ“²⁾. „Мы, пишетъ онъ выше, взываемъ къ Богу Вѣчному, Богу истинному, Богу Живому о благополучіи императоровъ. Съ глазами, обращенными къ небу, съ руками, поднятыми кверху, ибо онѣ чисты, съ открытой головой, потому что намъ не за что краснѣть, безъ заранѣе выработанныхъ формулъ, потому что мы молимся отъ сердца, мы постоянно всѣ просимъ для всѣхъ императоровъ, каковы бы они ни были, долгой жизни, спокойнаго правленія, безопасности въ домѣ, силы въ арміяхъ, вѣрности въ сенатѣ, добродѣтели въ народѣ, спокойствія въ мірѣ и всего, чего могутъ желать люди или цезари“³⁾.

Внѣ выраженія божескаго почитанія генія императора христіане были расположены воздавать цезарямъ всякое законное почтеніе. Тертуллианъ ничего не имѣетъ даже противъ клятвы благоденствіемъ императора, намекая на военную клятву: христіане клянутся защищать императора и предпочитаютъ всему его благополучіе. Такая клятва разрѣшалась, и много христіанъ сражались въ императорскихъ арміяхъ подъ римскими орлами. Правда, оказалось нѣкоторое число христіанъ, которые считали подобную клятву несовмѣстимой со званіемъ христіанина и тотъ же Тертуллианъ въ концѣ жизни становится во главѣ этого движенія⁴⁾. Но

1) Ibid. 37.

2) Tertull. Apolog. 31.

3) Tertull. Apolog. 30.

4) См. его сочиненіе Corona militis.

такое ученіе не было ортодоксальнымъ, и многіе изъ христіанъ продолжали служить въ легіонахъ.

Такимъ образомъ столкновение культа императоровъ съ христіанствомъ еще болѣе обострило отношенія правительства къ новой религіи. До сихъ поръ гоненія на христіанъ могли опираться только на весьма неопредѣленный законъ о недозволенныхъ сообществахъ. Теперь же язычество выставляетъ противъ христіанъ болѣе вѣское обвиненіе—нежеланіе подчиниться обязательному для всѣхъ закону о почитаніи императоровъ. Тщетно христіане въ свое оправданіе говорили, что императоръ для нихъ—первый послѣ Бога, что они никогда не принимали участія въ мятежахъ, что они умираютъ, но не возстаютъ, хотя, быть можетъ, могли бы, такъ какъ число ихъ постоянно возрастало. Римскій формализмъ бралъ перевѣсъ надъ содержаніемъ, и оправданія христіанъ были безплодны.

§ 2. Гоненія на христіанъ за неподчиненіе культу императоровъ.

Культъ обожествленныхъ цезарей сыгралъ видную роль въ гоненіяхъ на христіанъ. „Быть можетъ, ни изъ-за чего другого не было пролито такъ много христіанской крови, какъ изъ-за этого рода религіознаго почитанія у римлянъ“, — пишетъ извѣстный церковный историкъ А. П. Лебедевъ ¹⁾. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ никакихъ указаній на роль культа императоровъ въ гоненіяхъ на христіанъ въ первомъ вѣкѣ. Первое несомнѣнное указаніе этого рода относится только къ концу 112 года по Р. Х. Виѣинскій намѣстникъ императора Траяна, извѣстный Гай Плиній Секундъ въ своемъ письмѣ къ императору упоминаетъ о томъ, какимъ образомъ онъ уличалъ христіанъ. Ихъ приводили къ языческимъ святынямъ, въ томъ числѣ къ изображенію императора, и заставляли воздавать имъ поклоненіе и проклинать Христа. Такимъ образомъ культъ императоровъ разсматривается здѣсь, какъ нераздѣльная часть религіи, поклоненіе которой является обязательнымъ.

Въ указанномъ случаѣ дѣло ограничивается лишь требованіемъ воздать поклоненіе изображенію императора. Но

¹⁾ „Эпоха гоненій на христіанъ“, стр. 12.

не всегда бывало такъ. Въ дошедшемъ до насъ мученичествѣ св. Поликарпа Смирнскаго главную роль приобрѣтаеть клятва геніемъ императора. Съ какой бы точки зрѣнія не смотрѣть на это мученичество, признавать ли вполне его достовѣрность или считать легендарными нѣкоторыя подробности, какъ это принято въ церковно-исторической наукѣ,—во всякомъ случаѣ способъ принудить христіанъ къ отреченію должно признать фактически достовѣрнымъ. Дружески расположенный къ св. Поликарпу иринархъ, убѣждая его уклониться отъ наказанія, говоритъ: „Что худого сказать *κρίε καίσαρ*, принести ему жертву и тѣмъ спасти себѣ жизнь?“ Очевидно въ словахъ *κρίε καίσαρ*, произнесенныхъ христіанами, и заключалась формула отреченія отъ Христа. Дѣйствительно, въ дальнѣйшемъ изложеніи мученичества св. Поликарпа вопросъ вращается исключительно въ сферѣ поклоненія генію императора. Между проконсуломъ и мученикомъ произошелъ діалогъ:

— „Пожалѣй свой почтенный возрастъ и не доводи дѣло до своей гибели; поклянись геніемъ цезаря, одумайся и скажи: смерть безбожникамъ (*αἴρε τοὺς ἀθεοῦς*)“.

Поликарпъ грустно и строго посмотрѣлъ на сидѣвшую въ циркѣ бушующую толпу, указаль на нее рукою и произнесъ, обращая глаза къ небу:

— „*αἴρε τοὺς ἀθεοῦς*“.

— „Поклянись геніемъ цезаря,—продолжалъ проконсуль,—и похули Христа“.

Поликарпъ отвѣтилъ:

— „Восемьдесятъ шесть лѣтъ служу я Ему и никакой обиды не потерпѣлъ отъ Него; какъ же я могу похулить Царя Моего, Который спасъ меня?“

Проконсуль продолжалъ склонять Поликарпа къ отреченію:

— „Поклянись же геніемъ цезаря и я отпущу тебя“.

Тогда Поликарпъ замѣтилъ:

— „Напрасно ты дѣлаешь видъ, что не понимаешь меня, предлагая поклясться геніемъ цезаря. Если же ты не хочешь понять меня, я скажу тебѣ ясно; слушай: я христіанинъ“ ¹⁾.

¹⁾ *Болотовъ В. В.* Лекціи по исторіи древней Церкви, томъ II, стр. 94. *Opera Patrum Apostolicorum*, ed. Funk, стр. 290 сл.

Въ этомъ процессѣ обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что клятва именемъ цезаря составляетъ искупленіе за принадлежность къ христіанству. Нѣсколько иначе происходилъ процессъ ихлскихъ мучениковъ, пострадавшихъ въ Каррагенѣ 17-го іюля 180 г., въ первый годъ царствованія Коммода. Acta Martyrum Scilitanorum сохранили разговоръ между судьей—проконсуломъ Сатурниномъ и обвиняемыми:

Сатурнинъ. Вы можете получить милосердіе императора, если одумаетесь и принесете жертвы всемогущимъ богамъ.

Сперать. Мы ничего не дѣлаемъ и не говоримъ дурного, но воздаемъ благодарностью за причиняемое намъ зло. И мы уважаемъ, поклоняемся и боимся Нашего Господа. Которому во всѣ дни приносимъ жертву въ видѣ похвалъ.

Сатурнинъ. И мы религіозны, и наша религія проста, Мы клянемся счастьемъ нашего господина-императора и молимся за его благоденствіе. Вы должны дѣлать то же.

Сперать. Если ты охотно желаешь спокойно меня выслушать, я тебѣ объясню таинство истинной простоты.

Сатурнинъ. Я не желаю выслушивать несправедливостей, которыя ты намѣренъ направить противъ нашей религіи. Поклянись лучше геніемъ императора.

Сперать, а за нимъ и другіе мученики отказываются. Ихъ подвергаютъ казни.

Изъ приведенныхъ случаевъ видно, что уже во 2-мъ вѣкѣ культъ императоровъ пріобрѣтаетъ весьма важное значеніе въ гоненіяхъ на христіанъ. Хотя до насъ дошло только три указанія на требованіе божественныхъ почестей императорамъ въ первые два вѣка, однако, безъ сомнѣнія, этими случаями дѣло вовсе не ограничивалось. Наоборотъ, гораздо правильнѣе полагать, что и въ другихъ подобныхъ случаяхъ культъ императоровъ сохранялъ значеніе, но акты мучениковъ не оставили о немъ свѣдѣній, какъ объ обыкновенномъ сопутствующемъ обстоятельствомъ, не представляющемъ особаго интереса. Къ сожалѣнію, указанные случаи требованія поклоняться императору относятся только къ провинціямъ, гдѣ культъ цезарей имѣлъ болѣе важный политическій характеръ, чѣмъ въ Римѣ. Поэтому, придавая культу

императоровъ серьезную роль въ провинціи, нельзя того же приписать ему въ Римѣ.

Въ *третьемъ* вѣкѣ попытки принудить христіанъ поклоняться императору еще болѣе усиливаются. Во время гоненія Декія епископъ Антиохіи (Писидійской?) Ахаціи былъ приведенъ къ правителю Марціану, который ему сказалъ:

— Ты, какъ человѣкъ, живущій по римскимъ законамъ, долженъ любить нашихъ повелителей.

— Кто же, отвѣчалъ епископъ,—любитъ императора болѣе, чѣмъ христіане? Мы во всѣ дни молимся за него, прося Бога дать ему долгую жизнь, справедливое правленіе, мирное царствованіе; мы далѣе молимся о благоденствіи воиновъ и о сохраненіи міра и имперіи.

— Я одобряю тебя за эти чувства. Но чтобы императоръ болѣе убѣдился въ твоёмъ повиновеніи, предложи ему вмѣстѣ съ нами жертву.

— Я молю Моего Господа, Великаго и Истиннаго Бога о благоденствіи императора; но этотъ послѣдній не имѣетъ права требовать отъ насъ жертвоприношеній, а мы не имѣемъ права ему предлагать. Кто же можетъ воздавать священные почести человѣку? ¹⁾

Въ этомъ повѣствованіи мы находимъ одно лишь требованіе признать культъ императора. Отсутствуетъ даже обычное требованіе отречься отъ Христа. Подобный случай имѣлъ мѣсто и въ 254 году. Нѣкій Полемонъ, уговаривая Піонія отречься отъ христіанства въ концѣ концовъ сказалъ: „Принеси, по крайней мѣрѣ, жертву императору“. Піоній отвѣтилъ: „Я не принесу жертвы человѣку“ ²⁾. Въ 262 году въ Кесаріи Палестинской былъ осужденъ центурионъ Маринъ, какъ христіанинъ, т. е. „какъ отказавшійся воздать божескія почести императору“ ³⁾.

„Дѣянія мучениковъ“ сохранили много рассказовъ изъ эпохи гоненій на христіанъ, когда культъ цезарей игралъ роковую роль. Было бы долго и утомительно перечислять всѣ случаи отказа христіанъ „воздавать божескія почести

¹⁾ *Ruinard*, Acta martyrum Sincera: Acta disputationis S. Achatii, episcopi et martyris 1, p. 139.

²⁾ *Ruinard*, p. 191.

³⁾ Euseb. H. E. VII, 15.

человѣку“. Достаточно сказать, что христіанскіе мученики гораздо чаще были приводимы для поклоненія статуѣ императора, чѣмъ какого бы то ни было бога ¹⁾. Ихъ отказъ давалъ часто поводъ языческимъ писателямъ обвинять христіанъ въ отсутствіи патріотизма и даже антигосударственности. Христіанскіе апологеты оправдываютъ точку зрѣнія христіанъ, противопоставляя свою вѣрность предательству льстцовъ цезарей ²⁾. Понемногу народъ проникается христіанскими идеями и гоненія христіанъ уже не встрѣчаютъ сочувствія въ широкихъ слояхъ населенія. Прѣжнее дикое озлобленіе смѣняется сочувствіемъ ³⁾, и теперь оставалось лишь признаніе за христіанствомъ оффиціального права на самостоятельность.

В. А. Мелиховъ.

(Окончаніе будетъ).

¹⁾ *Roissier, G., Religion romaine, T. I, p. 181.*

²⁾ *Tertull, ad Scap., 2; Apolog., 35.*

³⁾ *Болотовъ, 153—160.*

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ по Харьковской епархіи.

15 Апрѣля

№ 7

1912 года.

Содержаніе. Отношеніе Господина Оберъ-Прокурора Св. Синода на имя Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.—Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.—Епархіальныя извѣщенія.—Объявленіе.—Отъ Правленія Братства Св. Велико-мученицы Варвары при Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ.

1.

Отношеніе Господина Оберъ-Прокурора Св. Синода на имя Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго:

*Высокопреосвященнѣйшій Владыко,
Милостивый Государь и Архипастырь.*

Его Императорское Величество Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу моему, въ 15 день текущаго марта, въ Царскомъ Селѣ, Всемилоствѣйше соизволивъ на принятіе вышедшихъ отдѣльнымъ изданіемъ произнесенныхъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ въ различное время Словъ и Рѣчей, Высочайше повелѣлъ благодарить Васъ, Милостивый Государь и Архипастырь, за поднесеніе сихъ книгъ.

О таковой Всемилоствѣйшей Государя Императора благодарности имѣю честь увѣдомить Ваше Высокопреосвященство, вслѣдствіе отношенія отъ 4 марта за № 118, присовокупляя, что означенныя книги препровождены мною въ собственную Его Императорскаго Величества бібліотеку.

Испрашивая молитвъ Вашихъ, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть

Вашего Высокопреосвященства,
Милостиваго Государя и Архипастыря
покорнѣйшимъ слугою
Владиміръ Саблеръ.

Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.

5 марта с. г. къ Его Высокопреосвященству Высокопреосвященнѣйшему Арсенію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому, поступило отношеніе комитета по Высочайше разрѣшенной Всероссійской подпискѣ на памятникъ педагогу К. Д. Ушинскому отъ 2 марта с. г. за № 87, въ коемъ комитетъ проситъ оказать возможное содѣйствіе сбору пожертвованій. О чемъ и сообщается для свѣдѣнія духовенства и лицъ сочувствующихъ дѣлу устройства памятника извѣстному педагогу К. Д. Ушинскому.

Епархіальныя извѣщенія.

1) Объ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) Псаломщикъ Іоанно-Предтеченской церкви с. Мѣловатки, Купянскаго уѣзда, *Иванъ Даниловъ* 4-го апрѣля опредѣленъ на діаконское мѣсто при Александро-Невской церкви с. Рай-Александровки, Изюмскаго уѣзда.

б) Бывшій воспитанникъ Харьковской Духовной Семинаріи, *Дмитрій Строевскій* 16 марта опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Архангело-Михайловской церкви с. Васильевскаго, Купянскаго уѣзда.

в) Сынъ священника *Александръ Бѣликовъ* 19 марта опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Іоанно-Предтеченской церкви с. Снѣжкова Кута, Валковскаго уѣзда.

2) О перемѣщеніи священно-церковно-служителей на другія мѣста.

а) Діаконъ Іоанно-Богословской церкви с. Шандриголовой, Изюмскаго уѣзда, *Игнатій Власовскій* 12 марта перемѣщенъ на діаконское мѣсто при Преображенской церкви с. Половинкиной, Старобѣльскаго уѣзда.

б) Діаконъ Георгіевской церкви с. Новоселовки, Изюмскаго уѣзда, *Андріанъ Ковтунъ*, согласно прошенію, 4 апрѣля перемѣщенъ на діаконское мѣсто при Іоанно-Богословской церкви с. Шандриголовой, Изюмскаго уѣзда.

в) Псаломщикъ Іоанно-Предтеченской церкви с. Снѣжкова Кута, Валковскаго уѣзда, *Александръ Базилевскій* 12 марта перемѣщенъ на псаломщицкое мѣсто при Николаевской церкви с. Рясного, Богодуховскаго уѣзда.

г) Псаломщикъ Старобѣльскаго Покровскаго собора *Георгій Любарскій* 27 февраля перемѣщенъ на псаломщицкое мѣсто при Александро-Невской церкви сл. Тополей, Купянскаго уѣзда.

а) Псаломщики церквей: Иоанно-Богословской—с. Большихъ Проходовъ, Харьковскаго уѣзда, *Симеонъ Барвинскій* и Николаевской—с. Русской Лозовой, того-же уѣзда, *Павель Должанскій* 17 марта перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

3) Объ увольненіи за штатъ.

Псаломщикъ Покровской церкви с. Пархомовки, Богодуховскаго уѣзда, *Сергій Станковъ*, согласно его прошенію, 4 апрѣля уволенъ за штатъ.

4) Объ утвержденіи и. д. псаломщика въ должности.

а) И. д. псаломщика Архангело-Михайловской церкви с. Ольхового Рога, Изюмскаго уѣзда, *Григорій Войтовъ* 17 марта утвержденъ въ должности псаломщика.

б) И. д. псаломщика Рождество-Богородичной церкви с. Николаевки, Сумскаго уѣзда, *Никифоръ Николаенко* 3 апрѣля утвержденъ въ должности псаломщика.

5) Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

а) Къ церкви с. Преображенской, Купянскаго уѣзда, утвержденъ старостою 17 марта кр. *Петръ Подопригора*.

б) Къ церкви с. Преображенской, Зміевского уѣзда, утвержденъ старостою 17 марта кр. *Григорій Добровольскій*.

в) Къ церкви с. Алексѣевки, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ старостою 17 марта кр. *Иоаннъ Ересковскій*.

г) Къ церкви с. Шелестовой, того-же уѣзда, утвержденъ старостою 19 марта кр. *Василій Оедоренко*.

д) Къ церкви с. Гинѣвки, Зміевского уѣзда, утвержденъ старостою 20 марта кр. *Иоаннъ Половинка*.

е) Къ церкви хутора Кряковки, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ старостою 21 марта кр. *Спиридонъ Кряковцевъ*.

ж) Къ церкви с. Гладкова, того-же уѣзда, утвержденъ старостою 21 марта кр. *Андрей Толмачевъ*.

з) Къ церкви с. Дудковки, Зміевского уѣзда, утвержденъ старостою 24 марта кр. *Василій Знайченко*.

и) Къ Свято-Духовской церкви г. Харькова утвержденъ старостою 30 марта кр. *Иванъ Гура*.

і) Къ Покровской церкви с. Межирича, Лебединскаго уѣзда, утвержденъ старостою 31 марта кр. *Моисей Серобаба*.

к) Къ Крестовоздвиженской церкви той-же слободы и того-же уѣзда утвержденъ старостою 31 марта кр. *Василій Вакула*.

л) Къ церкви с. Надеждовки, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ старостою 2 апрѣля потомств. дворянинъ *Александръ фонъ-Циглеръ*.

м) Къ Мирносицкой Кладбищенской церкви гор. Лебедина, утвержденъ старостою 2 апрѣля мѣщанинъ *Сергій Воскобойниковъ*.

н) Къ церкви с. Низшей Верхосумки, Лебединскаго уѣзда, утвержденъ старостою 3 апрѣля кр. *Григорій Могильный*.

6) Вакантныя мѣста.

а) Священническія:

При Александро-Невской ц. с. Тополей, Куп. уѣзда.

„ Рождество-Богородичной ц. с. Карповки, Изюм. уѣз.

б) Псаломщицкія:

При Покровской ц. с. Любовки, Богодух. уѣз.

„ Иоанно-Предт. ц. с. Мѣловатки, Куп. уѣз.

„ Покровской ц. с. Пархомовки, Богод. уѣзда.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е.

Совѣтъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища симъ объявляетъ, что пріемные экзамены для поступленія въ первый классъ училища будутъ производиться 21, 22 и 23-го мая сего года.

Отъ Правленія Братства Св. Великомученицы Варвары при Харьковскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ.

Въ печатный отчетъ Братства Св. Великомученицы Варвары за 1911 годъ вкралась ошибка, а именно: священникъ сл. Малиновой, Зміевскаго уѣзда, о. Василій Недохлѣбовъ внесъ въ Братство 10 рублей, какъ и записано въ книгѣ прихода подъ №№ 53 и 111, а не 10 коп., какъ напечатано въ отчетѣ.

II.

Содержаніе. Слово въ память 300-лѣтія блаженной кончины святѣйшаго патріарха всея Россіи Гермогена. *Свящ. І. Филевскаго.*—Миссіонерскій листокъ. Религіозное броженіе въ слободѣ Муратовой, Старобѣльскаго уѣзда. *Архимандрита Арсенія.*—Епархіальная хроника. Наша экскурсія 1911 года. (Окончаніе).—Иноепархіальный отдѣлъ. О церковныхъ бібліотекахъ.—Епархіальная касса пособій учащимся дѣтямъ духовенства въ Калужской епархіи.—Разныя извѣстія и замѣтки. Современный романъ.—Объявленія.

С Л О В О

въ память 300-лѣтія блаженной кончины святѣйшаго патріарха всея Россіи Гермогена

(† 17 фев. 1612 г.)¹⁾.

*„Блаженъ, его-же избралъ и пріялъ
есть Господь“.*

Сегодня вся православная Россія поминаетъ заупокойными молитвами и моленіями великаго патріарха-патріота и священномученика Гермогена, одного изъ наиболѣе властныхъ и праведныхъ святителей нашихъ, оставившихъ наиболѣе глубокой слѣдъ въ исторіи и жизни родной страны и нашей православной Церкви.

И сколько беззавѣтной любви къ великому святителю-патріоту и спасителю родины въ этихъ нашихъ духовныхъ молитвахъ и святой вѣрности ему! Сколько воскресаетъ въ нихъ самой чистой вѣры въ него и спасительныхъ надеждъ, живого воодушевленія и неподдѣльнаго восторга!

Все это благоуханный плодъ всенародной любви и глубокой, неискоренимой благодарности къ святителю народолюбцу, безтрепетному исполнителю своего долга, ревнителю вѣры и всероссійскому чудотворцу. И самыя молитвы о немъ горятъ въ ясномъ сознаніи великихъ историческихъ заслугъ этого „пламеннаго исповѣдника православія“,--тѣхъ заслугъ, которыя никогда не умираютъ, а еще больше крѣпнютъ въ вѣчной памяти и восхищенныхъ воспоминаніяхъ современныхъ и послѣдующихъ поколѣній.

Въ эпоху патріарха Гермогена „смутное время“ стояло

¹⁾ Произнесено предъ панихидой въ церкви Харьковскаго Коммерческаго училища Императора Александра III, 17 февр. 1912 г.

на Святой Руси. Это было время ужаснаго безначалія и дикой безгосударственности, мрачная „эпоха междуцарствія“, самозванцевъ, „перелетовъ“ и „воровъ“, время взаимнаго недовѣрія, всеобщаго мятежа и „междоусобной брани“, лютаго предательства, клятвопреступленія и измѣны русскому государству и Церкви. Тяжелое время! Мрачные годы!

И вотъ въ эту страшную эпоху общаго государственнаго и правственнаго паденія, помраченія народной совѣсти и забвенія своего патріотическаго долга явился „на Божественной стражѣ“ православія и Россіи, русской Церкви и государства Московскій первоіерархъ, патріархъ-патріотъ Гермогенъ. Онъ выступилъ на защиту поправныхъ русскихъ святынь и лучшихъ идеаловъ жизни и вѣры русской,—и совершилось великое чудо, вошедшее въ нашу исторію золотымъ звеномъ, какъ неподлежащій сомнѣнію фактъ, какъ событіе, не требующее никакихъ особыхъ провѣрокъ и „внѣшнихъ доказательствъ“, чтобы величавую личность и свѣтлое имя Московскаго святителя поставить на недосыгаемую высоту, окружить ореоломъ исторической славы и безсмертія.

Чудо это—избавленіе Россіи отъ ига иноземцевъ и избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова, родоначальника нынѣ царствующей династіи нашихъ Боговѣнчаныхъ и великихъ Государей.

Чудо это есть всецѣлый подвигъ святой любви, непоколебимой твердости и мужественной стойкости въ православіи патріарха-патріота и могучей вѣры его въ единую Россію. Чудо это есть и даръ Божій, и великое дѣло всей жизни святителя, родину свою и благо ея до смерти возлюбившаго.

Читая историческія лѣтописи о времени, жизни и дѣятельности патріарха Гермогена, мы видимъ, какъ вся Россія наша была тогда унижена, оскорблена и обезсилена. Москва была занята поляками. Въ самое сердце Россіи прошло огненное оружіе врага и местника. Сигизмундъ III, польскій король, почти завладѣлъ Московскимъ царскимъ престоломъ. Вся страна, томимая безконечными междоусобицами, смущаемая русскими приверженцами польскаго короля и переметчивыми боярами, совсѣмъ, было, отдалась подъ чужеземную власть. „Семибоярщина“ пожелала и уже совсѣмъ рѣшилась возвести на русскій престолъ Сигизмундова сына Владислава. Въ Москвѣ народъ присягалъ уже на вѣрность

этому польскому королевичу. И „Москвѣ,—по словамъ самаго патріарха Гермогена,—пришло разореніе и запустѣніе святыхъ Божіихъ церквей“. Латинскимъ пѣніемъ оглашались уже древніе дворцы Московскихъ царей.

Въ огнѣ и бурѣ этой смуты и расшатанной государственности одна Церковь была надежнымъ оплотомъ русской національности и общественности. Только въ родномъ православіи таились ростки здоровой государственности, народнаго самосознанія и религіознаго оправданія русской исторіи и жизни.

Никогда, кажется, такъ явственно не выступала могучая сила православія въ судьбахъ нашего отечества, какъ въ это смутное время на Руси. Православіе было тогда все для русскаго народа, это было не „вѣроисповѣданіе“ только народа, а больше того. Это была вся мудрость народная и государственная, политическая и религіозная. Это была духовно-творческая стихія и всенародная правда жизни государственной. И, только почувствовавъ это, можно понять, что такое была тогда православная Церковь въ дѣлѣ созданія Россіи и что такое было въ русской исторіи патріаршество, а вмѣстѣ съ тѣмъ понять всю огромность дѣла и значенія патріарха Гермогена. Патріархъ Гермогенъ былъ единственнымъ „начальнымъ человѣкомъ“ въ русской землѣ. Онъ возвышался, какъ непреоборимый колосъ истины и правды, какъ воплощеніе самоотверженной любви. На немъ почтили взоры всей измученной Россіи. Вокругъ него собрались всѣ вѣрные русской государственности и народности сыны русской земли. Въ него повѣрилъ народъ до степени религіознаго чувства и творческаго одушевленія и ждалъ отъ него рѣшающаго слова.

И слово это произнесъ патріархъ Гермогенъ. И это слово было услышано сердцемъ и душой народа, и оно было не въ пользу польскаго фанатика Сигизмунда и его дѣла.

Не тайной для Гермогена были истинные замыслы Сигизмунда, мечтавшаго поработить Россію римской вѣрѣ и польскому народу. И первая заслуга патріарха Гермогена была въ томъ, что онъ раскрылъ глаза всѣмъ русскимъ людямъ на эти коварные планы Сигизмунда. Онъ первый указалъ на нихъ боярамъ и народу и въ призывныхъ рѣчахъ,

и въ пламенныхъ грамотахъ. Онъ первый потребовалъ избранія Царя изъ русскихъ вельможъ и изъ православныхъ. И когда торжественное боярское посольство во главѣ съ княземъ Василиемъ Голицынымъ и митрополитомъ Ростовскимъ Филаретомъ (бывшимъ бояриномъ Θεодоромъ Никитичемъ Романовымъ) отправлялось къ Сигизмунду въ Смоленскъ, осаждаемый поляками, для окончательныхъ переговоровъ относительно избранія на царство королевича Владислава, онъ не далъ своей подписи подъ этимъ вѣроломнымъ приказомъ „отдаться во всемъ на волю королевскую“. Тогда онъ наказывалъ боярамъ: „если королевичъ на Московское государство не будетъ, въ православную христіанскую вѣру не крестится и Литвы изъ Московскаго государства не выведетъ, то благословлю всѣхъ идти подъ Москву и помереть за православную вѣру“.

И благословлялъ патріархъ Гермогенъ „благословеніемъ святительскимъ“ всѣхъ ополчиться на спасеніе вѣры и отечества. Онъ всѣхъ разрѣшилъ отъ присяги, данной Владиславу и поднялъ „крестовый походъ“ всей Россіи противъ иноземцевъ. Зазвучали призывныя рѣчи съ высоты патріаршаго престола. Полетѣли, какъ птицы вѣщія, грозныя грамоты во всѣ концы Россіи.

Отвѣтомъ на этотъ призывъ были земскія дружины и народныя ополченія подъ начальствомъ думскаго дворянина Прокопія Ляпунова, князя Димитрія Михайловича Пожарскаго и земскаго старосты Косьмы Минина Сухорукаго. Это Русь шла на защиту Москвы, раззоренной и спаленной пожаромъ, а вмѣстѣ на защиту православія и русской народности.

Православное духовенство и важнѣйшіе монастыри, бывшіе въ то же время и крѣпостями, явились сильною опорю для защиты отечества отъ иноземцевъ, для возстановленія внутренняго единства и для спасенія Московскаго государства отъ всеобщей „разрухи“ и лихолѣтья. Центромъ народной борьбы съ врагами вѣры и русскаго государства стала святая Троице-Сергіева Лавра. Молніеносныя грамоты преподобнаго архимандрита Діонисія и келаря Авраамія Палицына возбуждали всюду, въ народѣ и городахъ, сильное воодушевленіе, религіозный патріотизмъ.

Въ своей борьбѣ съ иноземцами и иноземнымъ влія-

ніемъ патріархъ Гермогенъ былъ непоколебимъ, какъ несокрушимый адамантъ. Это примѣръ героической твердости, мужества и стойкости, неподкупной честности и душевной красоты въ отстаиваніи завѣтныхъ идеаловъ русской исторіи и святынь православной вѣры. Напрасно поляки угрожали ему „злой смертью“, если онъ не остановитъ ополченцевъ, стягивавшихся со всѣхъ сторонъ къ Москвѣ. „Я не боюсь угрозъ вашихъ,—отвѣчалъ имъ патріархъ, —вы мнѣ обѣщаете смерть, но черезъ нее я чаю получить вѣнецъ мученической и жизнь вѣчную. Вы умертвите это дряхлое тѣло, но самъ Господь приметъ душу мою, и къ стонамъ Его сложу я свой пастырскій посохъ, не переставая умолять: да ниспошлетъ Онъ Свою небесную помощь на защиту Руси“.

Патріархъ Гермогенъ непреклонно требовалъ отъ поляковъ твердыхъ гарантій въ православіи королевича Владислава и невмѣшательства самого Сигизмунда во внутреннія дѣла Россіи. Но ни Сигизмундъ, ни польскій народъ не могли дать ихъ, да и не желали. Самъ Сигизмундъ хотѣлъ царствовать въ Москвѣ подъ именемъ сына своего. Тогда поляки заточили своего непримиримаго врага въ Чудовъ монастырь, *бросили* (Дѣян. 17, 37) въ мрачное и сырое подземелье этого монастыря.

Но плѣнный святитель—страстотерпецъ Гермогенъ, „*терпящій недостатки, скорби и озлобленія*“ (Евр. 11, 37), сталъ для поляковъ еще грознѣе, еще опаснѣй. Мрачная темница стала храмомъ неизреченнаго Богочестія и молитвъ патріарха за всю Русь, а адскія мученія и святые воздыханія его изъязвленнаго сердца поднимались къ небу, какъ кадило благовонное, какъ моленіе о праведномъ возмездіи врагамъ какъ жертва Богоугодная.

Слава страдальца за родину, а затѣмъ и свѣтлый ореолъ мученика, жизнь свою положившаго за родную вѣру и родной народъ, съ новой силой осѣнилъ въ душѣ и совѣсти народа и всей русской земли патріарха-патріота и доблестнаго святителя Гермогена, и мысль о его „честныхъ страданіяхъ, болѣзняхъ и трудахъ“ возбуждала и поднимала народъ сильнѣе, соединяла дружнѣе, чѣмъ вдохновенные призывы Прокопія Ляпунова, преподобнаго Діоѳисія и келаря Авраамія Палицына.

Грозныя ополченія шли на подмогу Москвѣ, на пожа-

рище ея. Вотъ новгородское ополченіе подъ предводительствомъ Косьмы Минина и князя Дмитрія Пожарскаго уже на пути въ Москву, а въ темницѣ Чудова монастыря русскіе отщепенцы, подосланные поляками, уговариваютъ святаго Гермогена отписать этой рати „не ходить на Москву“ Но Гермогенъ неумолимъ, и изъ нѣдръ темницы неумолчно онъ взывалъ на всю Русь православную: „да будутъ благословенны тѣ, что идутъ для очищенія Московскаго государства; да будетъ съ ними милость Божія и благословеніе нашего смиренія; на васъ же,—добавилъ онъ, обращаясь къ пришедшимъ, да измется гнѣвъъ Господень!“

И это молитвенное предсмертное благословеніе и завѣщаніе патріарха Гермогена на великій подвигъ самозащиты почило на Руси. Русскіе ополченцы „прогнали полки чужихъ“ (Евр. 11, 34). Вскорости, послѣ мученической кончины патріарха Гермогена, Москва была освобождена отъ поляковъ, смута прекратилась и на Московскій престолъ былъ избранъ 21 февраля 1613 г. Михаилъ Феодоровичъ Романовъ. Онъ возсіялъ, какъ утренняя звѣзда-благовѣстница желаннаго всѣми мира, согласія и единства великой Россіи.

Со времени мученической кончины великаго гражданина земли русской, патріарха Гермогена, прошло 300 лѣтъ. Все историческое значеніе совершеннаго имъ чуда избавленія Россіи отъ ига иноземцевъ предъ нашими глазами. Никто и ничто не можетъ затмить этого великаго, незабвеннаго чуда, чуда истиннаго, чистаго патріотизма, совершеннаго великимъ патріотомъ—патріархомъ при жизни. Мы не требуемъ особыхъ чудесъ и иныхъ знаменій для всенароднаго и общерусскаго прославленія памяти знаменитаго Московскаго патріарха—спасителя отечества въ годину страшныхъ искушеній! Мы живемъ однимъ этимъ чудомъ, его благодатію и дивнымъ великолѣпіемъ. Весь нашъ народъ, вся національная исторія нашей культуры и народной совѣсти навѣки запомнила одно это чудо патріарха Гермогена, чудо, совершенное имъ 300 лѣтъ тому назадъ. И мы радуемся этому святому чуду, живемъ въ спасительныхъ силахъ его, въ великихъ надеждахъ его.

Но и самый духовный ликъ патріарха Гермогена истинно—великъ и свѣтозаренъ. Святость и праведность его предъ нами-же всѣми. Предъ нами величавый и радующій образъ

русскаго человѣка—гражданина непреклонной нравственной
 мощи, безстрашнаго вдохновителя и вождя національно-
 государственнаго движенія начала XVII вѣка. Предъ нами
 чудный ликъ народнаго безсмертнаго героя и страстотерпца
 —подвижника, духоносный ликъ непобѣдимаго богатыря
 сильнаго духа и великой воли. Это нерушимый столпъ род-
 ного православія, пламенный исповѣдникъ его и священно-
 мученикъ—чудотворецъ. Въ немъ неизъяснимо прекрасно
 воплощенъ одинъ изъ величайшихъ моментовъ отече-
 ственной исторіи—воскрешеніе русской самобытной гражданст-
 венности и образованіе новаго Московскаго государства,
 когда на Руси некому стало повиноваться.

И святая гробница великаго святителя Гермогена съ
 его нетлѣнными и цѣлебными мощами въ Успенскомъ
 соборѣ въ Москвѣ прославлена въ народѣ, какъ Богопріим-
 ная трапеза, какъ чистый алтарь народной вѣры и любви
 къ великому русскому человѣку, *святому патриоту*, до смерти
 отстаивавшему сердце родной Россіи, ея священные завѣты
 и вѣковыя скрижали.

Приникнемъ и мы, братіе, мысленно, молитвенно въ
 тайну этой священной гробницы и въ тайну чуда святого
 патріарха Гермогена, совершеннаго 300 лѣтъ тому назадъ.
 И пусть нетлѣнный, тихій и радостный свѣтъ ея озарить
 всѣхъ насъ и воодушевить на подвигъ благородный—на
 беззавѣтное служеніе нашей дорогой и пріснолюбимой ро-
 динѣ и святой православной вѣрѣ. Аминь.

Священникъ Іоаннъ Филевскій.

МИССИОНЕРСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Религіозное броженіе въ слободѣ Муратовой, Старо- бѣльскаго уѣзда.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1911 г., въ слободу Муратову на
 освободившееся мѣсто священника былъ назначенъ окон-
 чившій въ 1910—11-мъ учебномъ году курсъ Харьковской
 Духовной Семинаріи Іаковъ Лѣвскій.

Молодой и энергичный пастырь сразу же обратилъ вни-
 маніе на состояніе своего прихода въ религіозно-нравствен-

номъ отношеніи и прямо пришелъ въ ужасъ отъ того религіознаго индифферентизма, какимъ отдавало отъ его духовнаго стада.

Изучая причины этого бѣдствія, онъ усмотрѣлъ какъ главную изъ нихъ близость каменно-угольныхъ рудниковъ (въ 4-хъ верстахъ), гдѣ простецы мужички, работая въ нѣдрахъ земли и добывая оттуда богатства природы, сталкиваются съ отбросами общества и всякаго рода отщепенцами и за приличную работную плату теряютъ и продаютъ свои религіозные и нравственные устои. Работая въ теченіи недѣли подъ землей и обливаясь потомъ отъ усиленныхъ трудовъ, этотъ труженникъ, показавшись на поверхность земли, забываетъ, какъ дорого достались ему полученные деньги, и вмѣстѣ съ своими темными компаніонами пропиваетъ послѣднія копейки, не щадя ни пристарѣлыхъ родителей, ожидающихъ помощи отъ работника сына, ни кровныхъ дѣтей и родной семьи.

Стоны несчастныхъ родителей, вопли жены, слезы полуголыхъ, полуголодныхъ дѣтей—заставляютъ несчастнаго пропойцу на время очнуться и взяться за умъ. А тутъ „товарищи“ напѣваютъ о томъ, что не надо слишкомъ заботиться о домашнихъ, не надо копить про черный день, такъ какъ скоро пойдемъ на поповъ и пановъ, землю раздѣлимъ, поповъ перебьемъ и будемъ полными хозяевами; тогда будетъ вдоволь всего и всѣмъ. На такой почвѣ постепенно заглушается голосъ совѣсти и человекъ превращается въ звѣря. Ему не милъ родной православный храмъ, гдѣ раздаются призывы къ покаянію, къ любви къ Богу и ближнему; ему врагомъ кажется пастырь-глашатай истины и врачъ души; ему лишнимъ, ненужнымъ бременемъ становятся всѣ устои и обряды Церкви. Христось, съ Его крестомъ, ему чуждъ и тяжелъ и онъ, подобно жителямъ страны Гадаринской, ради свиного стада, говоритъ: „уйди отъ меня“.

Это общій недугъ, отражающійся на всемъ населеніи слободы Муратовой.

Но среди этой крайне деморализованной массы выдѣляются единицы, которыя берутся вести пропаганду безвѣрія и чистой революціи.

Въ слоб. Муратовой нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ толстовецъ—Шейрманъ, сынъ выкреста еврея, который рас-

пропагандировалъ Толстовскія идеи настолько успѣшно, что гражданскія власти обратили серьезное вниманіе и административно выслали его безъ права появляться въ Муратовой.

Этотъ самый Шейерманъ, не показываясь лично, не прекращаетъ своей пропаганды путемъ письменныхъ сношеній съ избранными единомышленниками изъ крестьянъ слободы Муратовой, которые подъ вліяніемъ Шейерманскихъ идей и создали въ настоящее время религіозное броженіе въ слободѣ Муратовой. Это религіозное броженіе въ опредѣленную форму не вылилось, хотя достаточно опредѣлилось. Крестьяне слободы Муратовой Маркъ Лѣснякъ, дер. Капитановой Моисей Ткаченко и Кондратъ Бутенко и хутора Боброваго Бардаковъ явно отдѣлились отъ общенія съ православною церковью и стали распространять свое ученіе. Ученіе ихъ направлено къ уничтоженію православною вѣры и Церкви съ ея пастырями, таинствами и обрядами. Иисуса Христа Сыномъ Божиимъ признаютъ, такъ какъ и каждый изъ насъ сынъ Божій, Божию Матерь кощунственно называютъ блудницей, прижившей съ Іосифомъ внѣ брака младенца Иисуса. Святую Троицу отрицаютъ, святыхъ угодниковъ не признаютъ, Библию признаютъ только въ извѣстныхъ частяхъ, а изъ Евангелія почерпаютъ то, что имъ понравится. При обыскѣ, произведеннымъ чинами полиціи въ сентябрѣ мѣсяцѣ минувшаго года въ домѣ крестьянина хутора Боброваго Бардакова, взята была книга подъ заглавіемъ: „Религіозные отщепенцы“, сочиненіе А. С. Пругавина, изданіе „Посредника“. Въ этой книгѣ, какъ удалось сдѣлать выдержки приходскому пастырю о. Іакову Лѣпскому, выводится типъ религіознаго отщепенца Сютаева.

Въ разсужденіяхъ Сютаева раскрывается взглядъ на жизнь бытовую, религіозную и политическую. Въ отношеніи жизни бытовой проводится особый взглядъ на собственность. У человѣка нѣтъ ничего своего, а все Божье, все создано Богомъ для всѣхъ вообще, всякій имѣетъ право брать другъ у друга все, что ему пожелается. Земля не царская, а Божья, и мы должны ею обладать, на что, молъ, есть указаніе въ священномъ писаніи—Дѣян. 4-я глав. 32-й стихъ.

На религіозную жизнь проводится тоже особый взглядъ. Сютаевъ церкви не признаетъ, потому что тамъ любостыжаніе, а не любовь; церковь—человѣкъ, а мы церковь сдѣлали

вертепомъ, наставили идоловъ, торгуемъ въ ней. Водное крещеніе не нужно, нужно переродиться духомъ, это значитъ умертвить свои грѣхи и переродить свое сердце; да и вообще всѣ таинства пустые обряды, которые не только никого изъ людей не останавливаютъ отъ грѣха и злыхъ дѣлъ, но напротивъ еще болѣе спосубствуютъ усиленію человѣческой грѣховности. Люди теперь постоянно грѣшатъ, нарушаютъ заповѣди Божіи, надѣясь, что все это немедленно будетъ прощено, какъ только они сходятъ на исповѣдь и примутъ Причастіе. Священники—корыстолюбцы, у которыхъ крестъ подрядчикъ, которымъ махнулъ и есть 20 копѣекъ. Бракъ отрицается, такъ какъ любовь должна быть между всѣми и нечего разбирать между женами и снохами и проч. Иконы не боги, а каменные или деревянные идолы, которымъ поклоняться никакъ нельзя. Крестъ долженъ быть въ душѣ и сердцѣ, а поэтому не нужно креститься, не нужно поклоновъ,—Богъ не богатый мужикъ, который любить поклоны. Постовъ не надо, у Бога всѣ дни одинаковы, есть что ѣсть—ѣмъ, а нѣтъ—постись; праздниковъ не надо—въ работѣ грѣха не бываетъ. Святымъ молиться нельзя; когда мы молимся святымъ, то этимъ самымъ предпочитаемъ святаго Богу; собираютъ деньги на святыхъ—оголодалъ ли святой? Обрядовъ никакихъ не надо; хоронить на кладбищѣ не надо, вся земля освященная. Рай на землѣ.

Война величайшая несправедливость, грѣхъ противъ заповѣди „Не убей“; присяги не признаютъ.

Изъ бесѣды приходскаго священника о. Якова Лѣпскаго съ отщепенцами слободы Муратовой видно, что они усвоили это ученіе и можно было бы ихъ отнести къ сектѣ Сютаевцевъ, но они сами это отрицаютъ и нѣкоторые изъ нихъ хотятъ отнести себя къ сектѣ баптистовъ.

Февраля 16-го числа сего года выѣзжалъ миссіонеръ отецъ Архимандритъ Арсеній съ цѣлью побесѣдовать съ отщепенцами и узнать о ихъ упованіи. Вызванный полиціей Маркъ Лѣснякъ давалъ приблизительно слѣдующіе отвѣты. На вопросъ, какого онъ упованія, Лѣснякъ отвѣтилъ: никакого.—Вѣруеть ли онъ въ Бога? отвѣтилъ—да.—Что такое Богъ? Богъ есть духъ, вездѣсущій, всемогущій и всенаполняющій.—Вѣруеть ли въ Пресвятую Троицу? Нѣтъ; какъ Богъ одинъ, а троиченъ въ лицахъ, не могу понять, а по-

сему и не вѣрую.—Евангеліе признаешь? признаю.—Въ евангеліи сказано, что отъ Дѣвы Маріи родился Сынъ Божій Иисусъ Христосъ. Признаешь ли ты Его за Единороднаго Сына Божьяго? Нѣтъ,—Онъ такой Сынъ Божій, какъ и мы сыны Божіи.—Признаешь ли, что Архангелъ Гавріиль, явишись къ Дѣвѣ Маріи, благовѣствовалъ ей о рожденіи отъ нея отъ Духа Святаго? Читалъ-читалъ, а вѣрно не скажу, являлся ли ей „отецъ“ Гавріиль и такъ ли это было, какъ написано?—Признаешь ли за Иисусомъ Христомъ дѣло искупленія рода человѣческаго? Нѣтъ.—Почему ты одному въ евангеліи вѣришь, а другое отрицаешь? Потому что у меня такое убѣжденіе.—Откуда ты составилъ это убѣжденіе, какимъ матеріаломъ пользовался? Читалъ произведенія Толстого и другихъ.—Значить ты толстовецъ? Нѣтъ.—Значить ты Сютяевецъ? Нѣтъ.—Значить ты новоизраиль? Нѣтъ.—Но кто же ты по упованію? Я самъ себѣ.—Но вѣдь ты имѣешь единомышленниковъ? Нѣтъ.—Моусей Ткаченко и Кюдратъ Бутенко съ тобой бываютъ вмѣстѣ, сходитесь вы, толкуете о вопросахъ вѣры? Нѣтъ, мы не во всемъ сходимся.—Съ Шейферманомъ ты находишься въ общеніи? Сейчасъ нѣтъ, а раньше былъ.—А письма ты отъ него получаешь? Да, иногда.—Церковь ты признаешь? Каменную не признаю.—А какую признаешь? Признаешь ли ты живую церковь, какъ общество людей? Нѣтъ, не признаю.—Признаешь ли ты пастырей церкви? Вижу, что люди признаютъ, а мнѣ они не нужны.—Имѣешь ли ты какихъ руководителей? Нѣтъ, не имѣю, я самъ себѣ.—Почему ты самъ себѣ? Потому что такъ хорошо.—Стараешься ли ты, чтобы и другимъ было хорошо? Стараешься ли внушить свое ученіе и другимъ? Нѣтъ. Я никому не навязываю своего ученія:—Значить ты не любишь ближняго! Нѣтъ, люблю.—Въ чемъ же ты выражаешь свою любовь? Въ томъ, что не дѣлаю зла.—А добро какое нибудь дѣлаешь? Могу дѣлать, могу нѣтъ.—Ты имѣешь любовь отрицательную, а положительной не проявляешь, а это недостаточно. Бракъ ты признаешь? Да, признаю, если кого полюбилъ, то съ тѣмъ и буду жить.—А если послѣ не полюбится, ты перемѣнишь? Нѣтъ.—Почему? Я долженъ выбрать заранѣе.—Иконы признаешь?—Нѣтъ.—Почему? Потому что сказано въ законѣ „Не сотвори себѣ кумира“.—Гдѣ же

сказано? Въ библии.—А вѣдь тамъ черезъ два листа сказано: „сдѣлай двухъ херувимовъ“ Ты признаешь и это? Нѣтъ.— Почему? Потому что сначала было написано „не сотвори“. Если бы сначала было написано „сдѣлай изображеніе двухъ херувимовъ“, я бы признавалъ, а теперь дальше я не хочу читать.—Но вѣдь евангеліе написано послѣ, ты же признаешь евангеліе? Да, что мнѣ нравится, то я признаю.—Все же скажи, какихъ ты упованій держишься? Вѣдь по всему видно, что ты безбожникъ. Нѣтъ, вы этимъ меня оскорбляете.—Признаешь ли клятву—присягу? Нѣтъ, клятвы я не признаю.

Во все время бесѣды Лѣснякъ велъ себя развязно, говорилъ съ апломбомъ, лукаво улыбаясь, не взирая на присутствіе жандармскаго ротмистра, становаго пристава и двухъ священниковъ.

На жителей слоб. Муратовой особенно деморализующе дѣйствуетъ безнаказанность кашунниковъ и на этой почвѣ разгорается огонь безразличія въ вѣрѣ и холодность въ жизни религіозно-церковной.

Разъ такимъ безбожникамъ можно жить на свободѣ, то значить, думаютъ темные простецы, вѣра православная потеряла прежнюю святость. Отъ сего храмъ православный пустуетъ и всѣ призывы приходскаго пастыря остаются глазомъ вопіющаго въ пустынѣ. Гражданская власть, правда, обратила вниманіе на политическія убѣжденія этихъ отщепенцевъ и имѣетъ въ своихъ рукахъ достаточныя данныя для указанія должнаго мѣста такимъ „гражданамъ“, но всѣ они пока остаются на свободѣ и питаютъ надежду и на дальше благодушно проживать въ Муратовой и запугивать мирныхъ селянъ погромами и рѣзней за непринятіе новой вѣры. На такой почвѣ запугиванія одинъ состоятельный крестьянинъ уже находится въ домѣ для душевно больныхъ, а тѣ, у которыхъ убѣжденіе „я самъ себѣ“, франтами расхаживаютъ по селу и ногами попираютъ русскую святыню.— Это плоды своеобразно понятой „свободы“.

Архимандритъ Арсеній.

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Наша экскурсія 1911 года.

«Воспоминанія экскурсантокъ-воспитаницъ Харьковскаго Епархіальнаго жен. учил.»

(Окончаніе) *).

Нашъ пароходъ все время сопровождала стая чаекъ. Пассажиры бросали имъ кусочки хлѣба, и быстрыя, ловкія птицы ловили ихъ налету, ныряя за упавшими кусками въ воду, отнимали другъ у друга, издавая рѣзкіе не гармоничные крики. Это непривычное наблюденіе за рѣчной птичкой доставляло намъ удовольствіе.

Ровно сутки были мы въ пути. Часто мы останавливались у пристаней и допрашивали у мѣстныхъ жителей о достопримѣчательности селъ и городовъ, имѣющихъ значеніе для края и всей Россіи. Но вотъ незамѣтно открылся предъ нами Нижній Новгородъ.

Городъ очень хорошъ. Весь на горахъ, онъ террасами спускается къ Волгѣ и къ впадающей въ нее Окѣ. Особенно внушительны древнія Кремлевскія стѣны съ величественными башнями, гордо возвышающимися надъ рѣкой.

На пристани насъ поразило множество босяковъ, предлагающихъ свои услуги при выгрузкѣ и нагрузкѣ товаровъ и багажа пассажировъ. Тутъ же услышали мы волжскую „Дубинушку“, въ тактъ которой поднимаются и двигаются громадныя, превышающія человѣческія силы тяжести.

Большая широкая лѣстница ведетъ съ пристани наверхъ. Мы прошли пѣшкомъ къ элеватору, по которому поднялись къ трамваю.

Снова пріютились мы въ Епархіальномъ училищѣ. По размѣрамъ Нижегородское училище много меньше Ярославскаго и Костромскаго. При немъ роскошный садъ, съ тѣнистыми развѣсистыми деревьями и съ небольшимъ огородомъ.

Самое замѣчательное въ Нижнемъ Новгородѣ это Кремль, обнесенный толстыми зубчатыми стѣнами, съ 11 разнообразными башнями. Въ немъ заключены общественныя учрежденія и храмы. Самый древнѣйшій храмъ—Архангельскій соборъ. На палерти его сдѣлана надпись, изображающая краткую исторію основанія Нижняго Новгорода и этого собора. Въ немъ находятся могилы нѣкоторыхъ

*) См. ж. „В и Р.“, от. Извѣстій и Замятокъ № 4 за 1912 г.

Нижегородскихъ князей. Менѣе древній, Преображенскій соборъ служитъ кафедральнымъ соборомъ. Снаружи онъ не представляетъ ничего особенно интереснаго. Онъ имѣетъ видъ простаго, безъ всякихъ украшеній, большого дома съ низкими куполами и съ отдѣльной колокольней. Въ нижнемъ храмѣ помѣщаются гробницы нижегородскихъ князей, митрополитовъ и архіереевъ, а также знаменитаго патріота нижегородскаго—Козьмы Минина. Гробница его находится при спускѣ въ нижнюю темную церковь и образуетъ родъ часовни подъ вызолоченнымъ балдахиномъ. На могилѣ находится образъ Божіей Матери и дорогая лампада—даръ Императора Александра III, а также копія образа Спасителя, списокъ со знамени князя Пожарскаго, которое находится въ Москвѣ.

Недалеко отъ Архангельскаго собора, въ Мининскомъ саду воздвигнутъ памятникъ Минину и Пожарскому, небольшой гранитный обелискъ. По обѣимъ сторонамъ его пьедестала барельефныя изображенія Минина и князя Пожарскаго съ надписями: „Гражданину Минину—благодарное потомство 1826 г.“ и „Князю Пожарскому—благодарное потомство 1826 г.“.

Очень оригинальна, такъ называемая, Строгановская церковь. На ея темномалиновомъ фонѣ съ зеленоватыми линиями эффектно выдѣляются многочисленныя, украшающія ее, бѣлыя колонки. Храмъ имѣетъ 4 этажа, и куполъ его увѣнчанъ прорѣзными крестами.

Къ сожалѣнію, въ Нижнемъ Новгородѣ насъ застигла страшная жара, которая не дала намъ возможности лучше осмотрѣть городъ. Мы должны были ограничиться очень немногимъ, такъ какъ заранѣе выработанный маршрутъ не позволялъ намъ оставаться въ немъ лишній день.

Въ Нижнемъ мы сѣли на пароходъ „Пушкинъ“ и снова поѣхали „внизъ по Волгѣ рѣкѣ“. Волга дѣлалась все шире, а берега ея еще разнообразнѣе. Правый берегъ мѣстами покрытъ дремучимъ лѣсомъ. Не мудрено, что объ этихъ таинственныхъ глухихъ лѣсахъ народная фантазія создала такъ много дивныхъ легендъ о кладахъ, о скрытыхъ на днѣ озеръ городахъ, съ колоколами которыхъ по временамъ раздается мелодичный звонъ о волжскихъ разбойникахъ и ихъ удалыхъ атаманахъ.

Сама Волга отъ Нижняго кажется еще болѣе оживленной. Множество разнообразныхъ судовъ встрѣчаются часто. Капитаны со своихъ мостиковъ салютуютъ имъ флагомъ. Пассажиры съ палубъ тоже привѣтствуютъ ихъ, махая платками и фуражками. Безпрестанно попадаются медленно движущіеся плоты и неуклюжія баржи.

Мы миновали Макарьевскій Желтоводскій монастырь, окруженный, какъ крѣпость, высокими стѣнами съ башнями. Склонъ холма, на которомъ расположенъ монастырь, весь укрѣпленъ камнемъ, такъ какъ Волга очень близко подходитъ къ монастырю и угрожаетъ подмыть его.

На казанской пристани мы стояли около 4-хъ часовъ. Эта пристань находится верстахъ въ 7 отъ города и представляетъ очень оживленное торговое мѣстечко. Торговля преимущественно въ рукахъ татаръ, которые очень назойливо предлагаютъ свои товары пассажирамъ и при этомъ запрашиваютъ ужасныя цѣны. Мы не разъ наблюдали, какъ они, заломивъ за вещь рублей 6, въ концѣ концовъ упрашивали неговорчиваго покупателя взять ее за 1 рубль. На пароходѣ тоже, въ числѣ пассажировъ, появилось много татаръ въ типичныхъ костюмахъ, чевякахъ, тюбетейкахъ, съ неопрятно одѣтыми женами и быстроглазыми, милovidными татарчатами.

Между казанской пристанью и Симбирскомъ есть очень живописное мѣстечко—Тетюши. На обрывистомъ скатѣ горы, среди густой зелени, пріютилось нѣсколько домиковъ и амбаровъ, а надъ громадной крутизной, на вершинѣ обрыва, возвышается церковь.

Наконецъ, мы увидѣли знаменитыя Жигулевскія горы, служившія въ старину страшнымъ гнѣздомъ волжскихъ разбойниковъ. Жигули представляютъ рядъ высокихъ холмовъ самой причудливой формы, покрытыхъ чуднымъ вѣковымъ лѣсомъ. Дикія горы, крутые мрачные обрывы, ущелья, котловины, таинственные лѣса придаютъ красотѣ Жигулевскихъ горъ волшебный характеръ. Невольно фантазія переноситъ зрителя къ развалинамъ древнихъ замковъ или въ глубокія мрачныя подземелья. Это впечатлѣніе отъ Жигулей еще больше усиливается отсутствіемъ жизни въ нихъ: на протяженіи десятковъ верстъ очень рѣдко попадаются на глаза поселки съ ихъ суетливой дѣятельностью, придающей оживленіе глухой, суровой мѣстности. Мы не сходили съ палубы, любуясь чудными картинами природы. Миновали мы Царевъ-Курганъ, продолговато круглый холмъ, съ усѣченной голой вершиной, а за нимъ Жигулевскія ворота. Такъ называется ущелье, образованное горами. Жигулевскія ворота представляютъ самое узкое мѣсто Волги въ этомъ раіонѣ. Чѣмъ дальше, тѣмъ лѣвый берегъ замѣтно начинаетъ повышаться. Его покрываютъ все тѣ же густые лѣса. А мы все ближе и ближе подходимъ къ Самарѣ—конечному пункту нашего плаванія. Грустно было намъ разставаться съ прекрасной рѣкой.

Возлѣ Самары чудныя дачныя мѣста. На горѣ рядъ богатыхъ

дачь въ готическомъ, въ мавританскомъ стилѣ. Большинство изъ нихъ населяютъ прїѣзжіе изъ всѣхъ концовъ Россіи для лѣченія кумысомъ.

На пристани въ Самарѣ насъ встрѣтилъ человекъ изъ Самарскаго Епархіальнаго училища, который и проводилъ насъ туда. У открытыхъ воротъ училища мы увидѣли дворника, съ поклономъ привѣтствовавшаго насъ: „Милости просимъ, съ прїѣздомъ!“ Такъ радушно встрѣченныя еще за стѣнами училища, мы нашли самый теплый прїемъ и въ стѣнахъ его. Помощница начальницы, Агнія Павловна Ѳедорова, приняла насъ, какъ родныхъ. Казалось, мы послѣ долгаго отсутствія возвратились къ своимъ близкимъ, такъ добры, сердечны были всѣ къ намъ. Прїятно было намъ, что навѣстилъ насъ также Инспекторъ классовъ, протоіерей о. Александръ Меньшовъ, и преподаватель А. П. Поспѣловъ. Въ Самарѣ въ это время стояли страшныя жары. И вотъ маленькій училищный садикъ, въ которомъ мы пили чай, каждый разъ предъ нашимъ чаепитіемъ усиленно поливался, чтобы этимъ освѣжить знойный воздухъ. Только вечеромъ рѣшились мы пройти по улицамъ города и взглянуть на памятникъ Александру II-му. Этотъ памятникъ исполненъ необыкновенно художественно. Царь Освободитель изображенъ во весь ростъ, съ легко наброшенной на плечи шинелью, въ фуражкѣ и съ саблей въ рукѣ. Бронзовая фигура Императора стоитъ на высокомъ гранитномъ пьедесталѣ. На углахъ пьедестала помѣщаются 4 аллегорическія фигуры, изображающія главнѣйшія событія царствованія Царя Освободителя. Крестьянинъ, осѣняющій себя крестнымъ знаменемъ, держитъ въ рукахъ свитокъ съ надписью: 19 февраля 1861 г. Вторая фигура изображаетъ завоеванія въ Средней Азіи: женщина въ чадрѣ слагаетъ къ подножію Государа вѣнецъ. Покореніе Кавказа изображено такъ: кавказецъ въ національномъ костюмѣ ломаетъ о колѣно свою шпагу. Послѣдняя фигура представляетъ освобожденіе славянъ: болгарка съ разорванными цѣпами на рукахъ попираетъ магометанскую луну.

Изъ Самары мы направились домой уже по желѣзной дорогѣ. Поѣздъ нашъ мчался мимо однообразныхъ степей, покрытыхъ жалкимъ, выгорѣвшимъ отъ бездождья и зноя, хлѣбомъ. Унылый видъ погибающихъ злаковъ тогда уже угрожалъ голодомъ.

Одинокіе станціонныя домики не оживляли общаго однообразія картины. Не весело глядѣли и изрѣдка попадающіяся селенія съ бѣдными мазанками, какъ то сиротливо стоящія среди равнины, лишенной всякой зелени. Только когда полотно желѣзной дороги под-

ходило къ Волгѣ, картина мѣнялась. Великая рѣка давала жизнь всему, что соприкасалось съ ней.

Нашъ путь проходилъ черезъ знаменитый Сызранскій Александровскій мостъ, представляющій и по грандіозности, и по красотѣ чудо инженернаго искусства. Онъ имѣетъ видъ ажурнаго тоннеля, соединяющаго берега Волги на протяженіи около 1½ версты. Устои и скрѣпленія моста очень массивны, но онъ такъ искусно сдѣланъ, что кажется очень легкимъ и изящнымъ. Подъ пролетами моста (а ихъ 13-ть) легко проходятъ самыя большія волжскіе суда. На передней сторонѣ моста, на его верхней части укрѣпленъ большой щитъ съ государственнымъ гербомъ и инициалами Императора Александра II-го. Щитъ увѣнчанъ короной, а подъ нимъ двѣ изящныя лавровыя вѣтви.

Въ Пензѣ мы пересѣли на Балашевскую желѣзную дорогу и 28 іюня прибыли въ Харьковъ.

Хотя экскурсія отчасти утомила насъ, но она доставила намъ много незабвенныхъ воспоминаній. Многія изъ насъ готовы были начать экскурсію снова, чтобы снова жить особенной жизнью, забывая обо всемъ обыденномъ, сосредоточивая вниманіе на лучшихъ сторонахъ ея: на талантливомъ выраженіи красоты жизни въ чудныхъ картинахъ, художественныхъ статуяхъ, прекрасныхъ произведеніяхъ архитектуры и инженернаго искусства, на всемъ лучшемъ, что создалъ геній человѣка и могучія силы природы.

Во время путешествія мы старались по возможности запасаться открытками и альбомами, изображающими видѣнное нами, чтобы, по примѣру прежней экскурсіи, по нимъ приготовить картинки для волшебнаго фонаря. Посредствомъ такихъ картинъ и настоящаго описанія нашихъ воспоминаній мы можемъ подѣлиться своими впечатлѣніями съ тѣми подругами, которыя не имѣли возможности принять участіе въ экскурсіи. Прошлогодня экскурсія обогатила училищную коллекцію свѣтовыхъ картинъ на 146 экземпляровъ, причемъ имѣются картины не только наружныхъ видовъ храмовъ, дворцовъ, музеевъ и др., но и снимки внутреннихъ ихъ помѣщеній, иконостасовъ, иконъ и отдѣльныхъ предметовъ.

Иноепархіальный отдѣлъ.

О церковныхъ библіотекахъ.

Преосвященный Пермскій Палладій обратилъ вниманіе на церковныя библіотеки и для приведенія ихъ въ порядокъ издалъ слѣдующія распоряженія. „При обзорѣниі церквей епархіи, я не одинъ разъ убѣждался въ томъ, что церковныя библіотеки не пополняются необходимыми для причтовъ и для прихожанъ книгами назидательнаго содержанія съ такою заботою, какой требуетъ настоящее время. Не вездѣ есть св. біблія на славянскомъ языкѣ, и еще рѣже можно встрѣтить ее на русскомъ языкѣ. Творенія св. Іоанна Златоуста и святителя Тихона Задонскаго слишкомъ рѣдко украшаютъ собою церковныя книгохранилища. Прологи и Четы-Минеи святителя Дмитрія Ростовскаго не составляютъ обычной принадлежности большей части церквей, особенно церквей недавно построенныхъ. Во многихъ церквахъ библіотеки содержатся въ полномъ безпорядкѣ: книги не переплетены, не внесены въ каталоги или записаны крайне небрежно, покрыты слоемъ пыли и, очевидно, читаются самимъ духовенствомъ очень мало. Многіе псаломщики и діаконны и даже нѣкоторые священники второго штата или состоящіе на діаконскихъ вакансіяхъ жаловались мнѣ, что они лишены доступа къ библіотекѣ церковной и не получаютъ отъ настоятеля даже Церковныхъ и Епархіальныхъ Вѣдомостей. Плоды такого нерадѣнія настоятелей о библіотекахъ церковныхъ и о предоставленіи всѣмъ членамъ причта полной возможности свободно пользоваться книгами и журналами изъ этихъ библіотекъ, всегда бываютъ крайне печальны: умственное развитіе духовенства не подвигается впередъ, духовенство не можетъ слѣдить за тѣми задачами, какія ему настоятельно ставитъ сама жизнь, и успѣшно исполнять дѣло проповѣди, а младшіе члены причта совсѣмъ забываютъ и то, что усвоили въ школѣ. На законоучительской дѣятельности духовенства эта скудость церковныхъ библіотекъ и трудность пользованія ими отражаются самымъ плачевнымъ образомъ. Предлагаю духовенству и церковнымъ старостамъ позаботиться о скорѣйшемъ пополненіи церковныхъ библіотекъ книгами Священнаго Писанія, твореніями святоотеческими и книгами богословскими, проповѣдническими, апологетическими, церковно-историческими и миссіонерскими, равно какъ и о выпискѣ хорошихъ и духовенству доступныхъ журналовъ. За всякое содѣйствіе улучше-

нію церковныхъ бібліотекъ я буду очень признателенъ церковнымъ старостамъ. Всѣ книги должны быть приведены въ порядокъ, по возможности переплетены и записаны не только въ опись церковнаго имущества, но и въ особые каталоги, необходимые для того, чтобы каждый членъ причта по каталогу могъ легко найти полезную и нужную ему книгу. Для ближайшаго завѣдыванія бібліотекой причтъ и церковный староста должны избрать изъ состава причта особое лицо. Вмѣняю настоятелямъ церквей въ непремѣнную обязанность не только выдавать младшимъ членамъ причта Церковныя и Епархіальныя Вѣдомости по ихъ просьбамъ, но и побуждать ихъ непремѣнно прочитывать эти Вѣдомости, какъ содержащія много матеріала, съ которымъ все духовенство должно быть знакомо". (Пермс. Еп. Вѣд.).

Епархіальная касса пособій учащимся дѣтямъ духовенства въ Калужской епархіи.

Въ Калужской епархіи проектируется устройство епархіальной кассы пособій учащимся дѣтямъ духовенства на слѣдующихъ основаніяхъ. Для облегченія воспитанія дѣтей бѣднѣйшаго и многосемейнаго духовенства и оказанія пособія болѣе нуждающима изъ нихъ на болѣе равномѣрныхъ и справедливыхъ основаніяхъ учреждается особая касса, подъ названіемъ епархіальной. Епархіальная касса, какъ благотворительное учрежденіе, состоитъ подъ почетнымъ попечительствомъ епархіальнаго преосвященнаго. Временно помѣщается она при правленіи Калужскаго епархіальнаго свѣчнаго завода, вмѣстѣ съ суммами завода, лишь деньгамъ ея ведется особый счетъ. Средства кассы пріискиваются духовенствомъ; сюда относятся суммы, отпускаемыя епархіальнымъ съѣздомъ на пособія сиротамъ и бѣднѣйшимъ учащимся въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, пожертвованія и т. п. Завѣдуетъ кассой комитетъ по разсмотрѣнію прошеній о пособіяхъ и епархіальныхъ стипендіяхъ, учрежденный епархіальнымъ съѣздомъ 1908 года, въ составъ котораго входятъ члены отъ духовенства всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній епархіи по должности и, кромѣ того, два члена, избираемые въ комитетъ епархіальнымъ съѣздомъ на три года. На обязанности комитета лежитъ разсмотрѣніе прошеній о пособіяхъ, повѣрка и исправленіе справокъ, выработка болѣе однообразныхъ и справедливыхъ нормъ, вычисленіе слѣдующаго каждому просителю пособія, соотвѣтственно матеріальной обеспеченности и дѣйствительной нуждѣ его и составленіе общей вѣдомости учащихся, ищущихъ и нуждающихся въ пособія; о сво-

ихъ заключеніяхъ комитетъ составляетъ надлежащій журналъ и, по утвержденіи его преосвященнымъ, въ выпискахъ сообщаетъ правленіямъ и совѣту духовно-учебныхъ заведеній, дѣлая одновременно съ симъ распоряженіе объ отпускѣ изъ кассы потребныхъ суммъ въ каждое учебное заведеніе. Распредѣленіе и выдача пособій учащимся, примѣнительно къ установленнымъ въ комитетѣ нормамъ и соображаясь съ успѣхами и поведеніемъ учениковъ, производится въ правленіяхъ семинарій и духовныхъ мужскихъ училищъ и совѣтѣ епархіальнаго женскаго.

На основаніи существующихъ законоположеній, члены отъ духовенства поддерживаютъ заключенія комитета.

При опредѣленіи имущественнаго положенія просителей пособія принимаются въ руководство вычисленія учетнаго комитета о доходности причтовъ съ присоединеніемъ къ нимъ всего жалованья, получаемого духовными лицами отъ побочныхъ должностей (благочиннаго, наблюдателя, законоучителя, члена, дѣлопроизводителя, писца и т. д.) и за пользованіе церковными домами въ установленномъ размѣрѣ. Для сиротъ учреждается въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ, кромѣ казенныхъ, достаточное число епархіальныхъ стипендій, насколько позволяютъ помѣщенія въ общежитіи; въ противномъ случаѣ имъ (сиротамъ) выдается пособие наличными деньгами въ размѣрѣ, опредѣляемомъ епархіальнымъ съѣздомъ для каждаго учебнаго заведенія. Если на удовлетвореніе всѣхъ нуждающихся не будетъ доставать денегъ, имѣющихся въ епархіальной кассѣ, то комитетъ входитъ на очередной съѣздъ съ соотвѣтствующимъ докладомъ объ отпускѣ потребной суммы.

Ревизія суммъ епархіальной кассы поручается епархіальнымъ съѣздомъ одному изъ ревизіонныхъ комитетовъ при духовно-учебныхъ заведеніяхъ или особымъ лицамъ. Отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ по кассѣ комитетъ, завѣдующій ею, ежегодно представляетъ епархіальному съѣзду, ему же, съѣзду, принадлежитъ право дополненія и измѣненія настоящаго положенія, всякій разъ съ соизволенія его преосвященства.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Современный романъ.

Въ настоящее время во многихъ журнальныхъ статьяхъ рѣшается вопросъ о нравственномъ вліяніи художественной литературы

на общество. Этому жгучему современному вопросу посвящена небольшая, но содержательная статья въ „Вѣстн. Иностр. Лит.“ подъ заглавіемъ „Современный романъ, какъ возбудитель страстей“. Въ этой статьѣ авторъ ея М. О. собралъ изъ судебныхъ дѣлъ, газетъ и т. п. цѣлый рядъ высоко интересныхъ поучительныхъ фактовъ вреднаго вліянія современныхъ романовъ (преимущественно французскихъ) на молодое поколѣніе. Факты эти ужасны.

Въ іюль 1881 года въ Парижѣ судили 15 лѣтняго мальчика Леметра за звѣрское убійство шестилѣтняго ребенка. Онъ завелъ его къ себѣ въ комнату, связалъ ему руки, уложилъ на постель и затѣмъ перерѣзалъ ему горло и вспоролъ животъ. Можно было подумать, что этотъ юноша—убійца душевно больной. Но психіатры не нашли въ немъ признаковъ сумасшествія. Онъ оказался жертвою литературы, которая ознакомляетъ публику съ преступленіемъ и создаетъ нѣчто въ родѣ пьедестала для тѣхъ, кто появляется предъ уголовнымъ судомъ. Юноша Леметра оказался коротко знакомымъ со всѣми произведеніями литературы, въ которыхъ воспѣвается любовь, преимущественно преступная, и въ которыхъ злодѣйство возводится въ перлъ созданія. Сидя въ тюрьмѣ, онъ очень интересовался тѣмъ, что пишутъ про него въ газетахъ и продаютъ ли его фотографію. Въ 1886 году въ Парижѣ судились два юноши Мюшаби за звѣрское убійство молодой дѣвушки. Судъ установилъ, что это убійство было слѣдствіемъ настроенія, даннаго имъ романами Купера. У нихъ не было никакихъ серьезныхъ мотивовъ къ убійству этой дѣвушки кромѣ желанія подражать въ образѣ дѣйствій героямъ Купера, которымъ они зачитывались. Очень интересенъ и надѣлавшій много шума процессъ барышни Лемцанъ—читательницы романовъ Жоржъ-Зандъ. Какъ извѣстно, романы послѣдней всегда изображаютъ любовь двухъ неравныхъ по общественному положенію лицъ. При этомъ герои, стоящіе на низшей ступени общественной лѣстницы, всегда оказываются надѣленными множествомъ симпатичныхъ свойствъ и качествъ. Для наивныхъ читателей и читательницъ—какова была и Лемцанъ—отсюда слѣдовалъ выводъ, что люди низшаго общественнаго положенія—образцы добродѣтели. И вотъ подъ вліяніемъ такого убѣжденія названная барышня влюбляется въ своего кучера и вступаетъ съ нимъ въ связь. Дѣло дошло до суда. Вліяніе чтенія романовъ на подсудимую на судѣ такъ выяснилось, что прокуроръ и защитникъ въ своихъ рѣчахъ отвели ему главное мѣсто.

Спеціалисты—соблазнители давно подмѣтили такое вредное

вліяніе романовъ на молодыхъ дѣвушекъ и давно пользуются этимъ средствомъ для своихъ цѣлей. Фактъ раздражительнаго дѣйствія литературы на страсти юныхъ читателей подмѣченъ не только судебною экспертизою, но даже и медициною. Въ словарь Детшамбра, въ статьѣ о нервныхъ болѣзняхъ, мы читаемъ слѣдующія строки: „Кому неизвѣстно раздражающее вліяніе чтенія эротическихъ произведеній, спектаклей, свѣтскихъ увеселительныхъ сборищъ, которыя производятъ преждевременное возбужденіе чувствъ и повергаютъ молодыхъ дѣвушекъ въ пучину всякихъ романтическихъ грезъ, а иной разъ доводятъ ихъ до истерическаго состоянія“.

Проаль, изъ книги котораго М. О. почерпаетъ факты уголовной хроники, имѣя въ виду столь несомнѣнное вредное вліяніе романовъ, сравниваетъ ихъ—съ алкоголемъ, а читальни съ кабаками. Какъ спиртъ, такъ и чтеніе могутъ быть полезны въ надлежащей дозѣ, и убійственно вредны, если потребленіе ихъ принимаетъ видъ запоя. Главный товаръ, предлагаемый въ библіотекахъ и читальняхъ, это—романъ. Этотъ родъ литературы, говоритъ Проаль, настоящій фармацевтическій препаратъ. Дѣйствіе его столь же разнообразно, какъ и дѣйствіе лѣкарственныхъ веществъ. Лѣкарства усыпляютъ нервы, романы усыпляютъ совѣсть. Есть зелья взрывчатая, есть и книжки въ своемъ родѣ взрывчатая, возбуждающія противъ общества, его законовъ и обычаевъ. Особенно же вредны романы, въ которыхъ любовь и ревность трактуются, какъ естественное врожденное право человѣческой личности. Проаль знаетъ много случаевъ, когда ярые влюбленные дѣлали покушеніе на жизнь женщинъ, имѣвшихъ несчастіе плѣнить ихъ сердца и не раздѣлявшихъ пыла. На допросѣ и судѣ эти франты твердо опирались на свое право любви; они и не думали въ чемъ-либо признать себя виновными.

Провозгласителями этого удивительнаго права являются двѣ литературныя школы романтиковъ и натуралистовъ. Романтики признавали, что когда мужчина и женщина питаютъ одинъ къ другому сильную страсть, они принадлежатъ другъ другу по естественному праву, какія бы препятствія ни становились между ними со стороны мужа, родственниковъ и даже законовъ. Отсюда мужъ, возмущающійся паденіемъ жены своей, эгоистъ и больше ничего. Романтиками проводилась идея, что каждой женщинѣ судьба предназначила для любви одну родственную мужскую душу. Женщина, встрѣтившая такую душу, обязывалась, по взгляду романтиковъ, идти ей на встрѣчу противъ всякихъ препятствій, какъ бы серьезны они ни были, такъ

какъ де само Провидѣніе устраиваетъ эти дѣла. Вслѣдъ за провозглашеніемъ такого права любви было, конечно, естественнымъ провозглашеніе и права прелюбодѣянія.

Нашъ современный романъ, особенно натуралистическій, не только унаслѣдовалъ отъ романтиковъ всѣ эти „права“, но еще добавилъ къ нимъ новую точку опоры—судьбу, гнетъ фатальности. Сердце и темпераментъ человѣка въ зависимости отъ окружающихъ его обстоятельствъ предъявляютъ ему требованія, которыя онъ никакъ не можетъ не удовлетворить и за удовлетвореніе которыхъ онъ не отвѣтственъ, такъ какъ онъ жертва нервовъ и обстоятельствъ.

Современный романъ виновенъ не въ одномъ томъ, что разукрасилъ любовь и возвелъ ее въ право; онъ опоэтизировалъ также преступленіе и создалъ въ дополненіе къ праву любви и право мщенія. Гете, Дюма, Бальзакъ, Байронъ и многіе другіе поэты восторгаются убійствами, которыя совершаютъ ихъ герои. Но особенно восхищается преступленіемъ писатель Стендаль. „Когда меня обираютъ воры, говоритъ онъ, я чувствую сильный гнѣвъ противъ правительства, противъ духовенства, но самъ воръ мнѣ нравится, если только я вижу въ немъ энергію, силу“.

Кромѣ указанныхъ вредныхъ сторонъ романа, г. М. О. отмѣчаетъ еще внесеніе имъ заразной страсти къ душевному самоанализу. Такого рода страсть нагоняетъ на одержимыхъ ею страшную тоску, ненависть къ жизни, равнодушіе, раздражительную лѣнь. Эта страсть приводитъ иногда къ сумасшествію. „Такой самонаблюдатель“, говоритъ Шенедало, „пожираетъ собственное сердце“.

Свою статью М. О. заключаетъ насмѣшливымъ припоминаніемъ словъ романтистовъ, утверждавшихъ, что ихъ задача исправлять нравы общества. „Куда ужъ, говоритъ онъ: хорошо, если бы они порокъ не выставляли въ ореолѣ красоты, не преувеличивали бы и не дѣлали своими героями какихъ то вырожденцевъ. Но есть и такіе романисты, которые складываютъ съ себя въ данномъ случаѣ всякую отвѣтственность, опираясь на права, принадлежащія таланту и художественному творчеству. Таковъ, напр., Золя, который говоритъ: „если у писателя есть талантъ, я полагаю, что ему все позволено“.

Не безумно-ли права художества ставить выше правъ жизни и нравственности? Кромѣ того, обладаніе талантомъ, по требованіямъ здраваго смысла, не должно-ли увеличивать нравственную отвѣтственность писателя, какъ человѣка, а не снимать ее съ него?

ОТКРЫТА ПОДПІСКА

— на —

**Православные Народные Листки религиозно-нравственного
содержанія.**

Годовая подшисная цѣна **5** рублей за 25 номеровъ въ годъ по 35
экземпляровъ каждаго номера.

Подписка принимается у редактора-издателя „Православныхъ
Народныхъ Листковъ“, Амвросіевскаго благочиннаго, священ. Василя
Ремизова по адресу: Алексѣево-Леоново почтовое отдѣленіе, Дон-
ской области.

Священникъ *Василій Ремизовъ.*

**Фабриканты Церковной Утвари
Т-во Андрея Захряпина С-вей**

== имѣемъ честь увѣдомить, что при магазинѣ въ
Воронежѣ, на большой Московской ул., противъ Духов-
ной Консисторіи, имѣется въ громадномъ выборѣ: ==

церковная утварь,

серебряная и металлическая парча и священническія облаченія.

Фирма ручается за доброкачественность товара, а также даетъ
наставленія какъ обращаться съ утварью и способъ ея чистки.

ЦѢНЫ ФАБРИЧНЫЕ БЕЗЪ ЗАПРОСА,

просимъ посѣтить нашъ магазинъ и убѣдиться на мѣстѣ.

ЛИЦА ЖЕЛАЮЩІЕ ПРИМѢНИТЬ ВЪ СИБИРИ

СВОЙ ТРУДЪ, ЗНАНІЕ ИЛИ ОПЫТЪ

обращайтесь въ контору газеты Сибирскій Торгово-Промыш-
ленный Вѣстникъ. Иркутскъ, Почтамтская № 14-й. Подробно-
сти высыл. по получ. на расходы 28 коп. марк.

Журналь „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналь помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго; какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“, кромѣ того, пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Біографическій очеркъ Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католицизму“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“?—В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—Статьи объ антихриствѣ. Профес. А. Д. Бѣляева.—„Книга Рувъ“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Экзарха Грузіи).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія монизма“. Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Линицкаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—Чтенія по космологіи. Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“ Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналь помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенски, Лейбница, Канта, Каро, Жане, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ гг. СОТРУДНИКОВЪ и ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ; за перемѣну адреса уплачивается 30 коп.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакция считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 коп.

Редакторы: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй Юшковъ.
Дѣяств. Статск. Совѣт. Констанція Истоминъ.